

ISSN печатной версии: 2658-7335

№ 4 / 2025

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**
SCIENTIFIC MAGAZINE

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 4

2025

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2025, № 4

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2025, № 4

It is founded in 2016.

ISSN печатной версии: 2658-7335

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 23.09.2022

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72249 от 24.01.2018 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека (Российский индекс научного цитирования) № 165-04/2021

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД РФ, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани, директор издательства ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

ISSN for printed version: 2658-7335

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published from 23.09.2022

Mass media registration certificate: PI № FS 77-72249 dated January 24, 2018 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

License Agreement Scientific Electronic Library
(Russian Science Citation Index) № 165-04/2021

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Employee of the Kuban Internal Affairs Bodies, Director of the Publishing House of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Head of Educational and Methodological Department Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Говердовская Елена Валентиновна,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета;

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правового регулирования, Кубанский государственный университет;

Семенов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабаев Михаил Матвеевич,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта, Донской государственной технической университет, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Богатырев Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессора юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Давыдова Галина Ивановна,

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Жиркова Евгения Алексеевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет;

Звонарева Лола Уткировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института мировых цивилизаций, Москва;

Иванцов Сергей Вячеславович,

доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Кашкаров Алексей Александрович,

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клименко Таужан Микаиловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Мамедов Рашад Юсуф оглы,

доктор философии по праву, доцент, доцент кафедры гражданского права, Академия полиции Азербайджанской республики;

Невский Сергей Александрович,

Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника, начальник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского Института МВД России;

Немыка Анна Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет;

Павлов Юрий Михайлович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Шаталова Ольга Васильевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документирования Елецкого государственного университета имени Бунина;

Шкаплеров Юрий Павлович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Могилевского института Республики Беларусь;

Шульженко Вячеслав Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии и журналистского языка, Пятигорский государственный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Elena V. Goverdovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University;

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Legal Regulation, Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of Department of Criminal Proceedings, Kuban State University;

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Babaev,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena A. Bayer,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Physical Culture and Sports, Don State Technical University, Director of the Azov Child Care Center;

Valery V. Bogatyrev,

Doctor in Law, Professor of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Professor of the Faculty of Law, Moscow Financial-Industrial University «Synergy»;

Galina I. Davydova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Psychology Department of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky KFU», Yalta;

Evgenia A. Zhirkova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature, Literature Theory and Criticism, Kuban State University;

Lola U. Zvonareva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the Institute of World Civilizations, Moscow;

Sergey V. Ivantsov,

Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexander N. Ignatov,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Tauzhan M. Klimenko,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute of the North Caucasus State Academy;

Elena Yu. Kolomiitseva,

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture;

Rashad Yu. Mamedov,

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Civil Law Department, Police Academy of the Azerbaijan Republic;

Sergey A. Nevsky,

Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head, Head of the Research Center № 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Anna A. Nemyka,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University;

Yuri M. Pavlov,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Journalistic Skills, Kuban State University;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Defectology and Inclusive Education, Don State Technical University;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary Education, Don State Technical University;

Lubov Ya. Khoronko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Education and Educational Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University;

Olga V. Shatalova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Methods of Teaching and Documenting it at Yelets State University named after Bunina;

Yuri P. Shkaplerov,

Doctor in Law, First Deputy Head, Mogilev Institute of the Republic of Belarus;

Vyacheslav I. Shulzhenko,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Russian Philology and Journalistic Language, Pyatigorsk State University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Переулок Народный, д. 2/1

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(988) 167-67-67

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Narodny Lane, 2/1

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(988) 167-67-67

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Аксенова О.Н., Швец Е.В., Меликян С.В., Шушарина Е.С.</i> Адаптация иностранных брендов в новых реалиях российского рынка: кейс DeFacto	21
<i>Борискина А.В.</i> «Я» и «другой» в металирике В.В. Набокова: границы конвергенции	31
<i>Городец А.Ф.</i> Правовые смыслы художественного текста и его аксиологическая лексика	36
<i>Грицева Ю.В.</i> Вербализация категории времени в TikTok-нарративах	41
<i>Павловская О.Е., Рыбальченко О.В.</i> Современный интернет-дискурс: активные лексические процессы	46
<i>Свитенко Н.В., Чотчаева М.Ю.</i> Нелокальная личность и виртуальные идентичности в романе «Любовь к трем цукербринам» В. Пелевина	52
<i>Хабаров А.А.</i> Эстетика и визуальный стиль Ингмара Бергмана	58
<i>Хачак С.К.</i> Функционально-семантические особенности сленга в молодёжном дискурсе	63
<i>Чернова Л.В., Ковалевич Е.П., Напцок М.Р.</i> Разработка научно-методического сопровождения обучения русскому языку в полилингвальном регионе: основные принципы и подходы	69

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Вецкая С.А.</i> Допустимость доказательств, полученных от адвоката, и проблемы их признания в судебной практике	79
<i>Волчкова Э.А.</i> Обоснованность уголовной ответственности за дропперство и пути ее совершенствования	84
<i>Гапоненко О.Ю.</i> Судебные решения Конституционного суда Российской Федерации в сфере судебного нормоконтроля в Российской Федерации: проблемы реализации	88
<i>Иликбаева Е.С.</i> Принцип сбалансированной криминализации как методологическая основа современной уголовной политики	94

<i>Клюканова Т.М.</i> Международное сотрудничество государств в борьбе с международной и транснациональной преступностью	101
<i>Козина О.А.</i> Уголовно-правовые аспекты хищения имущества военной организации	108
<i>Лозовский Д.Н., Ульянова И.Р.</i> Отдельные аспекты производства следственного осмотра по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий	113
<i>Мельничук В.А.</i> Анализ Основных положений международного гуманитарного права в условиях борьбы с терроризмом	119
<i>Непомнящий П.А.</i> Генезис добросовестности в налоговом праве	125
<i>Харитонов И.К., Неженец В.С.</i> Проблемы признания права собственности на объекты незавершенного строительства в Российской Федерации	131
<i>Цвилий-Букланова А.А., Самолысов П.В., Белова С.Н.</i> Оптимизация судебной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации: правовые аспекты	137

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Olga N. Aksenova, Elena V. Shvets, Svetlana V. Melikyan, Elena S. Shusharina</i> Adaptation of foreign brands in the new realities of the russian market: the DeFacto case	21
<i>Anastasia V. Boriskina</i> «I» and «the other» in the metalyrics of V.V. Nabokov: the boundaries of convergence	31
<i>Alla F. Gorobets</i> The legal meanings and axiological vocabulary of fiction text	36
<i>Yulia V. Gritseva</i> Verbal representation of the temporal category in TikTok narratives	41
<i>Olga E. Pavlovskaya, Olga V. Rybalchenko</i> Contemporary internet discourse: active lexical processes	46
<i>Natalya V. Svitenko, Marina Yu. Chotchaeva</i> Non-local personality and virtual identities in the novel «Love for three zuckerbrins» by V. Pelevin	52
<i>Artyom A. Khabarov</i> The aesthetics and visual style of Ingmar Bergman	58
<i>Svetlana K. Khachak</i> Functional and semantic features of slang in youth discourse	63
<i>Lyubov V. Chernova, Elena P. Kovalevich, Marietta R. Naptso</i> Development of scientific and methodological support for teaching the russian language in a polylingual region: basic principles and approaches	69

JURISPRUDENCE

<i>Svetlana A. Vetskaya</i> Admissibility of evidence obtained from a lawyer and problems of its admission in court practice	79
<i>Elamie A. Volchkova</i> Justification of criminal responsibility for dropperness and ways to improve it	84
<i>Olga Yu. Gaponenko</i> Judicial decisions of the Constitutional court of the Russian Federation in the field of judicial regulation in the Russian Federation: problems of implementation	88
<i>Evgenia S. Ilikbayeva</i> The principle of balanced criminalization as a methodological basis of modern criminal policy	94
<i>Tatiana M. Klyukanova</i> International cooperation of states in the fight against international and transnational criminality	101

<i>Oksana A. Kozina</i> Criminal and legal aspects of embezzlement of property of a military organization	108
<i>Denis N. Lozovsky, Irina R. Ulyanova</i> Certain aspects of the investigative inspection in criminal cases of crimes committed using information and communication technologies	113
<i>Viktor A. Melnichuk</i> Analysis of the main provisions of international humanitarian law in the context of the fight against terrorism	119
<i>Pavel A. Nepomnyashchy</i> The genesis of good faith in tax law	125
<i>Ilya K. Kharitonov, Victoria S. Nezhenets</i> Problems of recognition of ownership of unfinished construction projects in the Russian Federation	131
<i>Anna A. Tsviliy-Buklanova, Pavel V. Samolysov, Svetlana N. Belova</i> Optimization of litigation activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation: legal aspects	137

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-18>

УДК 338.45

Attribution

cc by

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ БРЕНДОВ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ РОССИЙСКОГО РЫНКА: КЕЙС DEFACTO

Аксенова О.Н., Швец Е.В., Меликян С.В., Шушарина Е.С.

Воронежский государственный технический университет

Аннотация. Целью данной статьи является анализ влияния ухода и возвращения иностранных компаний на трансформацию российского рынка с 2022 по 2025 годы. Анализируется покупательское поведение в отношении бренда одежды DeFacto, включая предпочтения в источниках получения информации. В работе освещаются новые экономические и медийные реалии России, особенности адаптации зарубежных брендов и изменения, произошедшие в предпочтениях российских потребителей. Новая эпоха предоставляет зарубежным компаниям возможность по-новому оценить свою позицию на российском рынке. Результаты социологического опроса позволяют выявить основные критерии выбора одежды, наиболее значимые источники информации о брендах и разработать рекомендации по эффективному использованию цифровых коммуникаций для укрепления позиций бренда DeFacto на рынке. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы при разработке проекта PR-кампании, направленной на укрепление имиджа DeFacto в современных экономических и политических условиях, увеличение лояльности клиентов и стимулирование продаж.

Ключевые слова: бренд, ренейминг, рестайлинг, ребрендинг, коммуникационная политика, потребительские тренды, гибридная реальность, медиаформаты, маркетинговые стратегии.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ADAPTATION OF FOREIGN BRANDS IN THE NEW REALITIES OF THE RUSSIAN MARKET: THE DEFACTO CASE

Olga N. Aksenova, Elena V. Shvets, Svetlana V. Melikyan, Elena S. Shusharina

Voronezh State Technical University

Abstract. The purpose of this article is to analyze the impact of foreign companies' exits and re-entries on the transformation of the Russian market from 2022 to 2025. We analyze consumer behavior for the DeFacto clothing brand, including information source preferences.

The paper highlights the new economic and media realities in Russia, the specifics of foreign brands' adaptation, and changes in Russian consumer preferences. This new era offers foreign companies the opportunity to reassess their position in the Russian market. The results of the sociological survey allow us to identify key criteria for clothing selection, the most significant sources of brand information, and develop recommendations for the effective use of digital communications to strengthen the DeFacto brand's position in the market. The data obtained during the study can be used in developing a PR campaign aimed at strengthening DeFacto's image in the current economic and political climate, increasing customer loyalty, and stimulating sales.

Keywords: brand, renaming, restyling, rebranding, communication policy, consumer trends, hybrid reality, media formats, marketing strategies.

Funding: Independent work.

Введение.

С марта 2022 года Россию покинуло 62 % компаний из недружественных стран. Их уход привел к значительным изменениям на российском рынке. Треть иностранных фирм продолжает вести

обычную деятельность. Реже всего за это время уходил с рынка страны итальянский, бельгийский и швейцарский бизнес. Такие данные в марте 2025 года привел российский интернет-портал и аналитическое агентство TAdviser [4] со ссылкой на данные аналитической компании Kept.

Школа менеджмента Йельского университета, которая ведет мониторинг деятельности иностранного бизнеса в России, определяет количество ушедших иностранных компаний в пределах 1000 [11].

Следует отметить, что некоторые из них, в скором времени, возобновили свою работу на российском рынке. Полагаем, что на изменение решений брендов в значительной степени оказала влияние инициатива депутата Госдумы Евгения Федорова о десятилетнем запрете на ведение бизнеса в РФ ушедших иностранных компаний. Вернувшиеся компании обозначили новый этап своей деятельности в России ренеймингом, рестайлингом и ребрендингом.

Исследование, проведенное Kokos Group, выявило растущую тенденцию возвращения иностранных брендов на российский рынок. В последнем квартале 2024 года в Россию уже вернулись 235 зарубежных компаний; имеются заявки о выходе на российский рынок 13 новых иностранных брендов, а на 2025 год прогнозируется возвращение еще 350 [2].

21 февраля 2025 года **Владимир Путин** поручил правительству «отрегулировать возвращение на российский рынок компаний, которые хотят вернуться, чтобы обеспечить национальным производителям определенные преимущества. Он отметил, что привилегии должны соответствовать нормам Всемирной торговой организации» [2].

В условиях кризиса для иностранных брендов, коммуникационная политика приобретает особую значимость. Социальные сети, в частности «ВКонтакте», остаются ключевым каналом взаимодействия с аудиторией. Однако в начале Специальной военной операции многие иностранные компании, приостановившие деятельность в России, не имели четкой стратегии и прекратили публикации в соцсетях. Лишь единицы сообщили своим подписчикам о решении уйти с российско-го рынка.

Консультант по стратегическому управлению Мадина Малова сравнивает современный российский рынок с шахматной доской, где предыдущая партия закончена, и фигуры на поле расставлены заново. «Уход западных брендов в 2022 году стал лишь одной из точек в игре предыдущего периода. За какие-то пять лет взрывной рост технологий в эпоху коронавируса, мобилизация экономики и стремительное развитие отечественных брендов, трансформация потребительских трендов и смена медиаландшафта превратили Россию в другую страну.

В результате, брендам, которые впервые входят на рынок или возвращаются, теперь придется работать не с привычной глобализацией, а с «гибридной реальностью», где успех зависит от умения балансировать между новыми правилами игры и запросом аудитории» [5].

Предоставляя преференции национальным производителям, государство последовательно проводит усиление позиционного регулирования, выдвигая на первый план защиту национальных интересов в экономической и социальной сферах. Российские компании получают возможность занять освободившиеся ниши, масштабировать бизнес за счет большого количества инвестиций и господдержке. В новой реальности зарубежные компании для эффективной работы на российском рынке должны соблюдать ряд условий – от создания рабочих мест и поддержки локальных сообществ до партнерства с российскими поставщиками.

Изменения произошли и в социальной, и медиасфере, где появились новые правила маркировки рекламы в интернете; блогеров с аудиторией свыше 10 тыс. подписчиков приравнивали к СМИ. На защиту от манипулирования направлены новые нормы закона об «иноагентах», усилена ответственность за распространение фейков и экстремизма. Увеличилась значимость Telegram и отечественных социальных сетей, появились новые тренды в видеоконтенте и новые лидеры мнений.

Для того чтобы донести свои идеи до аудитории, бренды начинают активно использовать авторские Telegram-каналы, создают собственные медиаплатформы, пробуют различные интерактивные механики и геймификацию, запускают погружающие специальные проекты на стыке цифрового и физического мира, а также устанавливают связи с нишевыми экспертами и «инфлюенсерами».

Другой особенностью является то, что лояльность бренду сменяется лояльностью выгоде. Так, «по данным Группы компаний Б1 (ранее E&Y), в 2024 году цена при покупке товара была важна для 92 % россиян (против 86 % осенью 2023), качество – для 82 % (78 % в 2023). А в Европе внимание акцентировано не на бренде, а на стоимости и качестве товара: 54 % опрошенных обращали на это обстоятельство уже в 2022 году. В прогнозе на 2025 год **Forrester** пообещал падение лояльности к американским брендам на 25 %» [5].

В России наблюдается рост влияния «прагматичного потребителя» в условиях параллельного импорта. За три года китайские автомобильные марки заняли более 60% рынка, при этом они не спешат устанавливать эмоциональную связь с российским покупателем, как это когда-то делали Toyota, Mercedes-Benz, BMW или Volkswagen. В результате, лояльность россиян к автомобильным брендам изменилась от «эмоциональной» к рациональной выгоде. Это связано не только с ценой, но и с «травмой ухода». Люди испытывают обиду из-за неожиданного исчезновения брендов, которые многие годы уверяли их в своей надежности. Теперь всем брендам нужно будет доказать, что они действительно «все-рвез и надолго».

Как известно, чтобы привлечь и удержать интерес аудитории, необходимо общаться с ней в удобное и интересное для нее время и формате. Важно отметить, что отечественные способы коммуникации могут отличаться от международной практики. Например, согласно данным одной из ведущих платформ в сфере цифрового маркетинга HubSpot, в 2025 году самые популярные медиаформаты будут включать онлайн-трансляции, пользовательский контент (UGC), полнометражные фильмы, медиапосты, интервью, изображения и видеоролики [5].

Современная эпоха предоставляет зарубежным компаниям возможность по-новому оценить свою позицию на российском рынке. Те, кто смогут осознать новые правила взаимодействия и адаптироваться, сохранив свою индивидуальность, получат возможность вновь выйти на российский рынок. Возможно, им удастся не только вписать свой бренд в обновленный рыночный ландшафт, но и завоевать симпатию российского потребителя. Ведь бизнес-успех всегда зависит от умения слышать человека, быть верным себе и оставаться профессионалом.

Одной из иностранных компаний, работающих на российском рынке, является DeFacto (официальное название DeFacto Perakende Ticaret A.Ş.). Это турецкий бренд одежды, пришедший на отечественный рынок в 2015 году. С 2022 года бренд DeFacto демонстрирует значительный рост на европейском рынке и стремится увеличить свое присутствие в 180 странах к 2027 году. В последние годы бренд вкладывает значительные средства в свою модель франшизы «нового поколения». На данном этапе, ключевой стратегией DeFacto является подход «одного окна»: динамичное предложение товаров, которое обслуживает всю семью с помощью разнообразного ассортимента продукции.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении в сложившихся условиях покупательского поведения и предпочтения в источниках получения информации о бренде **DeFacto**.

История вопроса, включая обзор литературы.

Исследование покупательского поведения имеет тесную междисциплинарную связь, и находится на стыке экономики, психологии, социологии и менеджмента. Изучаются процессы принятия решений, мотивы покупок, влияние семьи, социальной среды и культуры, а также психология лояльности и брендинга.

Так, О.Н. Жильцова рассматривает профессиональные задачи в области анализа социально-экономических, мотивационных и ситуационных факторов поведения потребителей, а также пути эффективного его регулирования и оптимизации [3].

За последние несколько лет акцент сместился в сторону анализа цифровой среды – в работах исследователей рассматриваются вопросы, свя-

занные с выявлением закономерностей в процессе поиска информации о бренде и выбором между контролируруемыми (официальные сайты, аккаунты бренда в социальных сетях, реклама) или неконтролируемыми источниками информации (отзывы, рекомендации блогеров, «сарафанное радио» и т.д.) [10; 12].

Много внимания уделяется связи восприятия бренда и стратегий потребительского поведения. Анализируются психологические механизмы формирования приверженности бренду, социальные триггеры выбора товара и индивидуальные траектории принятия решений [1].

Вопросы коммуникационной политики отечественных и иностранных брендов в современных условиях, имеющих политические и экономические ограничения, поднимаются в статье М.А. Шипиловой [15]. Автор анализирует ренейминг, рестайлинг и ребрендинг компаний, возобновивших свою деятельность в России.

Методы и результаты исследования.

В ходе исследования был проведен социологический опрос, который позволил выявить покупательское поведение и предпочтения в источниках получения информации о бренде DeFacto. Генеральная совокупность – все покупатели, которые совершали покупку в магазине **DeFacto, расположенном в торговом центре Галерея Чижова (г. Воронеж)** в период проведения анкетирования (опрос) в марте-апреле 2025 года. Объем выборки – 326 человек.

При составлении программы исследования были обозначены ключевые поисковые вопросы, по которым необходимо осуществить сбор информации. Спектр интересов охватывал частоту совершения покупок и факторы, влияющие на выбор бренда, а также потребительскую оценку аспектов коммуникаций бренда DeFacto. Для проведения исследования была разработана анкета, содержащая 13 вопросов. Почти половина респондентов обновляет гардероб с наступлением нового сезона. На вопрос: «Как часто вы покупаете одежду?», большинство опрошенных ответили, что один раз в три месяца (47 %), 35 % совершают покупку одежды один раз в месяц, 18 % покупают одежду один раз в полгода.

Наиболее важные факторы, влияющие на выбор одежды среди участников опроса, таковы: 86 % обращают внимание на качество изготовления, 50 % – на бренд, 41 % – на страну, где произведена одежда, 38 % – на приемлемую ценовую категорию, 36 % – на состав тканей.

В ответ на вопрос: «Какую роль для вас играет бренд одежды?», 18 % заявили, что это «совсем не важно», 28 % стремятся приобретать брендовые вещи, но сам бренд им не важен, 49 % покупают только продукцию известных брендов, а 5 % ориентируются исключительно на определенные бренды.

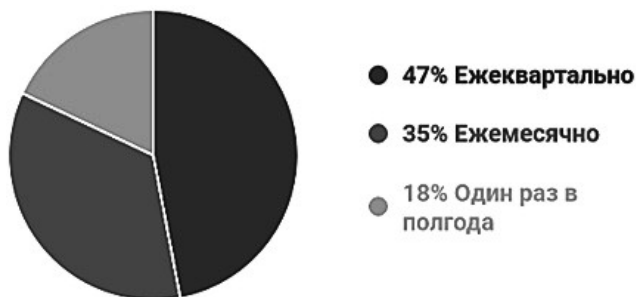

Рисунок 1 – Частота покупки одежды среди опрошенных

Значимость бренда для половины респондентов говорит о необходимости постоянных вложений в имидж, репутацию и качество для оправдания

ожиданий потребителей и выделения на фоне конкурентов.

Рисунок 2 – Важность бренда одежды для покупателей

Частота покупок одежды бренда DeFacto выглядит следующим образом: 12 % покупателей де-

лают это раз в месяц, 56 % – раз в три месяца, 30 % – раз в полгода, и 2 % – раз в год.

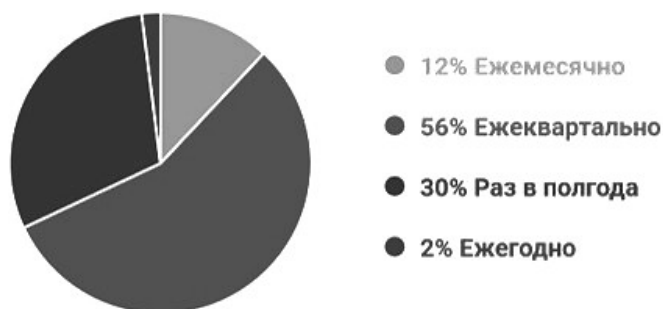

Рисунок 3 – Частота покупок одежды бренда DeFacto

На вопрос: «При каких обстоятельствах вы покупаете одежду DeFacto?», мнения распределились так: 67 % респондентов покупают одежду для повседневного использования, 54 % покупают во время распродаж и акций, 34 % приобретают вещи для праздников и других важных событий, а 26 % респондентов «мотивируют к покупке» новые коллекции.

Среди наиболее привлекательных характеристик одежды бренда DeFacto, согласно опросу, выделяются: 82 % – качество изготовления, 74 % – состав тканей, 67 % – удачный крой, 52 % – стиль, 48 % – адекватная цена, другие варианты отсутствуют.

Выявленные предпочтения покупателей дают возможность скорректировать креативные концепции рекламных компаний бренда.

О бренде DeFacto респонденты впервые услышали, в основном, через интернет-рекламу – 32 %, от знакомых – 27 %, через социальные сети – 22 %, и 19 % «совершенно случайно заглянули в магазин».

Полученные данные говорят о среднем уровне информированности, о недостаточной видимости бренда для аудитории, а также о необходимости корректировки коммуникационной стратегии продвижения.

На вопрос: «Посетили бы вы презентацию новой коллекции от DeFacto?», 12 % ответили «нет», 46 % затруднились ответить, и 42 % – «да».

Ответы 137 участников опроса на вопрос: «Что бы вы хотели увидеть на этих мероприятиях?»,

были следующими: 69 % (95 человек) выбрали мастер-класс имидж-стилиста, 97 % (133 человек) – модный показ, 16 % (22 человека) – музыкальные выступления, 21 % (29 человек) – конкурсы, и 38 % (52 человека) – розыгрыши и лотереи.

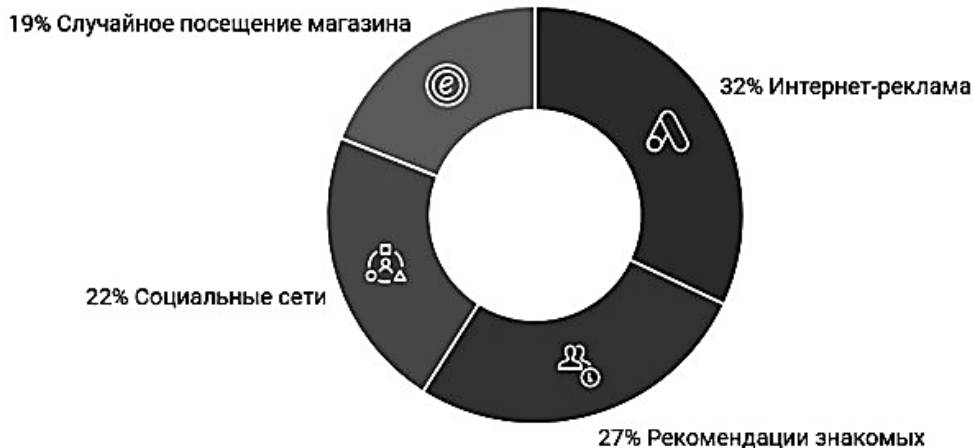

Рисунок 4 – Привлекательные характеристики одежды бренда DeFacto

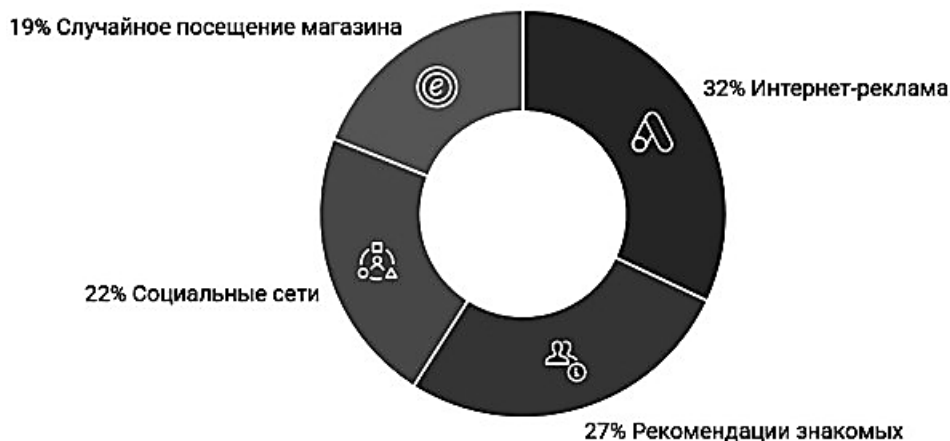

Рисунок 5 – Источники осведомленности о бренде DeFacto

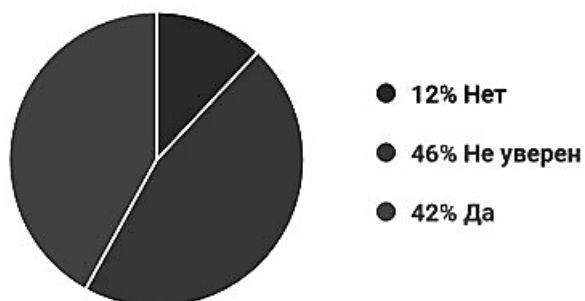

Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос о посещении презентации новой коллекции DeFacto

Ответы респондентов говорят о стремлении аудитории к экспертности, высокому уровню вовлеченности и желании получить знания и эмоции в русле «экономики впечатлений». Выбор

формата мастер-классов большинством, опрошиваемых свидетельствует о запросе на персонализацию и индивидуальный подход.

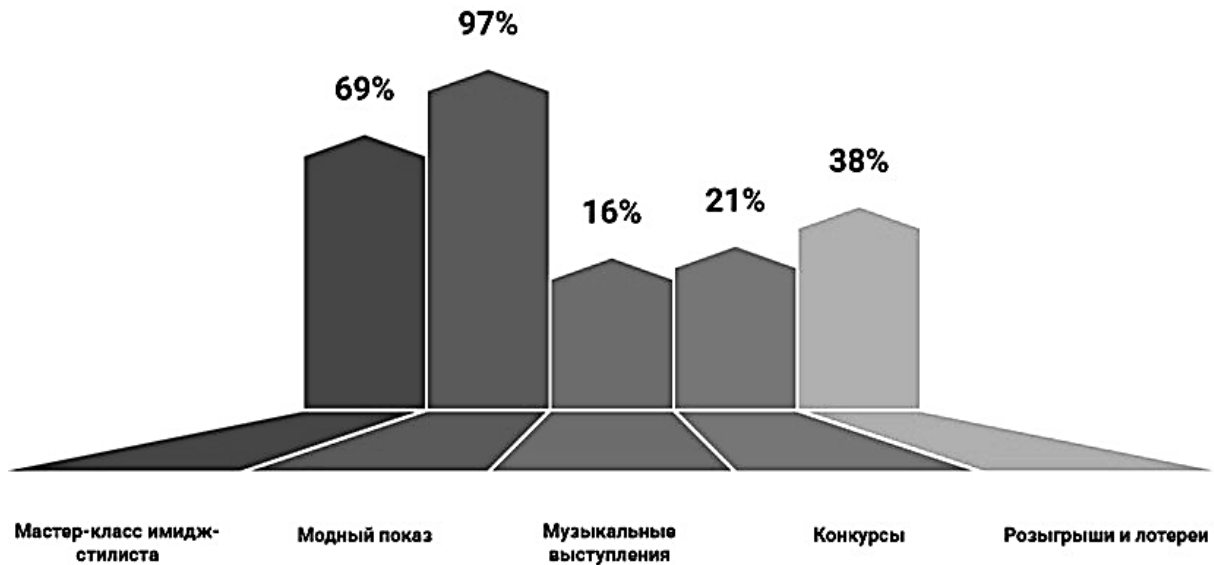

Рисунок 7 – Предпочтения по формату мероприятий DeFacto

В ответ на вопрос: «В каких социальных сетях вы зарегистрированы?», результаты ответов респондентов распределились следующим образом: Одноклассники – 21 %, Вконтакте – 87 %, Telegram – 84 %.

Выбор платформ свидетельствует о предпочтениях аудитории, ее принадлежности к поколениям зуммеров и миллениалов и дает возможность бренду использовать обе площадки с разным типом контента для максимального охвата.

Возрастной диапазон участников исследования выглядит следующим образом: 7 % в возрасте от 18 до 25 лет, 17 % – от 26 до 30 лет, 28 % – от

31 до 35 лет, 32 % – в возрасте от 36 до 40 лет и 16 % – старше 40 лет.

Среди респондентов наибольшее число – 44 % имеют высшее образование, 28 % – среднее профессиональное, а 28 % – общее среднее образование.

Что касается сферы занятости, то в группе опрошенных 37 % составляют офисные работники, 31 % – студенты, 23 % – предприниматели, а только 9 % занимают руководящие должности.

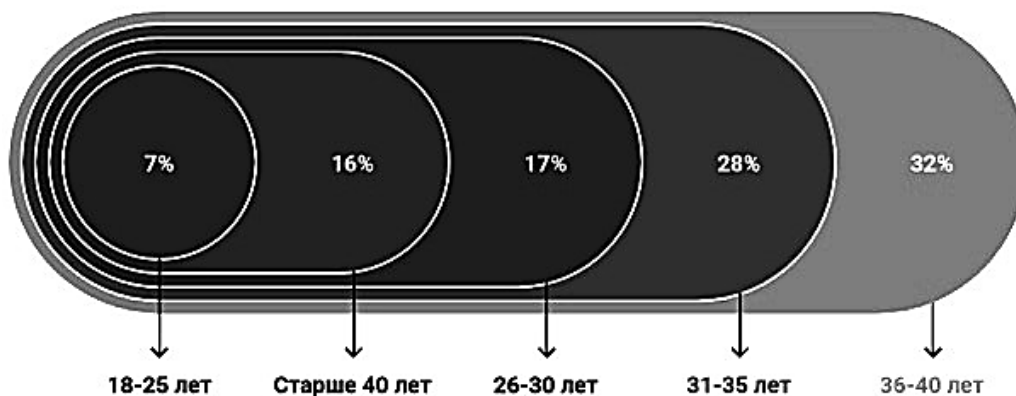

Рисунок 8 – Возрастной диапазон участников исследования

Сегментация аудитории по сфере занятости позволяет предположить, что в основу коммуникативной стратегии продвижения бренда DeFacto могут быть заложены аспекты пользы, релевантности и эффективности, а основными площадками могут выступать социальные сети.

Заключение.

Анализ результатов исследования покупательского поведения показал, что бренд DeFacto за-

нимает уверенное положение на рынке благодаря ключевым факторам, которые особенно ценят основные группы потребителей. Прежде всего, это высокое качество продукции.

Респонденты отметили качество изготовления одежды как одну из важнейших характеристик бренда. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что покупатели доверяют DeFacto и считают его продукцию качественной.

Кроме того, важную роль в формировании положительного имиджа бренда играют продуманный дизайн и удачный крой, которые обеспечивают комфорт и эстетическую привлекательность. Отмечается также адекватная ценовая политика бренда, соответствие цены качеству и стилю, что делает продукцию DeFacto доступной для широкой аудитории. Это также влияет на увеличение лояльности и устойчивость клиентской базы.

Для повышения лояльности и вовлеченности покупателей необходимо проводить различные мероприятия и активности. Они позволяют усилить эмоциональную связь аудитории с брендом. Это могут быть модные показы, привлекающие внимание к актуальным коллекциям, мастер-классы с имидж-стилистами, на которых покупатели смогут лучше понять, как сочетать вещи и создавать стильные образы. Конкурсы, лотереи, розыгрыши и другие формы вовлечения добавляют элемент развлечения и мотивации, создадут позитивные ассоциации с брендом и простимулируют повторную покупку.

Учитывая популярность Вконтакте и Telegram среди целевой аудитории, данные платформы следует использовать как основные каналы для продвижения подобных мероприятий, а также регулярного общения с клиентами. При этом следует применять весь спектр коммуникативного инструментария площадок – фото-, видео и текстовый формат постов, коллаборации с популярными инфлюенсерами, развлекательные и игровые технологии (конкурсы, опросы, мини-игры), UGC (комментарии, отзывы, «примерки»), а также таргетированные рекламные кампании. Такой подход позволит бренду не только укрепить свою позицию на рынке, но и сформировать долгосрочные отношения с потребителями, адаптируя маркетинговые стратегии под их предпочтения и ценности.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы при разработке проекта PR-кампании, направленной на укрепление имиджа DeFacto в современных экономических и политических условиях, увеличение лояльности клиентов и стимулирование продаж. Все это станет возможным благодаря комплексному использованию современных коммуникационных инструментов и мероприятий, максимально соответствующих интересам и ожиданиям целевой аудитории бренда.

На наш взгляд, бренд DeFacto обладает достаточно высоким потенциалом для расширения своего представительства на российском рынке. Однако для полномасштабного расширения географии присутствия и развития бренда в России следует придерживаться четко выверенной

стратегии, включающей в себя повышение лояльности и вовлеченности потребительской аудитории, активное развитие e-commerce и омниканальных сервисов в ответ на потребительские запросы о бесшовной практике онлайн и офлайн-шопинга, интеграции коротких видео, как наиболее востребованного формата, в собственное приложение, партнерство с популярными российскими маркетплейсами – OZON и Wildberries. Следует регулярно анализировать потребительское поведение, разрабатывая на основе данных персональные рекомендации и адресную рассылку с акциями, опираясь на предпочтения и историю покупок.

Выводы и рекомендации, сделанные на основе проведенного исследования в отношении бренда DeFacto, дают возможность сформулировать ряд обобщений, касающихся адаптации зарубежных брендов на современном рынке России. В частности, в новых условиях компании должны выстраивать свою работу с учетом актуальных вызовов – изменений в законодательной сфере, сдвига в покупательских предпочтениях с реалиями параллельного импорта и приходом азиатских брендов, усиления ценовой конкуренции, возрастания национального самосознания и трансформации медиа-ландшафта.

Систему коммуникативного продвижения и взаимодействия с потребителями необходимо выстраивать на основе актуальных тенденций развития технологий и трансформации запросов российской аудитории – значимым становится полномасштабное использование инструментария социальных медиа с акцентом на видеоформат и UGC, омниканальность, аутентичность и локальная релевантность контента, учет национальных культурных особенностей и традиций. На место традиционной уже сегментации приходит гиперперсонализация с пониманием поведения, запросов и триггеров конкретного человека, его истории покупок.

Коммуникация выстраивается на основе поведения пользователя на всех платформах, с использованием динамического контента в рассылках и на сайте, на основе данных систем аналитики, позволяющих прогнозировать потребности клиента.

Таким образом брендом осуществляется плавный переход от роли «продавца» к роли «партнера», через предложения решать задачи аудитории там, где напрямую нет продаж – образовательный контент и полезные советы способствуют формированию лояльности. Гибкость в принятии решений, скорость, осознанность и поиск новых подходов или форматов должны стать стратегическими ориентирами для брендов.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Антонова Н.В. Восприятие брендов и стратегии потребительского поведения / Н.В. Антонова, О.И. Патоша. URL : <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/216438375.pdf> (дата обращения 12.10.2025).
2. Возвращение иностранных брендов: насколько возможно и к чему готовиться. URL : <https://www.e-xecutive.ru/finance/novosti-ekonomiki/1998461-vozvrashchenie-inostrannyh-brendov-naskolko-vozmozhno-i-k-chemu-gotovitsya> (дата обращения 02.10.2025).
3. Жильцова О.Н. Поведение потребителей. М. : Вузовский учебник, Инфра-М, 2022. 320 с.
4. Иностранные компании в России. URL : <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 02.10.2025).
5. Малова М. Новые правила игры: как иностранному бренду зайти на российский рынок. URL : <https://www.e-xecutive.ru/management/marketing/1998522-novye-pravila-igry-kak-inostrannomu-brendu-zaiti-na-rossiiskii-rynok> (дата обращения 19.09.2025).
6. Новикова Ю. Почему западные бренды – это легенды, а у нас... в квартире газ. URL : <https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/brendy-legendy> (дата обращения 11.09.2025).
7. Новые имена: как зарубежные бренды выходят на российский рынок. URL : <https://sber.pro/publication/novie-imena-kak-zarubezhnye-brendi-vihodyat-na-rossiiskii-rinok> (дата обращения 23.09.2025).
8. Петрушина А.В. Реабилитация рынка одежды в России после ухода иностранных брендов // В сборнике: Актуальные проблемы современной экономики: новые решения в новой реальности. Сборник научных работ молодых исследователей. СПб., 2024. С. 162–167. EDN: KKMCKT
9. Петрушина А.В. Российский рынок одежды: уход иностранных брендов и импортозамещение // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. 2024. Т. 15. № 1. С. 86–99. EDN: ADAZHD
10. Поведение покупателей: тренды 2024. URL : <https://www.retail.ru/articles/povedenie-pokupateley-trendy-2024> (дата обращения 12.10.2025).
11. Подцероб М. Корпоративная культура бывших западных компаний в России обрывается. URL : https://www.vedomosti.ru/ideas/management/articles/2024/10/22/1070318-korporativnaya-kultura-bivshih-zapadnih-kompanii-v-rossii-obrusela?from=copy_text (дата обращения 02.10.2025).
12. Разумова С.В. Поведение потребителей 2020–2023: вызовы и возможности. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-potrebiteley-2020-2023-vyzovy-i-vozmozhnosti> (дата обращения 12.10.2025).
13. Тренды в брендинге 2024. URL: <https://drozd-design.tilda.ws/trends-in-branding> (дата обращения 12.10.2025).
14. Тренды в брендинге в 2025 году. URL : <https://svyazi-agency.ru/blog/osnovnye-trendy-razvitiya-brenda-v-2024> (дата обращения 12.10.2025).
15. Шпилова М.А. Особенности коммуникационной политики отечественных и иностранных брендов на российском рынке в период проведения СВО. URL : <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2022/03/2022-03-36.pdf> (дата обращения 18.10.2025).

References:

1. Antonova N.V. Brand perception and consumer behavior strategies / N.V. Antonova, O.I. Patosha. URL : <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/216438375.pdf> (date of application 12.10.2025).
2. The return of foreign brands: as far as possible and what to prepare for. URL : <https://www.e-xecutive.ru/finance/novosti-ekonomiki/1998461-vozvrashchenie-inostrannyh-brendov-naskolko-vozmozhno-i-k-chemu-gotovitsya> (date of application 02.10.2025).
3. Zhiltsova O.N. Consumer behavior. M. : University textbook, Infra-M, 2022. 320 p.
4. Foreign companies in Russia. URL : <https://www.tadviser.ru/index.php> (date of application 02.10.2025).
5. Malova M. New rules of the game: how can a foreign brand enter the Russian market? URL : <https://www.e-xecutive.ru/management/marketing/1998522-novye-pravila-igry-kak-inostrannomu-brendu-zaiti-na-rossiiskii-rynok> (date of application 09/19/2025).
6. Novikova Yu. Why Western brands are legends, but we have... gas in our apartment. URL : <https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/brendy-legendy> (date of application 09/11/2025).
7. New names: how foreign brands enter the Russian market. URL : <https://sber.pro/publication/novie-imena-kak-zarubezhnye-brendi-vihodyat-na-rossiiskii-rinok> (date of application 09/23/2025).
8. Petrushina A.V. Rehabilitation of the clothing market in Russia after the departure of foreign brands // In the collection: Current problems of the modern economy: new solutions in a new reality. Collection of scientific papers of young researchers. SPb., 2024. P. 162–167. EDN: KKMCKT

9. Petrushina A.V. The Russian clothing market: the departure of foreign brands and import substitution // Marketing MBA. Marketing enterprise management. 2024. Vol. 15. № 1. P. 86–99. EDN: ADAZHD
10. Customer behavior: Trends in 2024. URL : <https://www.retail.ru/articles/povedenie-pokupateley-trendy-2024/> (date of application 12.10.2025).
11. Podtserob M. The corporate culture of former Western companies in Russia has become Russified. URL : https://www.vedomosti.ru/ideas/management/articles/2024/10/22/1070318-korporativnaya-kultura-bivshih-zapadnih-kompanii-v-rossii-obrusela?from=copy_text (date of application 02.10.2025).
12. Razumova S.V. Consumer behavior 2020–2023: challenges and opportunities. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-potrebitелей-2020-2023-vyzovy-i-vozmozhnosti> (date of application 12.10.2025).
13. Trends in branding 2024. URL : <https://drozd-design.tilda.ws/trends-in-branding> (date of request: 12.10.2025).
14. Branding trends in 2025. URL : <https://svyazi-agency.ru/blog/osnovnye-trendy-razvitiya-brenda-v-2024> (date of application 12.10.2025).
15. Shipilova M.A. Features of the communication policy of domestic and foreign brands in the Russian market during the period of its implementation. URL : <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2022/03/2022-03-36.pdf> (date of application 18.10.2025).

Информация об авторах

Аксенова Ольга Николаевна

кандидат исторических наук,
доцент,
кафедра связи с общественностью
гуманитарного факультета,
Воронежский государственный
технический университет;
кафедра связи с общественностью,
рекламы и дизайна, факультета журналистики,
Воронежский государственный университет
ORCID: 0000-0001-9034-6926
aksenova.on@mail.ru

Швец Елена Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент,
кафедра связи с общественностью
гуманитарного факультета,
Воронежский государственный
технический университет
ORCID: 0000-0001-7446-7998
shvetzel@mail.ru

Меликян Светлана Вячеславовна

кандидат филологических наук,
доцент,
кафедра связи с общественностью
гуманитарного факультета,
Воронежский государственный
технический университет
ORCID: 0009-0004-9477-1654
smel_@mail.ru

Шушарина Елена Сергеевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
кафедра связи с общественностью
гуманитарного факультета,
Воронежский государственный
технический университет
ORCID: 0009-0007-6073-1808
swan261@yandex.ru

Olga N. Aksenova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of Public Relations
Faculty of Humanities,
Voronezh State Technical University;
Department of Public Relations,
Advertising and Design,
Faculty of Journalism,
Voronezh State University
ORCID: 0000-0001-9034-6926
aksenova.on@mail.ru

Elena V. Shvets

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Public Relations
Faculty of Humanities,
Voronezh State Technical University
ORCID: 0000-0001-7446-7998
shvetzel@mail.ru

Svetlana V. Melikyan

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Public Relations
Faculty of Humanities,
Voronezh State Technical University
ORCID: 0009-0004-9477-1654
smel_@mail.ru

Elena S. Shusharina

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Department of Public Relations
Faculty of Humanities,
Voronezh State Technical University
ORCID: 0009-0007-6073-1808
swan261@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.11.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.12.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-19>
УДК 82-1

Attribution
cc by

«Я» И «ДРУГОЙ» В МЕТАЛИРИКЕ В.В. НАБОКОВА: ГРАНИЦЫ КОНВЕРГЕНЦИИ

Борискина А.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена изучению приема самообъективации в метапоэтическом дискурсе стихотворений В. Набокова. В работе рассматриваются поэтологические тексты разных лет, в том числе стихотворения с имплицитно выраженной метапоэтической направленностью. Референтной составляющей в избранных произведениях является отношение субъекта-поэта к своему искусству. Анализ поэтических текстов В. Набокова, обладающих свойством автореферентности, демонстрирует, как менялся авторский взгляд на собственное художественное творчество в разные периоды. Эти наблюдения расширяют объем читательских представлений о лирике В. Набокова в целом и его поэтической рефлексии в частности. Устанавливается, что репрезентированное в текстах отделение поэта от собственного «я» может маркировать изменения в самоактуализации субъекта языкового творчества на разных этапах его поэтической эволюции.

Ключевые слова: В. Набоков, металирика, интерсубъектность, тема поэта и поэзии, поэтология, метапоэтический дискурс.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

«I» AND «THE OTHER» IN THE METALYRICS OF V.V. NABOKOV: THE BOUNDARIES OF CONVERGENCE

Anastasia V. Boriskina

Kuban State University

Abstract. This article examines the use of self-objectification in the metapoetic discourse of Vladimir Nabokov's poems. The work examines poetic texts from various periods, including poems with an implicit metapoetic focus. The referential component in the selected works is the poet's attitude toward their art. An analysis of Nabokov's self-referential poetic texts demonstrates how the author's perspective on his own artistic work changed over different periods. These observations expand the reader's understanding of Nabokov's lyric poetry in general and his poetic reflection in particular. It is established that the poet's separation from his own self, as represented in the texts, can mark changes in the self-actualization of the subject of linguistic creativity at different stages of his poetic evolution.

Keywords: V. Nabokov, metalyrics, intersubjectivity, theme of the poet and poetry, poetology, metapoetic discourse.

Funding: Independent work.

Введение.

Проблема металирики, в целом, является одной из малоизученных в отечественном литературоведении. Несмотря на растущее количество работ, посвященных изучению набоковской поэзии, поэтологическая лирика автора с точки зрения интерсубъектности ранее не рассматривалась.

Как известно, «для коммуникативной структуры металирики характерна автореферентность, через которую креативная сторона превращается в «своего другого» [5, с. 35]. При этом в своей

автопрезентации, обращаясь к поэтологической теме, лирический субъект не замкнут на себе. М.М. Бахтин подчеркивал присутствие диалога в таких высказываниях, где субъект является объектом: «Самообъективация (в лирике, в исповеди и т.п.) как самоотчуждение и в какой-то мере преодоление. Объективируя себя (то есть вынося себя вовне), я получаю возможность подлинно диалогического отношения к себе самому» [2, с. 301]. Философ полагал, что для объективации себя необходим свой же образ, с которым субъект сможет вступить в диалогические отношения. С этой точки зрения, «самообъектива-

© Борискина А.В.

ция» способствует тому, что субъект не остается прежним «я», а преобразует себя. О лирическом «я», увидевшем себя со стороны и, таким образом, изменившем точку зрения на себя, подробно писал, в частности, С.Н. Бройтман [3, с. 369–380], на чью работу мы также ориентируемся в настоящем исследовании. Мы рассматриваем стихотворения В. Набокова, в которых субъект-поэт смотрит на себя как на героя (объект); то есть, как на «другого», и прослеживаем постепенное усложнение и развитие этого приема в металирике автора.

Обсуждение.

Уже в ранних поэтических текстах мы можем видеть попытки поэта-изгнанника посмотреть на себя как на «другого». Обратимся к стихотворению «Football» (1920), написанному В. Набковым в Кембридже. Здесь акцентирован процесс наблюдения (важный для лирического субъекта ранних набоковских стихотворений), что подчеркивается началом текста: «Я видел...» [8] (здесь и далее поэтические тексты В. Набокова цитируются по этому источнику – А.Б.). Субъект речи наблюдает за юношей и девушкой (которая сначала выступает адресатом высказывания). При этом «я» не просто смотрит, он внимательно изучает спутников и как будто видит в них что-то большее, чем остальные: «Я видел, за тобой шел юноша, похожий / на многих; знал я все: походку, трубку, смех. Да и таких, как ты, немало ведь, и что же, / люблю по-разному их всех». Здесь объективное изображение соединяется с внутренним, субъективным знанием наблюдателя, а его признание в любви случайным прохожим и вовсе нарушает нейтральность описания. В следующих двух четверостишиях «я» все так же смотрит на юношу и девушку, но себя он начинает представлять уже не как отдельную личность, а как часть «мы» (один из игроков). Его «взгляд» становится более динамичным, а описание – кинематографичным, мы сильнее погружаемся в «действие» – футбольный матч. Панорама («широкая поляна, / пестрят рубашки») сменяется крупным планом («мяч живой / то мечется в ногах, как молния кривая, / то – выстрела звучней – взвивается...»). Глаголы движения усиливают эффект присутствия внутри игры («мечется», «взвивается», «подпрыгиваю»). Лирический субъект уже не просто сторонний наблюдатель, он выступает активным участником, однако, его внутренний мир от читателя пока скрыт. В четвертом катрене точка зрения дробится: «я» видит, как «она» видит, как он (то есть «я») играет в футбол. «Двойная» оптика продолжает усложняться: девушка смотрит на «я» и спрашивает о нем спутника («знаком ли он тебе – вон тот, в фуфайке белой, / худой, лохматый, как скрипач»).

Далее следует ответ юноши, также «встроенный» в речь субъекта: «Твой спутник отвечал, что, кажется, я родом / из дикой той страны, где каплет кровь на снег, / и, трубку пососав, заметил мимоходом, / что я – приятный человек».

Здесь лирический субъект выступает одновременно как «я» и как герой, то есть как «другой» по отношению к себе.

Наконец, после ухода пары точка зрения снова сужается до взгляда субъекта речи, который, что интересно, не идентифицирует себя как «я»: «А там все прыгал мяч, и ведать не могли вы, / что вот один из тех беспечных игроков / в молчанье, по ночам, творит, неторопливый, / созвучья для иных веков».

Финал эксплицирует метапоэтическую направленность текста и показывает, что игрок был лишь «обманной» фигурой, ведь стихотворение совсем не о футболе.

Прием «взгляда со стороны» раскрывает драматическое несоответствие между внутренним и внешним, между тем, как воспринимают поэта-изгнанника, и тем, каким он является на самом деле. Ностальгическая линия здесь важна, поскольку в стихотворении тематизируются отношения поэта-эмигранта с родиной. Замысловатая игра с перспективой раскрывает проблему непонимания художника обывательским сознанием. Девушка и юноша – типичные, заурядные люди, поэтому они остаются в неведении («ведать не могли»), лирический субъект, напротив, не такой как другие, поэтому он «знает все».

В стихотворении «Вечер на пустыре» (1932) точка зрения принадлежит уже опытному поэту, который вспоминает творческую и личную юность. Само произведение объемное, многотемное, его полиметрическая структура обусловлена, в первую очередь, тем, что здесь мы наблюдаем комбинацию разных перформативных стратегий. Как мы понимаем, «жанровые пути лирической традиции могут порой перекрещиваться в пределах одного текста» [10, с. 120]. «Вечер на пустыре» – один из примеров гибридизации коммуникативных стратегий в металирике В. Набокова.

Первая строфа стихотворения открывается лексемой «вдохновение», это во многом определяет ведущую тематическую линию. Описание внутреннего преобразования субъекта-поэта в процессе творчества контрастирует с изображением внешнего пространства, представленного образами как будто ирреальными или даже фантастическими:

«Вдохновенье, розовое небо,

черный дом с одним окном

огненным. О, это небо,

выпитое огненным окном!

Загородный сор пустынный,

сорная былинка со слезой,

череп счастья, тонкий, длинный,

вроде черепа борзой».

Субъект языкового творчества испытывает достаточно интенсивные и смешанные чувства: это одновременно и восторг, и желание плакать. В определенный момент он полностью отдается поэтическому порыву и ощущает *утрату самого себя*: «Что со мной? Себя теряю, / растворяюсь в воздухе, в заре; / бормочу и обмираю / на черном пустыре»; «Я не знаю ничего».

Сомнамбулическое состояние лирического субъекта связано с процессом сочинительства, это подтверждают поэтологические маркеры (повтор эпитета «огненный» и семантически близкие ему «заря», «огонек», «звезды», «бессмертное пламя»). Именно поэтологический код позволяет интерпретировать неясные, на первый взгляд, строки как стихи о словотворчестве: «Выходи, мое прелестное, / зацепись за стебелек, / за окно, еще небесное, / иль за первый огонек». Очевидно, адресатом лирического высказывания здесь является образ поэтического вдохновения. Как и в начале, в заключительных стихах первой строфы просматривается антитеза: творческому процессу и его жизненной важности противопоставлен «пустой и беспощадный» мир («но родиться стоит ради / этого дыхания твоего»).

Во второй строфе высказывание лирического субъекта окрашивается в элегические тона, поскольку он вспоминает, как вдохновение овладело им в прошлом: «Как смутно в юности заносчивой / мне довелось тебя узнать». Поэту кажется, что тогда было «легче, проще: / две рифмы — и раскрыл тетрадь». Используя метаязыковую топику, он подробно описывает процесс словотворчества: «Облоко тившись на перила / стиха, плывущего, как мост, / уже душа вообразила, / что двинулась и заскользила / и доплывет до самых звезд». Но, как мы знаем, поэтологические тексты В. Набокова не только об исключительности и красоте дара, многие стихотворения проблематизируют трудности мастерства («Придавлен душною дремотой...», «Семь стихотворений» и др.). И здесь восходящая интонация обрывается союзом «но», за которым следует разочарование: «Но, переписанные начисто, / лишась мгновенно волшебства, / бессильно друг за друга прячутся / отяжелевшие слова».

В третьей строфе поэт обращается к своему творческому прошлому («молодое мое одиночество») и рассуждает о креативных возможностях воспоминания. Память об ушедшем («старый дом, и бессмертное пламя / керосиновой лампы в окне»), о первых «неопытных стопах» аккумулируют в сознании лирического субъекта мысль о цикличности времени: «все, что время как будто и отняло, / а глядишь — засквозило опять, / оттого что закрыто неплотно, / и уже невозможно отнять...». Такое восприятие поэтом времени, памяти и творчества поддерживает метафизическую тематику текста.

Финал стихотворения возвращает читателя в настоящее, мы снова видим «огненное око» дома, описанное в начале стихотворения, только

теперь окно представлено как наблюдатель, оно «глядит», «мигая» на окружающее пространство. Этот фрагмент, как и начальная строфа, сочетает поэтическую образность и нарочито сниженное описание вещного мира («черные персты фабричных труб», «сорные цветы», «жестянка кривобокая», «пустырь в темнею щей пыли»), очевидно, таким образом реальные предметы переводятся на метауровень. Вполне закономерно лирический субъект размышляет о возможностях поэзии, способной обессмертить пережитое и запечатлеть это и в памяти, и в идеальном существовании — в плоскости эстетических переживаний (так, например, «увеличенный памятью» дом «краше вдвойне»).

Заключительные строки описывают встречу лирического «я» с умершим: «И человек навстречу мне сквозь сумерки / идет, зовет. Я узнаю / походку бодрую твою. / Не изменился ты с тех пор, как умер». Обычно этот эпизод интерпретируют как встречу самого В. Набокова с его умершим отцом; мотивируется такое прочтение тем, что английский перевод стихотворения в сборнике «Poems and Problems» (1970) был дан с посвящением «Памяти В.Д.Н.» (отца В. Набокова — Владимира Дмитриевича Набокова, убитого в 1922 г.). На наш взгляд, прямое отождествление фигуры внетекстового автора с его лирическим конструктом слишком упрощает интерпретационный смысл и исключает альтернативные варианты прочтения текста, ценные с точки зрения литературоведения. Как пишет Ю.И. Левин, «интерес к реальному автору со строго академической точки зрения представляет собой некоторое «извращение»: реальный автор, вроде бы, должен быть для читателя так же безразличен, как наборщик, набравший текст; «живой автор» не должен быть обязательным приложением к поэтическому тексту» [4, с. 464]. Тогда как может попытаться объяснить финальные строки русскоязычный читатель (не набоковед), познакомившийся со стихотворением без учета авторского кода ментария? Если анализировать текст, не сосредоточив внимание только на его сепаративном фрагменте, то можно предположить, например, что в образе умершего выступает здесь сам лирический субъект. Поясним: в стихотворении достаточно четко артикулирована мысль о потере поэтом идентичности, акцентирован ретроспективный взгляд стихотворца на собственное поэтическое творчество. В речи субъекта, вспоминающего прежнего себя, многократно встречаются элементы интроспекции. Все это позволяет допустить, что в качестве «другого» (героя-призрака) может выступать сам субъект-поэт, вспоминающий прежнего себя. Такая интерпретация представляется нам вполне допустимой.

Эксплицированное отделение поэта от собственного «я» мы можем отчетливо наблюдать в зрелом стихотворении В. Набокова «Мы с тобой так верили» (1938). Очевидно, произведение было «заготовлено как «шишковское», хотя, как таковое никогда не было опубликовано» [9]. Это подтверждает автограф стихотворения, послан-

ный В. Набоковым И.В. Гессену за подписью «Василий Шишков». Рассматривая «шишковские стихотворения» как небольшой цикл, М. Маликова отмечает, что эти поэтические тексты В. Набокова «объединены темой прощания поэта с дорогим ему прошлым, мучительного отказа от всего, что с ним связано, и перехода в новое состояние, которое описывается как сходное со смертью» [6, с. 311]. В стихотворении «Мы с тобой так верили» субъект речи обращается к собственной юности, прощаясь с ней. Лишь в первом стихе лирическое высказывание принадлежит составному «мы» (типология субъектов В.Я. Малкиной [7]). Сразу в следующей строке «мы» распадается на «я» (которое мы можем идентифицировать, возможно, как поэта, точно — как писателя) и «ты» — юность субъекта, которая кажется ему чужой («по цветам не моей, по чертам недействительной»). Перед нами не просто ретроспективный взгляд художника слова на собственное прошлое («но теперь оглянулся я»), это размышление над своим творческим становлением, и попытка отграничить прежние достижения от будущих. Расставание с собственным «я» репрезентируется рядом эффектных образов: «Если вдуматься, это как дымка волны / между мной и тобой, между мелью и тонущим; / или вижу столбы и тебя со спины, / как ты прямо в закат на своем полуночном». Как мы понимаем, разлука субъекта с прежним собой неотвратима. Наконец, в последней строфе происходит окончательное размежевание «я» и «своего другого»: «Ты давно уж не я, ты набросок, герой / всякой первой главы». Обратим внимание, что для лирического субъекта собственное прошлое становится *героем*. Примечательно, что субъект языкового творчества ссылается именно на свою прозу. Это характерно для зрелых метапоэтических стихотворений В. Набокова, написанных в тот период, когда лирика для автора становится второстепенной литературной деятельностью. Так, например, взгляд субъекта на себя как на «другого» проблематизируется и в нарративном стихотворении «Слава» (1942), где inferнальным собеседником поэта оказывается, по сути, он сам, кроме этого, произведение заканчивается строками: «И увидел, как в зеркале, мир и себя / и другое, другое, другое».

В финале анализируемого текста мы также наблюдаем рефлексию авторского сознания над метафорой творческого пути, которая часто вы-

ступала смыслообразующей в ранних стихотворениях В. Набокова из сборника «Горный путь» (1923): «...а как долго нам верилось / в непрерывность пути от ложбины сырой / до нагорного вереска». Последняя строка замыкает композиционное кольцо (ср.: начальный стих — «Мы с тобой так верили в связь бытия»), подводя итог рассуждениям лирического субъекта. Метафора пути вверх, к творческим вершинам переосмысливается поэтом: горный путь оказался прерывистым, как и сама судьба художника слова (мы помним, что стихотворение написано в тот период, когда В. Набоков готовился покинуть Европу «вследствие событий, вторично разбивших... жизнь» [1, с. 545]). Поэт прощается с прежними смыслами, расстается с прошлым собой.

Результаты.

Изучив особенности образной структуры поэтологических стихотворений В. Набокова, мы отметили, что важной частью референтного мира текстов является прием самообъективации, когда лирическое «я», актуализируя себя в качестве «своего другого», стремится оценить свое поэтическое искусство.

Мы рассмотрели именно те примеры, в которых субъект языкового творчества выступает «героем» стихотворения, и пришли к выводу, что intersubjectные отношения в металирике В. Набокова коррелируют с изменениями в самовосприятии субъекта-поэта на разных этапах его становления.

Заключение.

Итак, в целом для коммуникативной структуры металирики свойственна автореферентность: субъект речи в метапоэтических стихотворениях может выступать в качестве «своего другого». В стихотворениях В. Набокова, обладающих металирическим потенциалом (особенно зрелых), референтной (объектно-геройной) составляющей лирического дискурса, является отношение субъекта-поэта к собственному творчеству.

Анализ избранных произведений позволил исследовать те сущности в осмыслении набоковской поэтики, которые не описывались прежде, а также интерпретировать индивидуально-авторские представления о поэтическом творчестве и шире — искусстве.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бабинов А.А. Определения Набокова, или «Пожилой джентльмен, который ненавидит жестокость» // Прочтение Набокова: изыскания и материалы. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. С. 530–546.

© Борискина А.В.

2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 281–307. EDN: YMWITZ
3. Бройтман С.Н. «Я» и «другой» в лирике Б. Окуджавы // Поэтика русской классической и неклассической лирики. М. : РГГУ, 2008. С. 369–380.
4. Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 464–482.
5. Ли Д. Х. Коммуникативные стратегии постсимволистской металирики (на материале поэзии Б.Л. Пастернака) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 244 с.
6. Маликова М. Ничья меж смыслом и смычком. Владимир Набоков. Стихи. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 296–331.
7. Малкина В.Я. Типы субъектов в лирике / В.Я. Малкина; Сост. и ред. В. Я. Малкина // Субъектная структура лирики. М. : Эдитус, 2024. С. 30–46.
8. Набоков В.В. Стихи. URL : <https://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi.htm> (дата обращения 13.06.2025).
9. Старк В.П. Неизвестный автограф Набокова, или история одной мистификации // Звезда. 1999. № 4. URL : <https://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/stark-neizvestnyj-avtograf.htm> (дата обращения 12.08.2025).
10. Тюпа В.И. Дискурс. Жанр. М. : Intrada, 2013. 211 с.

References:

1. Babikov A.A. Definitions of Nabokov, or «An elderly gentleman who hates cruelty // Reading Nabokov: research and materials. SPb. : Ivan Limbach Publishing House, 2019. P. 530–546.
2. Bakhtin M.M. The problem of text in linguistics, philology and other humanities // Aesthetics of verbal creativity. M. : Iskusstvo, 1986. P. 281–307. EDN: YMWITZ
3. Broitman S.N. «I» and «the other» in the lyrics of B. Okudzhavy // Poetics of Russian classical and non-classical lyrics. M. : RGGU, 2008. P. 369–380.
4. Levin Yu.I. Lyrics from a communicative point of view // Selected tr. Poetics. Semiotics. M. : Languages of Russian Culture, 1998. P. 464–482.
5. Lee D.H. Communicative strategies of post-symbolic metalics (based on the poetry of B.L. Pasternak) : dis. ... Candidate of Philological Sciences. M., 2021. 244 p.
6. Malikova M. The draw between the meaning and the bow. Vladimir Nabokov. Poems. SPb. : ABC, ABC-Atticus, 2015. P. 296–331.
7. Malkina V.Ya. Types of subjects in lyrics / Comp. and edited by V.Ya. Malkin // Subject structure of lyrics. Moscow: Editus, 2024. P. 30–46.
8. Nabokov V.V. Poems. URL : <https://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi.htm> (date of application 06/13/2025).
9. Stark V.P. Nabokov's Unknown autograph, or the story of a hoax // Zvezda. 1999. № 4. URL : <https://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/stark-neizvestnyj-avtograf.htm> (date of application 08/12/2025).
10. Tyupa V.I. Discourse. Genre. M. : Intrada, 2013. 211 p.

Информация об авторе

Борискина Анастасия Владимировна
старший преподаватель
кафедры истории русской литературы,
теории литературы и критики,
Кубанский государственный университет
ORCID: 0009-0003-2000-2441
anastasiaboriskina@yandex.ru

Anastasia V. Boriskina
Senior lecturer of the Department
of History of Russian Literature,
Theory of Literature and Criticism,
Kuban State University
ORCID: 0009-0003-2000-2441
anastasiaboriskina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-4>

УДК 81.1

Attribution

cc by

ПРАВОВЫЕ СМЫСЛЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЕГО АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Горобец А.Ф.

*Северо-Кавказский филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева*

Аннотация. Статья посвящена исследованию идиостиля американского писателя О. Генри. В ней содержится анализ аксиологических свойств лексики в аспекте правовых смыслов, выявленной в пространстве рассматриваемого художественного текста. Актуальность исследования обусловлена интересом современных лингвистов к функционированию языка права за пределами юридического дискурса. Целью исследования является расширение представления о картине мира писателя О. Генри путем выявления специфики оценочного компонента лексики правового поля, функционирующей в художественном тексте данного автора. Результат проведенного анализа показывает, что в рассматриваемых текстах оценочные смыслы сопряжены с авторской иронией, а также с эмпатией автора по отношению к персонажам. Данный состав лексики правового поля и ее оценочный компонент позволяют сформировать представление о внутреннем мире персонажей произведений и о фрагментах картины мира О. Генри.

Ключевые слова: художественный текст, правовые смыслы, субъект оценки, объект оценки, аксиологическая лексика, косвенная оценка, прямая оценка.

Финансирование: инициативная работа.

Original article.

THE LEGAL MEANINGS AND AXIOLOGICAL VOCABULARY OF FICTION TEXT

Alla F. Gorobets

North Caucasus branch of V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. The article deals with studying the idiostyle of American writer O. Henry and contains the analysis of axiological features of legal vocabulary in the fiction texts considered. The relevance of the study is due to modern linguists' interest in the functioning of the language of law beyond a legal discourse. The purpose of the study is to expand understanding of O. Henry's idiostyle by identifying the specifics of the axiological component of legal vocabulary functioning in the writer's prose fiction texts. The research results show that in the considered texts axiological meanings correspond to the author's irony as well as his empathy to the characters. The legal vocabulary composition of the texts and its axiological component give indications of the inner world of the characters and O. Henry's idiostyle specifics.

Keywords: fiction text, legal meanings, the subject of evaluation, the object of evaluation, axiological vocabulary, indirect evaluation, direct evaluation.

Funding: independent work.

Введение.

В настоящее время не ослабевает интерес лингвистов к роли языковых средств с оценочным значением в структуре художественного текста. При этом антропоцентрический подход к решению лингвистических проблем ориентирует исследователей на рассмотрение лексики, выражающей оценку и эмоции.

Следует отметить, что текстовое пространство художественной прозы характеризуется насы-

щенностью ценностными знаками, и в данном случае мы наблюдаем отражение категории субъективности как одной из универсальных текстовых категорий.

Рассматривая понятие «оценка» в лингвистическом аспекте, мы принимаем определение В.И. Банару: оценка – это аксиологический термин, отражающий результативный аспект процесса установления отношения между субъектом оценки и ее предметом [2, с. 14].

Обсуждение.

В предлагаемой статье мы анализируем аксиологические свойства лексики в аспекте правовых смыслов, функционирующей в пространстве художественного текста.

Актуальность исследования обусловлена социально-лингвистическим интересом к функционированию языка права за пределами юридического дискурса, а также недостаточной изученностью такого аспекта как использование лексики правового поля в рамках художественного текста.

Цель исследования: расширить представление об идиостиле американского писателя О. Генри.

В ходе работы решалась задача: выявить специфику использования автором оценочного компонента лексики языка права, функционирующей в художественной прозе данного автора.

Материалом анализа послужил цикл коротких рассказов писателя О. Генри.

Объектом анализа явились лексические единицы языка права в исследуемых текстах.

Методы исследования: контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, описательный метод, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, интерпретационный метод.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые исследуется функциональная специфика применения оценочного компонента единиц лексики правового поля в художественной прозе писателя О. Генри.

Художественный текст выполняет коммуникативно-эстетическую функцию, в то время как текст нехудожественный – коммуникативно-информационную; «для нехудожественного текста важна логико-понятийная, по возможности, объективная сущность фактов, явлений, а для художественного – образно-эмоциональная, неизбежно субъективная» [3, с. 115].

«Эстетическое отображение действительности выполняет иные задачи, чем ее отражение в нехудожественных текстах» [4, с. 1–2]. Рассуждая об использовании юридической терминологии в художественных текстах, А.М. Пыж указывает на то, что художественные описания явлений вскрывают «не юридическую, а философскую, психологическую, культурную, духовно-нравственную сущность происходящего» [4, с. 1–2]. Элементы языка права применяются писателями в различных жанрах художественной литературы с целью охарактеризовать персонажа или изобразить обстановку действия.

Рассмотрение такой лингвистической категории, как оценка имеет целью определение отношения автора текста к порожденному им высказыванию.

Классифицируя оценочные предикаты на основании оценки, мы опираемся на теорию Н.Д. Арутюновой [1, с. 75–77]. Она выделяет общеоценочные предикаты (хороший – плохой) и частнооценочные предикаты, разделяющиеся на три группы, в зависимости от основания оценки:

- 1) сенсорно-вкусовые, психологические, интеллектуальные и эмоциональные оценки;
- 2) эстетические и этические оценки;
- 3) утилитарные, нормативные и телеологические оценки.

Результаты.

Приведем примеры из произведений О. Генри. Здесь следует отметить, что, в первую очередь, мы предполагаем разделить оценочную лексику на две категории: единицы, содержащие косвенную оценку (опосредованно выраженные оценочные смыслы) и единицы, содержащие прямую оценку (т.е. реализующуюся посредством оценочной лексики).

1) «*The only times*», said he [Jeff Peters], «*that me and Andy Tucker ever had any hiatuses in our cordial intents was when we differed on the moral aspects of grafting*» [11]. – Уж на что мы друзья с Энди Таккером, – говорил он [Джефф Питерс], – но и в нашей дружбе появлялась очень заметная трещина, – правда, единственная, – когда мы не могли с ним согласиться насчет нравственной природы жульничества [8, с. 135]; [grafting – букв. перевод: взяточничество, подкуп].

Джефф Питерс (персонифицированный повествователь), от имени которого ведется рассказ, высказывается о своем приятеле и сообщнике – Энди Таккере. Оба они – персонажи, не брезгующие такими способами обогащения, как мошенничество, опосредованно негативно оцениваемое Энди Таккером (субъектом оценки), что не мешает ему продолжать сотрудничать с Джеффом. В этом примере мы характеризуем оценку как косвенную, так как оценочные смыслы выражены не посредством оценочной лексики, но иным приемом. Согласно теории Н.Д. Арутюновой, рассматриваемая оценка является этической [1, с. 75–77]. Имплицитна здесь негативная, иронически и юмористически окрашенная, авторская оценка обоих персонажей.

2. *One word led on to another till he said I remember him of Rockefeller.* «*I don't know how you mean that, Andy*», says I, «*but we have been friends too long for me to take offense, at a taunt that you will regret when you cool off. I have yet*», says I, «*to shake hands with a subpoena server*» [11]. – Однажды в пылу полемики он даже выразился, будто я несколько не лучше Рокфеллера. – Энди! – ответил я. – Я знаю, что ты хочешь нанести мне обиду. Но мы с тобой давние приятели, и я не стану обижаться на такие ругательства, о которых ты и сам пожалеешь,

когда к тебе вернется хладнокровие. Ведь я еще никогда не подлизывался к судебному приставу [8, с. 135–136].

Персонаж-повествователь Джефф Питерс выражает несогласие с высказыванием его приятеля Энди. Свои моральные качества, не позволяющие нарушить закон, т.е. дать взятку должностному лицу, Джефф характеризует косвенно позитивно: «*I have yet, says I, «to shake hands with a subpoena server»*. Здесь должностное лицо – *a subpoena server* (судебный пристав). Кроме того, отметим, что образное сравнение «*I remember him of Rockefeller*» является аллюзией на некоторые известные факты биографии Джона Рокфеллера. «Американский миллионер Джон Рокфеллер часто привлекался к суду за темные махинации, но при помощи взятки судебным властям всегда избегал наказания» [8, с. 136].

Таким образом, мы рассматриваем тот случай, когда в сферу оценочной деятельности субъекта оценки попадают разные объекты: например, действия, реалии, известные факты. Согласно теории Н.Д. Арутюновой, анализируемые нами оценки (позитивная и негативная) являются этическими. Авторская имплицитная негативная оценка Джеффа и Энди окрашена иронией.

3. *I wrote to them rascals again just for fun* [11]. – < ... > я [Меркисон] написал тем мошенникам просто так, для потехи [8, с. 137].

Rascals (мошенники) – негативная прямая, этическая и в то же время эмоциональная оценка со стороны персонажа, характеризующего фальшивомонетчиков.

4. < ... > *he [Murkison] was going to perform a public duty by catching these green goods swindlers at their own game* [11]. – Он [Меркисон] стоит на своем. «Я <...> исполню свой гражданский долг и поймаю бандитов в расставленную ими же самими ловушку» [8, с. 139].

В ироническом авторском описании проявления якобы благого намерения Меркисона эксплицируется негативная прямая, этическая оценка фальшивомонетчиков, выраженная с помощью словосочетания *green goods swindlers* (*green goods* – амер. слэнг фальшивые бумажные деньги; *swindlers* – мошенники).

5. *Andy agreed with me; and I was glad to see that he was in earnest about breaking up this green goods scheme* [11]. – Энди вполне разделяет мои опасения, и я с радостью вижу, что он намерен активно вмешаться и положить конец махинациям с подложными долларами [8, с. 140].

Субъект оценки – персонаж-повествователь Джефф Питерс, объект оценки – Энди. Ирония автора свидетельствует о несовпадении имплицитной (т.е. косвенной), отрицательной авторской оценки фальшивого намерения положить конец махинациям с подложными долларами

(*green goods scheme*) с положительной косвенной, этической оценкой со стороны Питерса.

6. *Three months of assured board and bed and congenial company, safe from Boreas and bluecoats, seemed to Soapy the essence of things desirable* [12]. – Три месяца верного крова и обеспеченной еды, в приятной компании, вдали от посягательств Борея и фараонов – для Сопи это был поистине предел желаний [9, с. 5–6].

Драматизм и одновременно комизм ситуации заключается в том, что с наступлением холодных осенних дней бездомный Сопи намеревается найти себе приют в тюрьме, поскольку там он будет обеспечен кровом, едой и, что немало важно для него, его уже не будут беспокоить городские полицейские.

Автор, выступающий в роли повествователя, выражает отношение Сопи к этим полицейским через прямую негативную, эмоциональную оценку, представленную лексемой *bluecoats*. Этот термин является сленговым выражением и иногда несет негативную коннотацию, если используется для описания полицейских, «в уничижительном смысле теми, у кого был негативный опыт общения с правоохранительными органами» [6]. В данном случае оценка автора – эксплицитная.

7. *For years the hospitable Blackwell's had been his winter quarters* [12]. – Уже несколько лет гостеприимная тюрьма на Острове служила ему [Сопи] зимней квартирой [9, с. 6].

Предикат *hospitable* (гостеприимная) представляет прямую положительную, утилитарную оценку со стороны автора, выступающего субъектом оценки, *Blackwell's* (тюрьма, расположенная на Blackwell Island – острове в Нью-Йорке) – объект оценки. Такая характеристика тюремного заведения создает драматически-комический эффект. Здесь имеет место эмпатия автора по отношению к персонажу. Оценка со стороны персонажа Сопи – эксплицитная.

8. *In Soapy's opinion the Law was more benign than Philanthropy* [12]. – По его мнению, закон был милостивее, чем филантропия [9, с. 6].

Предикат в степени сравнения *more benign* (более мягкий) в данном случае играет роль прямой позитивной, этической оценки закона, которая реализуется посредством оценочной лексики и является эксплицитной. Таким образом автор характеризует Сопи, который находит пребывание в тюрьме более благоприятным для себя, чем обращение за помощью в филантропическое заведение.

9. *Wherefore it is better to be a guest of the law, which though conducted by rules, does not meddle unduly with a gentleman's private affairs* [12]. – Не лучше ли быть постояльцем тюрьмы? Там, конечно, все делается по строго установленным планам, но зато никто не суется в личные дела джентльмена [9, с. 6].

Автор прибегает к общеоценочному предикату (прилагательному в степени сравнения) – *better* (лучше) и таким образом усиливает комический эффект косвенной позитивной, этической оценки сурового закона (*the law*). При этом отметим, что высказывание *does not meddle unduly with a gentleman's affairs* (не вмешивается в дела джентльмена) также является косвенной позитивной, этической оценкой.

10. *There were many ways of doing that. The pleasantest was to dine luxuriously at some expensive restaurant; and then, after declaring insolvency, be handed over quietly and without uproar to a police officer. And accommodating magistrate would do the rest* [12]. – В тюрьму вело много легких путей. Самая приятная дорога туда пролегла через ресторан. Вы заказываете себе в хорошем ресторане роскошный обед, наедаетесь до отвала и затем объявляете себя неплатежеспособным. Вас без всякого скандала передают в руки полисмена. Сговорчивый судья довершает доброе дело [9, с. 7].

Субъект оценки – автор, ее объект – судья. Авторская оценка определяется нами как прямая позитивная, утилитарная. Она имеет ироническую окраску и представлена прилагательным *accommodating* (любезный, компромиссный).

11. *The police officer's mind refused to accept Soapy even as a clue. Men who smash windows do not remain to parley with the law's minions. They take to their heels* [12]. – Полисмен не пожелал принять Сопи даже как гипотезу. Люди, разбивающие камнями витрины магазинов, не ведут переговоров с представителями закона. Они берут ноги в руки [9, с. 8].

Авторская косвенная негативная оценка людей, совершающих подобные правонарушения (*do not remain to parley with the law's minions* – не ведут переговоров с представителями закона), создает комический эффект. Она относится к психологическим оценкам.

12. *Arrest seemed but a rosy dream* [12]. – Арест стал казаться ему радужной мечтой [9, с. 9].

Бездомный Сопи воспринимает возможность быть арестованным как почти недостижимую цель, как а *rosy dream* (розовую мечту). В данном случае, прямая оценка является позитивной, эксплицитной и эмоциональной. Английское прилагательное *rosy* означает *giving hope* [5] (подающий надежду). В то же время, она окрашена иронией и одновременно эмпатией автора произведения.

13. *A burglar who respects his art always takes his time before taking anything else* [10, с. 1]. – Всякий уважающий себя вор сначала освоится среди чужого добра, а потом начнет его присваивать [7, с. 349].

Субъект оценки – автор, объект оценки – персонаж вор. Эту оценку мы рассматриваем как косвенную негативную, психологическую и эксплицитную. Оценочное высказывание автора имеет ярко выраженный иронический характер.

Заключение.

Итак, исследуемые нами лексические единицы языка в аспекте правовых смыслов, функционирующие в художественном тексте, разделяются на две категории: единицы, выражающие косвенную оценку и единицы, выражающие прямую оценку. Что касается частнооценочных смыслов, в большинстве своем, имеют место оценки этические, реже встречаются эмоциональные, утилитарные и психологические.

В рассматриваемых художественных текстах оценочные смыслы сопряжены с иронией автора. В ряде случаев, параллельно с иронией просматривается авторская эмпатия по отношению к персонажам. Такого рода оценка способствует созданию комического или драматическо-комического эффекта.

Данный состав лексики правового поля и ее оценочный компонент обусловлены творческим замыслом автора. Они позволяют сформировать представление о внутренней жизни персонажей произведений, особенностях их поведения, а также о фрагментах картины мира писателя и его нравственных установках.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с. ISBN: 5-02-010870-7 EDN: YKBSRJ
2. Банару В.И. Оценка, модальность, прагматика // Языковое общение: Единицы и регулятивы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин. 1987. С. 14–18.

3. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2004. 280 с.
4. Пыж А.М. Использование юридической терминологии в художественных текстах. URL : [interactive-plus.ru>e-articles/collections-20150212-6738.pdf](http://interactive-plus.ru/e-articles/collections-20150212-6738.pdf) (дата обращения 28. 09. 2025).
5. Словарь современного английского языка : в 2-х т. М. : Рус. яз., 1992. Т. 2. С. 909. 1229 с.
6. URL: www.fastslang.com/bluecoats (дата обращения 28.09. 2025).
7. О. Генри. Родственные души / О. Генри; Пер. Т. Озерской // Боливар не выдержит двоих: рассказы. М. : Эксмо, 2014. С. 349–355.
8. О. Генри. Стриженный волк / О. Генри; Пер. К. Чуковского // Боливар не выдержит двоих: рассказы. М. : Эксмо, 2014. С. 135–145.
9. О. Генри. Фараон и хорал / О. Генри; Пер. А. Горлина // Боливар не выдержит двоих: рассказы. М. : Эксмо, 2014. С. 5–14.
10. O. Henry. Makes the Whole World Kin. URL: languabooster.com> Книги На Английском>О Генри (дата обращения 07.08.2025).
11. O. Henry. Stearing the Wolf. URL : americanliterature.com/author/o-henry/short-story/stearing-the-wolf (дата обращения 07.08.2025).
12. O. Henry. The Cop and the Anthem. URL : americanliterature.com/author/o-henry/short-story/the-cop-and-the-anthem (дата обращения 07.08.2025).

References:

1. Arutyunova N.D. The types of language meanings. Evaluation. Event. Fact. M. : Nauka, 1988. 338 p. ISBN: 5-02-010870-7 EDN: YKBSRJ
2. Banaru V.I. Evaluation, modality, pragmatics // Linguistic communication: Units and regulations: collection of scientific papers. Kalinin, 1987. P. 14–18.
3. Valgina N.S. The theory of text. M. : Logos, 2004. 280 p.
4. Pizh A.M. Use of legal terminology in fiction texts. URL : [interactive-plus.ru>e-articles/collections-20150212-6738.pdf](http://interactive-plus.ru/e-articles/collections-20150212-6738.pdf) (date of application 28.09.2025).
5. Longman Dictionary of Contemporary English: M. : The Russian Language, 1992. Vol. 2. P. 909. 1229 p.
6. URL : www.fastslang.com/bluecoats (date of application 28.09.2025).
7. O. Henry. Rodstvennie dushi / O. Henry; Translation by T. Ozerskaya // Bolivar ne viderzhit dvoich. M. : Eksmo, 2014. P. 349–355.
8. O. Henry. Strizhenii volk / O. Henry; Translation by K. Chukovsky // Bolivar ne viderzhit dvoich. M. : Eksmo, 2014. P. 135–145.
9. O. Henry. Faraon i horal / O. Henry; Translation by A. Gorlin // Bolivar ne viderzhit dvoich. M. : Eksmo, 2014. P. 5–14.
10. O. Henry. Makes the Whole World Kin. URL : languabooster.com> Книги На Английском>О Генри (date of application 07.08.2025).
11. O. Henry. Stearing the Wolf. URL : americanliterature.com/author/o-henry/short-story/stearing-the-wolf (date of application 07.08.2025).
12. O. Henry. The Cop and the Anthem. URL : americanliterature.com/author/o-henry/short-story/the-cop-and-the-anthem (date of application 07.08.2025).

Информация об авторе

Горобец Алла Федоровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
kunashir7@yandex.ru

Alla F. Gorobets

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch of V.M. Lebedev
Russian State University of Justice
kunashir7@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-13>

УДК 81'42:82

Attribution

cc by

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ТИКТОК-НАРРАТИВАХ

Грицева Ю.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу вербализации категории времени в TikTok-нарративах на материале современных трендов, включая «Кролика с часами». Отмечается, что TikTok занимает особое положение: становится платформой, на которой конструируется новый тип сюжетности и, соответственно, новый тип времени. Рассматриваются особенности медиавремени, способы языкового выражения переходности, моментальности и неизбежности, а также синкретизм вербального, визуального и музыкального кодов. Показано, что TikTok формирует новый тип временного повествования, основанный на резких переходах, эмоциональной драматизации и компактной сюжетности. Особое внимание уделяется взаимодействию текста и изображения: временная рамка формируется через сочетание языкового обозначения и визуального эффекта. Делается вывод о том, что русский язык в медиасреде активно вырабатывает новые модели репрезентации времени.

Ключевые слова: медиалингвистика, TikTok, время, медиавремя, нарратив, мем, тренд, вербализация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

VERBAL REPRESENTATION OF THE TEMPORAL CATEGORY IN TIKTOK NARRATIVES

Yulia V. Gritseva

Kuban State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the verbalization of the temporal category in TikTok narratives, based on the material of contemporary trends, including the «Clock Rabbit» meme. It is noted that TikTok occupies a unique position: it is becoming a platform on which a new type of storytelling and, accordingly, a new type of time is being constructed. The study examines the specific features of media time, as well as the linguistic means of expressing transitivity, momentariness, and inevitability. Additionally, it explores the syncretism of verbal, visual, and musical codes. The research demonstrates that TikTok fosters a new type of temporal narrative, characterized by abrupt transitions, emotional dramatization, and compact plot structure. Particular attention is paid to the interaction between text and image: the time frame is formed through a combination of linguistic designation and visual effect. The findings suggest that the Russian language in the media environment is actively developing novel models for the representation of time. is related to the problems of linguistic works carried out within the framework of text.

Keywords: media linguistics, TikTok, time, media time, narrative, meme, trend, verbalization.

Funding: Independent work.

Введение.

Ускорение медиапотокa, клиповость и трендовость современной цифровой коммуникации формируют принципиально новый опыт переживания времени, который радикально отличает медиапотребление XXI века от всех предшествующих форм хронотопа.

Динамика социальных сетей, где информационные сообщения сменяют друг друга с огромной

скоростью, создаёт эффект «ускоренной современности», в которой традиционное линейное время утрачивает устойчивость, а человеческий опыт процесса, промежутка, последовательности сводится к переживанию отдельных точек: событий, всплесков, микромоментов.

Короткие видеоролики, ограниченные по длительности, требуют максимальной плотности смысла, а потому сюжет в TikTok разворачивается не во врезанной протяжённости, а в скачке.

© Грицева Ю.В.

Переключение между кадрами, часто сопровождаемое звуковым переходом или эффектом резкого монтажа, воспринимается как метафора изменения жизненного порядка – «до этого» и «после этого».

Таким образом, временная структура оказывается не подсобным элементом повествования, но его центральной опорой и одним из главных механизмов производства эмоционального эффекта.

Переходность становится ключом к пониманию цифрового хронотопа. Пользователь TikTok не только потребляет, но и активно производит микронарративы, которые фиксируют моменты резкого сдвига: смены внешности, настроения, отношений, жизненной ситуации. Соответственно, TikTok можно рассматривать как лабораторию новых форм сознания времени: разорванного, эмоционально насыщенного, ускоренного, подчинённого принципу визуальной драматургической контрастности.

Выбор TikTok в качестве объекта исследования обусловлен высокой концентрацией временных маркеров, представленных как на уровне текста (подписи, хэштеги, комментарии), так и на уровне визуально-аудиального ряда.

В отличие от традиционного длительного видеоконтента, где время распределено равномерно, TikTok предлагает модели резкого перехода, в которых момент смены состояния – точка, на которую обрушивается максимальная смысловая и эмоциональная нагрузка.

Базой анализа выступает популярный тренд «Кролик с часами», разобранный порталом ELLE Kazakhstan [1]. Этот феномен оказался особенно показательным, поскольку связан с визуальной репрезентацией времени, фигурой внезапности и фатального перехода. Он помогает увидеть, как в медиадискурсе возникает новый тип переживания судьбоносного момента.

Цель исследования – выявить механизмы вербализации времени в TikTok-нарративах; то есть, способы, которыми язык организует, обозначает и интерпретирует переживание момента, перехода или неизбежности.

Среди задач выявляются: выделение типичных речевых моделей и изучение функций, которые выполняют временные конструкции, – структурирующих, эмоциональных, прагматических, семиотических.

Таким образом, TikTok оказывается не просто развлекательной платформой, но пространством формирования новой медиационной концепции времени, и анализ временных стратегий в этой среде открывает доступ к пониманию изменения современных способов коммуникации.

Обсуждение.

Время как медиаконструкт: теоретические подходы.

В классической лингвистике категория времени трактуется как грамматическая и семантическая система, позволяющая структурировать последовательность событий в речи. Время определяет возможность соотнести действие с моментом говорения, выстроить цепочку причинно-следственных связей, выделить фазы событийности. Однако в условиях цифрового общества подобное понимание времени оказывается недостаточным: возникает медиавремя – вторичное, сконструированное, зависимое от алгоритмов, монтажных ритмов и логики цифровой среды.

Медиавремя, как отмечают современные исследователи, характеризуется несколькими ключевыми свойствами: ускоренностью, фрагментарностью, эффектом временной компрессии, нарративной скачкообразностью и повышенной эмоциональной заряженностью временных точек [5, с. 163].

Ускоренность проявляется в том, что события, которые в повседневной реальности занимают часы, дни или месяцы, в TikTok репрезентируются в нескольких секундах.

Важно отметить синкретический характер медиавремени. В TikTok временная рамка создаётся одновременным взаимодействием текста, изображения и музыки. Звуковые акценты (бит, смена темпа) часто совпадают с визуальными переходами, а подписи закрепляют символическое значение момента.

Таким образом, вербализация времени – не просто отражение, но структурообразующий элемент: она направляет интерпретацию зрителя, делает момент читабельным и связывает эмоции с визуальным рядом.

Результаты.

TikTok-нарратив и драматургия времени.

TikTok-нарратив представляет собой особый тип цифрового текста, в котором традиционные свойства повествования подвергаются значительной трансформации. С одной стороны, в нём сохраняются элементы классической композиции (экспозиция, кульминация, развязка); с другой – эти части сжаты до предельных форм, выполняя лишь функцию смысловых опор, по которым зритель «достраивает» всю историю.

Самой узнаваемой структурой TikTok-ролика является модель «экспозиция → переход → результат».

Экспозиция может состоять всего из одного кадра или реплики, однако, при этом она выполняет задачу обозначения исходной ситуации: «до того дня», «вот как всё было», «моя жизнь выглядела так».

Переход, центральный момент повествования, маркируется либо визуальным эффектом (рез-

кая смена плана, затемнение, удар бита), либо вербализованной конструкцией: «и вдруг», «и в этот момент», «всё изменилось».

Результат, как правило, представлен максимально лаконично: «после этого я уже не был прежним», «так начался новый этап», «с тех пор всё пошло иначе».

Такой способ структурирования текста требует от автора крайне высокой семиотической точности. В TikTok невозможно тратить время на долгие объяснения, поэтому любой элемент – слово, жест, объект в кадре – несёт значительную смысловую нагрузку. Именно поэтому временные маркеры приобретают роль «пусковых механизмов» сюжетности: они позволяют мгновенно переключить восприятие зрителя из одного состояния в другое [3].

Минималистичность речевых конструкций также играет важную роль. Подписи к видео и короткие словесные вставки в кадре выполняют функцию семиотических вех. Их клишированность – это сознательная стратегия платформы: короткие, повторяемые формулы легко узнаются, воспроизводятся, миметизируются. Благодаря этому TikTok создаёт «общий язык» повествования, в котором временные формулы – одна из ключевых единиц.

Тренд «Кролик с часами»: момент перехода в вербальном оформлении.

Одним из наиболее ярких примеров того, как TikTok превращает момент перехода в самостоятельную семиотическую структуру, является тренд «Кролик с часами», подробно рассмотренный в материале [1]. Тренд стал вирусным именно благодаря тому, что в нём визуальный и вербальный код объединены вокруг центральной идеи – наступления судьбоносного момента, изменившего жизнь автора.

Суть тренда заключается в том, что пользователь показывает кадр, отображающий вполне обычную ситуацию (прогулку, праздник, встречу, бытовую сцену), сопровождая его подписью, указывающей на его значимость: «это было в мой день рождения», «тот самый вечер», «момент перед тем, как всё изменилось». Затем, в ролике появляется изображение белого кролика, держащего часы в лапах. Этот визуальный символ выполняет сразу несколько функций: он обозначает наступление границы, фиксирует начало нового этапа и одновременно выполняет роль «вестника времени».

Семиотика образа кролика неслучайна. В массовой культуре белый кролик связан с мотивом перехода в иную реальность, прежде всего, благодаря «Алисе в стране чудес». Его образ – это проводник между мирами, существо, которое появляется, когда начинается путешествие или перемена [6, с. 95]. TikTok-тренд опирается на этот архетип и перерабатывает его: кролик становится символом судьбоносного момента, зна-

ком того, что невидимая временная граница уже пересечена.

Вербальная часть тренда строится на разнообразных временных конструкциях. Наиболее распространёнными из них являются формулы прошедшего времени: «это было в мой день рождения», «тогда я ещё не понимал». Они создают ретроспективную рамку, позволяя автору взглянуть на момент из настоящего и подчеркнуть его значимость.

Конструкции граничного времени («после того дня всё изменилось») фиксируют точку, в которой переход становится необратимым. Это не просто временная метка, а акт смыслового возврата: автор подчёркивает, что событие стало частью биографии и повлияло на дальнейший ход жизни.

Наконец, конструкции моментального времени («всё началось с этого снимка») усиливают драматизм, превращая обыденную ситуацию в формирующую точку.

Особенность тренда – его «эмоциональная прозрачность». Пользователи не объясняют, что именно произошло позже; достаточно того, что кролик, появившись в ролике, символически фиксирует наступление судьбоносного момента. Парадоксально, но неопределённость содержания только усиливает эффект: зрители легко проецируют на ролик собственные переживания, интерпретируя историю в соответствии с личным опытом.

Возникновение эмотивности – важная функция тренда. Вербальные формулы вроде кролик меня поймал, тот момент, после этого всё пошло не так создают общий язык переживания перехода. Они действуют как единицы миметической коммуникации: легко воспроизводимые, быстро распространяются и закрепляются в коллективной цифровой памяти.

Тренд «Кролик с часами» становится примером того, как визуально-вербальная структура TikTok превращает время из грамматической категории в инструмент конструирования биографической значимости. Временная формула здесь не просто обязательная часть, а центральный механизм, который связывает текст, изображение и эмоцию в единую повествовательную структуру.

Временная вербализация.

В совокупности наблюдаемые языковые особенности TikTok-нарративов, сформированных вокруг образа кролика с часами, позволяют говорить о возникновении целостной медиалингвистической модели, в которой категория времени перестаёт быть исключительно грамматическим параметром и становится инструментом смыслового конструирования. Временные маркеры в этих роликах выполняют не только функцию хронологического указания, но и роль драматургических и прагматических средств, задающих структуру

переходности и эмоциональной значимости. Их повторяемость, узнаваемость и формульность придают TikTok-дискурсу свойства меметической системы, ориентированной на быстрое воспроизводство и мгновенное семантическое считывание [2; 4].

Лексика, связанная с обозначением момента и перелома, концентрируется вокруг слов типа «внезапно», «тот момент», «после этого», «в этот день», «именно тогда», что превращает язык TikTok в систему указателей перехода. Эти формулы оказываются семантически перегруженными: в нескольких словах они содержат не только указание на временную границу, но и импликацию биографического значимого события, что позволяет зрителю без дополнительных пояснений достраивать содержание истории. Примечательно, что подобные выражения обладают высокой степенью аффективности; они не просто маркируют событие, но и задают его тональность, подготавливая зрителя к эмоциональной реакции.

Синтаксические особенности TikTok-повествования основаны на принципах эллиптичности и компрессии: реплики сокращены до минимально необходимых элементов, часто представляют собой обрывки предложений или номинативные конструкции. Эллипсис в данном случае не является признаком неполноты, напротив, он позволяет экономить время и оставлять пространство для интерпретации, что соответствует общей логике платформы, ориентированной на фрагментарность и наделение зрителя функцией соучастника смыслопорождения.

Грамматическая система также подстраивается:

- прошедшее время используется как средство ретроспективного взгляда, придающего повествованию характер воспоминания;
- настоящее время вводится для перформативной фиксации момента, позволяя автору, будто бы, «проживать» пережитое событие повторно;
- будущее практически отсутствует, поскольку TikTok-нарративы сконцентрированы на обращении к моменту, который уже состоялся, но продолжает оказывать влияние на восприятие настоящего.

Прагматическая роль временных конструкций заключается в драматизации момента перехода. В отличие от традиционных повествовательных структур, где кульминация распределяется на протяжённость текста, TikTok помещает кульминацию в один-единственный момент, подчеркнутый монтажным, звуковым и текстовым средствами. Это обеспечивает мгновенную эмоциональную вовлечённость аудитории, позволяя создать эффект сопереживания и идентификации.

Таким образом, временные конструкции выполняют функцию эмоционального «ускорителя»: они концентрируют внимание зрителя, задают

ожидание и управляют эмоциональным ритмом восприятия.

Кроме того, такие конструкции служат средством биографизации, через которое пользователь формирует публичный образ собственной судьбоносности. Комбинация визуальной метафоры (кролик с часами), текстовой формулы («в тот день всё изменилось») и ритмического монтажа создаёт эффект микроавтобиографии – компактного, эмоционально насыщенного жизненного фрагмента, получающего публичную и коллективно интерпретируемую форму. В этом состоит принципиальная особенность TikTok: биографическое переживание становится медиальным шаблоном, а категория времени – универсальным способом самоидентификации.

Наконец, временные маркеры обеспечивают процесс меметизации. Используемые формулы обладают высокой степенью тиражируемости, легко адаптируются под индивидуальные истории и образуют общий языковой фонд платформы. Таким образом, время в TikTok функционирует не как частный параметр, а как коллективный ресурс, позволяющий пользователям «говорить на одном языке» переходности и эмоционального опыта.

Заключение.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что TikTok формирует новую модель переживания времени, основанную на принципах фрагментарности, монтажной скачкообразности и высокой эмоциональной плотности момента.

На материале тренда «Кролик с часами», ставшего одним из наиболее выразительных примеров цифровой репрезентации переходности, выявлено, что временные конструкции в TikTok утрачивают сугубо хронологическую функцию и превращаются в ключевые структурные и семиотические элементы нарратива.

Категория времени в этой среде становится инструментом драматизации и самоидентификации: через формулы внезапности («в этот момент», «и вдруг»), граничности («после того дня», «с тех пор») и ритуализированной значимости («тот самый день») пользователи конструируют эмоционально насыщенные микроистории, отражающие субъективное переживание переломного события. Эти формулы обладают высокой степенью меметичности, что обеспечивает их массовое распространение и включение в коллективный языковой фонд платформы.

Особое значение приобретает визуально-символический элемент – образ белого кролика с часами, который служит связью между визуальным и вербальным уровнями и фиксирует момент перехода в качестве смыслового центра повествования.

Таким образом, TikTok-нарративы демонстрируют, что в условиях современной медиакommuni-

кации категория времени становится инструментом не фиксации событийной последовательности, а конструирования эмоционального и идентификационного опыта. Вербализация времени в этих роликах представляет собой динамичный,

адаптивный и семиотически нагруженный процесс, отражающий глубинные изменения в структуре цифровой коммуникации и в способах интерпретации индивидуального опыта в медийном пространстве.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. ELLE Kazakhstan. Кролик с часами: что означает новый TikTok-тренд.
2. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New-York University Press, 2008.
3. Shifman L. Memes in Digital Culture. MIT Press, 2014.
4. Page R. Narratives Online: Shared Stories in Social Media. Cambridge University Press, 2018.
5. Прошак Л.В. Пределы взаимодействия реальности и медиареальности во времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3-х ч. Тамбов : Грамота, 2011. № 2(8). Ч. II. С. 161–164. EDN: OEDNMX
6. Приказчикова Е.Е. Поэтика мифа : учеб. пособие / Е.Е. Приказчикова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург, 2021. ISBN: 978-5-7996-3311-0 EDN: AGNPVC

References:

1. ELLE Kazakhstan. The rabbit with the clock: what does the new tiktok trend mean?
2. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New-York University Press, 2008.
3. Shifman L. Memes in Digital Culture. MIT Press, 2014.
4. Page R. Narratives Online: Shared Stories in Social Media. Cambridge University Press, 2018.
5. Proshak L.V. The limits of the interaction of reality and media reality in time // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice : in 3 parts. Tambov : Gramota, 2011. № 2(8). Parts II. P. 161–164. EDN: OEDNMX
6. Prikazchikova E.E. The poetics of myth: textbook. manual / E.E. Prikazchikova; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg, 2021. ISBN: 978-5-7996-3311-0 EDN: AGNPVC

Информация об авторе

Грицева Юлия Владимировна

аспирантка кафедры современного русского языка,
Кубанский государственный университет
kovrygina_julia@mail.ru

Yulia V. Gritseva

Postgraduate Student of the Department
of Modern Russian Language,
Kuban State University
kovrygina_julia@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.11.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 2012.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-17>

УДК 81:008:801.82

Attribution

cc by

СОВРЕМЕННЫЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС: АКТИВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Павловская О.Е., Рыбальченко О.В.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию лексических единиц в коммуникативной среде современного интернет-дискурса. Авторы рассматривают особенности технической лексики и ее употребление в интернет-общении комплексно анализируются языковые и функциональные параметры различных групп технической лексики. Авторы исследуют специфику использования технической лексики в повседневной коммуникации, характеризуют семантические, прагматические и структурные особенности исследуемых единиц, делают попытки спрогнозировать дальнейшее развитие лексического состава технической сленговой лексики. Обращается внимание на системный анализ единиц технической лексики (терминов, неологизмов, жаргонизмов) в коммуникативной среде интернета. Делаются выводы о способах образования новых слов в современной интернет-коммуникации, продуктивности исследуемых моделей лексической парадигмы. Обозначены перспективы изучения технической лексики как в дискурсивном, так и в коммуникативном аспектах.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интернет-коммуникация, техническая лексика, компьютерный дискурс, коммуникативная практика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONTEMPORARY INTERNET DISCOURSE: ACTIVE LEXICAL PROCESSES

Olga E. Pavlovskaya, Olga V. Rybalchenko

Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilin

Abstract. This article examines lexical units in the communicative environment of modern online discourse. The authors examine the characteristics of technical vocabulary and its use in online communication. The linguistic and functional parameters of various groups of technical vocabulary are comprehensively analyzed. The authors explore the specifics of using technical vocabulary in everyday communication, characterize the semantic, pragmatic, and structural features of the units under study, and attempt to predict the further development of the lexical composition of technical slang. Emphasis is placed on a systematic analysis of technical vocabulary units (terms, neologisms, jargon) in the online communicative environment. Conclusions are drawn about the methods of forming new words in modern online communication and the productivity of the studied lexical paradigm models. Prospects for studying technical vocabulary in both discursive and communicative aspects are outlined.

Keywords: Internet discourse, Internet communication, technical vocabulary, computer discourse, communicative practice.

Funding: Independent work.

Введение.

Исследование современными языковедами дискурса интернета во многом направлено на анализ языковых особенностей виртуального общения, на лингвокогнитивные процессы и характеристику текстов, существующих в интернете. Большое внимание уделяется изучению и харак-

теристике технической лексики в рамках данной дискурсивной парадигмы [1; 4]. Следует отметить, что в этой сфере активные пользователи отдают предпочтение видеоблогингу. Это неудивительно, так как массовому зрителю очень важно и видеть, и слышать технику, например, автомобиль.

Печатные виртуальные тексты также широко распространены в Интернете и имеют огромную аудиторию. Представляется целесообразным рассмотреть особенности лексических единиц данной тематики. Необходимо отметить сосуществование в текстах интернет-дискурса единиц технической лексики разной степени семантической окраски [2; 3].

Профессионализмы и техницизмы нередко появляются в одном абзаце (а иногда даже в предложении или фразе) с единицами разговорной просторечной лексики, жаргонизмами. Авторы печатных интернет-текстов неоднозначно относятся к такому явлению. Это выражается в обрамлении с помощью кавычек: некоторые используют их для придания специфической окраски единице, некоторые не считают это чем-то инородным и свободно используют данные единицы на одном уровне с профессиональной лексикой.

Обсуждение.

Жаргонизмы или просторечие служат в основном для придания эмотивно-оценочного значения лексической единице, но в современном техническом интернет-дискурсе наблюдается нивелирование данного показателя у некоторых лексем. Например, «шаха» – ВАЗ 2106, «мерин» – мерседес. «козел», «козлик» – строительные леса. Последний пример ярко продемонстрирован в следующем блоге: «как-то я решил собрать себе строительный козлик... для возведения строительных лесов понадобится следующее».

Наблюдается тенденция замены устойчивой лексической единицы на ее более краткий и просторечный эквивалент:

1) автомобильный дискурс: Гелендваген – «Гелик», ВАЗ 2107 – «семерка», 21010 – «десятка», 2101 – «копейка», БМВ – «бумер», глушитель – «глушак», усилитель – «усилок», кондиционер – «кондер» и т.д.;

2) дискурс строительства и ремонта: шуруповерт – «шура», «шурик», циркулярная пила – «циркулярка», торцевая пила – «торцовка», «паркетка», фрезеровочный станок – «фрезер» и т.д.;

3) компьютерный дискурс: компьютер – «комп», клавиатура – «клава», зависать – «виснуть», загружаться – «грузиться», телефон – «тел» (частая единица в коммуникативной среде социальных сетей);

Объем рассматриваемой лексики настолько велик, что можно составить целую систему наименований. Наблюдается активное количественное и качественное развитие данной области, причиной которой является появление новых средств и форм виртуальной коммуникации.

Результаты.

Вопрос о неологизмах, сленговых и жаргонных единицах языка интернета затрагивает и техническую лексику. Следует уточнить, что истоками

этого явления в научно-технической сфере становится не виртуальная среда. Можно сказать, что многие анализируемые единицы происходят из разговорной и просторечной сферы, обособленной от интернета. Однако виртуальный коммуникант вносит свой значительный вклад в развитие неологизации технической лексики как в семантическом аспекте, так и в количественном пополнении пласта употребляемых слов и выражений.

В данном направлении выделяется автомобильная тематика. Большинство из рассматриваемых единиц служат для описания наименования, типа, вида и устройства продуктов автомобилестроения. Большая часть единиц относится к названиям марок и моделей машин. Основной способ образования неологизмов – суффиксальный:

1) суффикс -ух(а)/юх(а): «аудюха» («Ауди»), «камрюха» («Камри»), «мицуха» («Митсубиси»), «петруха» («Ниссан Патрол») и др.;

2) суффикс -к(а): «паджерка» («Паджеро»), «элька» («L-class»), «эмка» («M-class»), «пежик», «пыжик» («Пежо») и др.;

3) суффикс -ша: «окташа» («Октавия»), «камрюша» («Камри»), «геша» («Гетц») и др.

Существуют в данном разделе окказионализмы, образованные при помощи контаминации части наименования автомобиля и слова русского языка: «кукурузер» («Лэнд Крузер»), «марковка» («Марк 2»), «субарыня», «зубару» («Субару») и др.

Некоторые приведенные выше единицы нельзя отнести к разряду неологизмов, так как они имеют необходимых признаков. Эти слова являются частью жаргонного и сленгового стиля. Их использование в речи, их понимание было доступно для ограниченной группы людей, которые связывали свою деятельность с автомобилями. Появление приведенных лексем в интернет-дискурсе расширило количество людей, которые не только способны понять их значение, но и свободно использовать их в своей речи. Это привело к появлению окказионализмов как в текстах речевой коммуникации, так и в публицистическом дискурсе. Данные выражения используются даже в речи телевизионных программ, например, в телепередаче «Главная дорога» и «ТорGear»: «Посадил дед марковку: что до сих пор влюбляет в себя молодежь в стареньком «Mark 2?» [63]; «Мы с Джереми решили преодолеть залив на двух БМВ – L-class и M-class. Для большинства автогонок «эмка» запомнилась не только своими мягкими формами и жгучим оском... L-class представляет собой сплав жесткости и комфорта. Производители снабдили «эльку» кожаным салоном, красивой аппаратурой, но ее подвеска не заставит вас уснуть даже на трассе. Все это было сделано в угоду максимальной проходимости».

Для подтверждения данной тенденции был проведен анализ частотности использования номи-

наций. Например, в 20 различных блогах автомобильной тематики с ключевым словом «Гелендваген» были обнаружены следующие единицы: 47 наименований «Гелендваген», 49 наименований «Гелик», 22 наименований «G-класс» («G-class»). 4 раза встречаются остальные наименования («кубик», «генацвале», «кирпич»).

Чаще всего, лексемы «Гелендваген» и «G-класс» встречаются в оглавлениях и гиперссылках текстов (в 15 из 20 текстов). Наименование «гелик» встречается во всех текстах. Просторечные наименования «кубик», «генацвале», «кирпич» 3 раза использовались в материалах видеоблогов и лишь 1 раз в текстовом блоге с кавычками.

Данное наблюдение позволяет определить частотность использования особых лексических единиц: они являются устоявшимися в интернет-дискурсе.

Стоит также сказать, что многие наименования, входящие в активный пласт лексики автомобильного дискурса, появились благодаря двум важным требованиям интернет-коммуникации — краткости и ясности. Это выразилось в заметном сокращении фонетической структуры языковых единиц: «лэнд крузер» — «крузак», «эволюшин» — «эва», «сабвуфер» — «саб». Однако, сложно назвать такие единицы устоявшимися. С точки зрения интернет-коммуникации данное явление характерно для многих сфер виртуальной коммуникации.

В образовании неологизмов значимую роль играет поле концептуальных метафор. Целесообразно рассмотреть основные из них.

Из наиболее востребованных концептов выделяется модель «автомобиль — животное». Восприятие автомобиля как зверя не является новой тенденцией: маркетологи с давних времен актуализируют эту модель в рекламе, а интернет-тексты лишь укрепили данную интерпретацию. Сейчас автомобиль — это «зверь», «кабан», «головастик» или «ласточка», их экстерьер — это «оскал», «клыки», «морда», «жуки». А езда автомобиля часто описывается как «рычание», «дикий рев» и т.д.

Очень часто в текстах автомобильного интернет-дискурса встречается метафора по форме: УАЗ — «буханка», большой тяжелый автомобиль — «броневик», «гроб», большой автомобиль с угловатым кузовом — «кубик» и т.д.

Внутреннее устройство автомобиля в описании интернет-текстов имеет свои языковые особенности. Сложно характеризовать предложения, в которых разнородные лексические единицы так часто пересекаются друг с другом. Например, «...по коленчатому валу были заметные дефекты, однако, блок цилиндров без особых задиров, «натиров» и гидрокомпенсаторы и клапаны в полном порядке. Можно сказать, что мотор не свежий, но и не сыпется». «Нужный съемник непременно окажется потерянным, хотя вы

«точно знаете, что он вот тут лежал...». Если вы, плюнув, купите новый, то пропажа моментально найдется. Скажем, стяжек для пружин у меня уже три комплекта...».

Такой особый тип повествования можно объяснить невозможностью заменить некоторые лексические единицы на более доступные обычному носителю языка, неспециалисту. Отсюда и следует такая пестрая лексическая структура многих текстов, посвященных устройству, «начинке» автомобиля.

Профессиональный язык строительства и ремонта очень схож с автомобильным, одна из причин — явное пересечение лексических полей: гайкорез, сварочный аппарат, болты и др. относятся к единицам и сфере строительства и к сфере ремонта и устройства автомобилей. Хотя рассматриваемая тема была не столько популярной в прошлые годы, по сравнению с автомобильной (но в последние годы все больше людей в интернете интересуется ремонтом), лексические изменения нашли отражение в интернет-коммуникации. Слова «плоскогубцы», «болгарка», «фортуна», «гайколом», «полутёрка», «правило», «шуруповерт», хоть и являются окказиональными единицами, но настолько крепко вошли в лексический состав, что многими, даже профессионалами воспринимаются как термины, хоть это и ошибочно: «плоскогубцы» — пассатижи, «болгарка» («фортуна») — УШМ, «гайколом» — гайкорез, «полутёрка» — полутёр, «правило» — направляющая шина, «шуруповерт» — электрическая дрель и т. д.

Рассматриваемые единицы можно встретить даже в текстах рекламных статей и на сайтах известных магазинов. Например: «Углошлифовальная машина (болгарка) Metabo W 650-125 удобна для обработки труднодоступных поверхностей» [60]. «Дрель-шуруповерт Makita DDF453SYX5 — надежный и простой в эксплуатации инструмент для сборочных работ. Благодаря небольшому весу и компактным размерам дрель легко использовать в местах с затрудненным доступом». Следует рассмотреть лексему «болгарка» («фортуна») с этимологической точки зрения.

Угловая шлифовальная машинка появилась в 1920-х годах в Германии, однако в СССР первые модели привозили из Болгарии, поэтому в разговорной среде данный аппарат начали называть «болгаркой». У этого инструмента есть и другое сленговое наименование — «фортуна». Причиной его возникновения стала форма первых инструментов, на дисках которого была нанесена изобразительная форма глаза — это и послужило появлению таких лексических единиц. Ранее у УШМ были и другие названия: «обезьянка» (из-за поверья, что работа с данным инструментом удлиняет руки), «турбинка» (звуковая соотнесенность с турбиной), однако в среде виртуального дискурса представленные единицы не нашли своего широкого отражения. Стоит отметить, что в ан-

гнийском и немецком языках существует своя окказиональная версия именования УШМ: «flexi», которое происходит от английского слова «flexible» (подвижный). Данное именование стало настолько популярным, что компания «Ackermann + Schmitt», которая первая производила УШМ, в 1996 переименовалась в «FLEX-Elektrowerkzeuge GmbH». Данный факт демонстрирует огромное влияние общественного сознания и «народного языка» на многие сферы жизни.

Как и в автомобильном дискурсе, в сфере строительства и ремонта существует ряд способов образования профессионализмов:

1) суффикс -к(а): «торцовка» (торцевая пила), «паркетка» (стационарная пила), «циркулярка» (циркулярная пила), «полутёрка» (полутёр), «трамбовка» (пресс строительный) и др.;

2) контаминация слов: «плоскогубцы» (пассатижи), «гайколом», «гайкоруб» (гайкорез), «шуруповёрт» (аккумуляторная дрель) и др.;

3) изменения семантики лексических единиц: «болгарка», «фортуна» (УШМ), «чашка» (коронка), «бензопила» (часто именуют и электропилу), «газонокосилка» – (иногда такое название дают триммеру) и др.

Заметно, что две сферы практически идентично развивают окказиональный состав. Причиной этому может быть стремление к простоте называния, так как профессионалу необходимо быстро и четко ориентироваться в используемых им выражениях (плюс ложное представление предметов со стороны непрофессионала).

Самой плодотворной сферой развития неологизмов, окказионализмов и сленговых единиц в современном мире является компьютерный дискурс.

Проведенное исследование лексических единиц позволило выяснить основные причины происхождения неологизмов. Как и многие единицы русскоязычного компьютерного дискурса, многие неологизмы имеют англоязычную природу: аффиксальный, сложение, конверсия, создание акронима, усечение, сокращение, слияние, семантическая «переноминация». Одним из популярных способов можно назвать префиксацию: префиксоиды «микро», «нано» и др., пришедшие в русский язык из английского, стали средством для создания новых неологизмов: «нанотехнологии», «наноинструмент», «нанолазер», «наноробот», «микроавтобус», «микрочип», «микрокомпьютер», «микропроцессор».

Данные элементы стали общеизвестными и частотными в интернет-коммуникации и послужили основой для появления сленговых единиц: «микрорепч», «микроволновка», «микролитражка», «наносеть», «наноботы» и др. Во множестве текстов, написанных на тему компьютерных техно-

логий используются данные единицы для придания речи характера научного стиля.

Некоторые неологизмы компьютерного дискурса стали настолько популярными, что лишились какой-либо стилистически-эмотивной окраски и многими воспринимаются как единицы терминологической системы: «сисадмин», «гипервизор», «старт-ап» и др.

Одним из способов образования неологизмов является семантизация существующего слова. Основная часть таких производных единиц входит в компьютерный жаргон: «клава» (клавиатура), «железо» (комплектующие части ПК), «за-лить» (загрузить), «матка» (материнская плата). Данные слова часто встречаются в различных текстах социальных медиа и СМИ интернета.

Следует отметить, что в современном мире происхождение новых единиц технической лексики связано именно с компьютерной сферой. Данный процесс имеет такой непредсказуемый и стремительный характер, что исследователи не успевают описывать новые выражения. Однако лексика автомобильного и строительного дискурса не столь заметно приобретает новые лексические единицы. Данные сферы сохраняют свою популярность в небольшой (по сравнению с компьютерным дискурсом) сфере коммуникантов.

Было также выявлено, что основными способами неологизации в технической лексике является аффиксация и образование семантических неологизмов.

Развитие лексической системы с помощью интернет-дискурса является заметным явлением в русском языке 21 века. Новыми словами могут быть не только иноязычные заимствования, но и производные лексемы русского языка. Процесс уточнения общего приводит в лексике к возникновению гипонима. Такие явления становятся причиной появления неологизмов и также находят свое отражение в технической лексике интернет-дискурса.

В автомобильном дискурсе существует целая система гиперонимов, служащих для определения типа автомобиля:

1) по признаку национальной принадлежности марки: «японец» («мазда», «хонда», «тойота», «ниссан», «лексус»), «немец» («бмв», «мерседес», «фольксваген»), «американец» («форд», «шевроле», «хаммер») и т.д.;

Такие единицы получили массовую популярность и часто встречаются не только в текстах статей, сообщений и реклам, но даже в их заглавии: «Последние настоящие японцы». Все машины японской сборки, которые ещё продаются в России»; «Новый немец с богатым функционалом скоро появится в России – Volkswagen Golf GTI»; «Культовые американцы, цена которых просто зашкаливает!»;

2) по марке автомобиля: «пятерка», «скайлайн», «GT», «поло», «х-8», «камри» («камрюха»), «ауди» («аудюха»), «жигуль» и т.д.;

Например: «Мой любимый автомобиль – Терраник» («Nissan Terrano»), «я купил аудюху 100 в 2004 году... и до сих пор не встретил ни одного достойного аппарата».

3) по типу устройства автомобиля: «АКПП», «МКПП», «автомат», «механика», «полный привод», «4×4», «хэтчбек» («хетч»), «седан», «спорткар» и т.д.:

«Механика или автомат: какая коробка передач лучше подойдет для кроссовера». «Лицо, скорее всего, нарисуют аналогичное, а сзади хетч будет отличаться от четырехдверной модели, в том числе, и дизайном фонарей».

4) по условиям и функциям эксплуатации: «старушка», «с салона», «такси», «таксишка», «грузовик» и т.д.

«Постоянно у отеля стоит хотя бы одна таксишка, несколько попадется во дворе»; «GT 40 обладает 7-литровым двигателем... даже сейчас эта старушка способна утереть нос современным премиальным авто».

Актуальные процессы в лексике технической специальности затронули и научную среду: лексема «телескоп» является гиперонимом к словам «рефрактор» (линзовый телескоп), «лефректор» (зеркальный телескоп). Обычный человек не различит данные приборы и даст любому из них наименование «телескоп». Часто в компьютерном дискурсе игнорируют эти термины и просто обозначаются их отличия: «Плюсы линзовых телескопов: крайне неприхотливы и не требуют практически никакого ухода. Хорошо подходят для наблюдения Луны, планет и других объектов Солнечной системы».

Огромный пласт лексики компьютерного дискурса коммуникативной среды интернета обладает выраженными гиперо-гипономическими связями: гипероним «компьютер» – гипонимы «ноутбук», «моноблок», «монитор», «нетбук», «системный блок» и т.д.; гипероним «телефон» – гипонимы «смартфон», «мобильник», «КПК» и т.д.; «приставка» стала гиперонимом для различных игровых платформ: «Xbox», «PlayStation», «Nintendo», «SEGA». Например: «Современную жизнь трудно представить без смартфона... Если у человека отобрать телефон, он почувствует себя беспомощным». Такие связи присутствуют и в семантическом поле устройства интернета: понятие «роутер» часто используют для наименования нескольких единиц: «модем», «ТВ-приставка», «маршрутизатор». Например: «Цена на новый маршрутизатор Tp-Link Archer упала до 2.5 тысяч рублей, однако он... все еще остается в сегменте дорогих роутеров».

Очень много похожих примеров касается лексических единиц строительной темы: непрофесси-

оналу практически невозможно найти разницу между «шурупом» и «болтом». Причем, шуруп также является гиперонимом для многих лексических единиц: «саморез», «глухарь», «контовик» и т.д. Болт также имеет свои гипонимы: «лемеш», «рым», «анкер», «винт» и т.д. Лексема «сверло» выступает в качестве гиперонима для слов: «торекс» («tx»), «балеринка», «форстнер», «фреза», «бур», «ПШ», «ПЗ» и т.д. В данном списке можно отнести гипоним «коронка», которая также является видом сверла, однако многие ввиду отличительных формальных признаков представляют «коронку» обособленно от «сверла»: «в комплект для установки дверей должны входить перьевые сверла и коронки».

В данном случае, можно наблюдать исчезновение признаков гипонима в бытовой речи.

В стоматологическом дискурсе также присутствуют единицы технической лексики, которые образуют гиперо-гипономические связи, но которые нередко не различаются непрофессионалом человеком: «коронка» является гиперонимом к «фиксу», «виниру», «имплант» («имплантант»), «протез».

Лексика электронного оборудования содержит немало лексических единиц, которые в «народном» языке вступают в гиперо-гипономическую связь: «провод» является гипонимом к «кабелю», «гофре», «жиле», «катоду», «пряжке», «проводнику» и т.д.

Закключение.

Существует множество технических специальностей, которые изобилуют терминами и выражениями, образующими гиперономические связи. Данная лексическая система сложна для понимания непрофессионала, что приводит к еще большему делению гипонимов, которые уже становятся частью общественного, «псевдонаучного» языка. Такое явление нашло яркое отражение в коммуникативной среде Интернета. Наличие подобных реалий разговорного стиля стало уместно в жанрах различной межличностной переписке («социальные сети», «форумы», «электронная почта», «пост»).

Далее происходит внедрение таких понятий в жанры, язык которых предполагает использование профессиональных наименований, однако стремление к популярности со стороны авторов текстов привело к упрощению лексического наполнения для массового пользователя. Это наблюдается и в рекламных жанрах Интернета, таких как «веб-рассылка», «баннер», «спам».

Таким образом, можно отметить, что многие участники интернет-дискурса понимают и значение приведенных лексических единиц, и их родовидовые отношения, однако они ограничиваются использованием не совсем корректных единиц по различным причинам: для упрощения высказывания, для более понятного выражения смысла, для избегания семантических ошибок, для украшения речи.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература / References:

1. Baldanova M.V. metaphorization as a way of developing semantic neologisms in the language of the Internet // Bulletin of the Buryat State University. Language. Literatures. Culture. 2016. № 1. P. 8–13. EDN: XDBPLB
2. Zelenovskaya A.V. The concept of «computer discourse», «Internet discourse», «virtual discourse» // language and culture. Novosibirsk, 2014. № 12. P. 17–21. EDN: SELHDV
3. Internet communication as a new speech formation : a collective monograph / T.N. Kolokoltseva [et al.]. M. : 2018, 328 p.; P. 124–139. ISBN: 978-5-02-037722-6 EDN: UABDGN
4. Kondrasheva E.V. new vocabulary of the Internet language: methods of education, the reasons for their appearance / E.V. Kondrasheva, A.O. Tinina // Epoch of Science. 2019. № 18. P. 134–139. DOI: 10.24411/2409-3203-2018-11830 EDN: HBPJAV

Информация об авторах

Павловская Ольга Евгеньевна

доктор филологических наук,
завкафедрой русского языка
и речевой коммуникации,
Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина
oepa@mail

Olga E. Pavlovskaya

Doctor of Philology,
Head of the Department of Russian Language
and Speech Communication,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
oepa@mail

Рыбальченко Ольга Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и речевой коммуникации,
Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина
rybalchenkoolga@mail.ru

Olga V. Rybalchenko

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Russian Language and Speech Communication,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
rybalchenkoolga@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.11.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.12.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-9>

УДК 81

Attribution

cc by

НЕЛОКАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ И ВИРТУАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ «ЛЮБОВЬ К ТРЕМ ЦУКЕРБРИНАМ» В. ПЕЛЕВИНА

Свитенко Н.В.¹, Чотчаева М.Ю.²

¹Кубанский государственный университет,

²Ставропольский государственный педагогический институт

Аннотация. Понятие «нелокальность» относится к квантовой психологии и было заимствовано у квантовой механики по принципу аналогии. Нелокальность личности обуславливается включением психики человека в системы, которые значительно сложнее и шире, чем просто процесс жизнеобеспечения. Человек, эту локальность утративший, ощущает автономность своей психики и овладевает ею. В статье анализируется структура образа нелокальной личности в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» (2014): виртуальные идентичности Семёна Паламарчука проявляются в разных плоскостях текстовой реальности. Главный герой романа, осознав «главную тайну» сворачивания индивидуального сознания на границе сна, переживает метаною, провоцирующую личностную многомерность. В тексте, репрезентирующем фрактальную структуру, разворачиваются судьбы различных виртуальных идентичностей героя: в существование в реальности искусственного сна-комы. Открытый финал романа оставляет читателю свободу интерпретаций: мыслить сюжет как многогеройную композицию психоделического квеста или понять центральных персонажей как виртуальные субличности одного героя, персонифицирующие в сюжетах-«ячейках» фрактала его любовь и созидательное добро (Надя), жажду познания и преобразования действительности (Бату Караев) и обывательский конформизм и сексуальную озабоченность (Кеша).

Ключевые слова: современная проза, В. Пелевин, «Любовь к трем цукербринам», нелокальность, виртуальная идентичность, фрактальная структура, субличности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

NON-LOCAL PERSONALITY AND VIRTUAL IDENTITIES IN THE NOVEL «LOVE FOR THREE ZUCKERBRINS» BY V. PELEVIN

Natalya V. Svitenko¹, Marina Yu. Chotchaeva²

¹Kuban State University,

²Stavropol State Pedagogical Institute

Abstract. The concept of nonlocality refers to quantum psychology and was borrowed from quantum mechanics by analogy. The non-locality of the personality is due to the inclusion of the human psyche in systems that are much more complex and broader than just the process of life support. A person who has lost this locality feels the autonomy of his psyche and takes possession of it. The article analyzes the structure of the image of a non-local personality in V. Pelevin's novel «Love for Three Zuckerbrins» (2014): Semyon Palamarchuk's virtual identities appear in different planes of textual reality. The protagonist of the novel, realizing the "main secret" of the folding of individual consciousness at the border of sleep, experiences metanoia, provoking personal multidimensionality. In the text representing the fractal structure, the fate of various virtual identities of the hero unfolds: into the existence of an artificial sleep-coma in reality. The open ending of the novel leaves the reader with freedom of interpretation: to think of the plot as a multi-hero composition of a psychedelic quest or to understand the central characters as virtual subpersonalities of one hero, personifying his love and creative goodness (Nadia), thirst for knowledge and transformation of reality (Batu Karaev) and philistine conformism and sexual concern (Kesh).

Keywords: modern prose, V. Pelevin, «Love for Three Zuckerbrins», nonlocality, virtual identity, fractal structure, subpersonalities.

Funding: Independent work.

Введение.

По мере развития высоких технологий, выполнение большей части процессов, имеющих определенный алгоритм, было возложено на электронные вычислительные машины, в связи с чем, резко и в несколько раз увеличилась производительность (в сравнении с человеческим трудом) каждого переданного им процесса. «Именно бесконечный самоповтор лежит в основе одного из фундаментальных принципов формирования и развития сложных структур – фрактала» [6].

Явление, называемое фрактальным, характеризуется многократным последовательным повторением уменьшенной копии или части самого себя. На любом этапе развития фрактал будет подобен сумме своих повторений, возникающей в бесконечности.

По мнению современных ученых-психологов, личность человека – тоже явление фрактальной природы из-за наличия у большинства осознаваемых и подконтрольных субличностей. Индивидуальная и коллективная психика человека, если представлять их как зеркала, стоящие друг напротив друга, дают бесконечное число отражений «Я», из которых состоит бесконечный зеркальный коридор [7, с. 7].

Понятие «нелокальность» появилось в гуманитарном знании было заимствовано психологией [3] и парапсихологией [1] у квантовой механики по принципу аналогии.

Физика по принципу локальности же утверждает, что только непосредственное окружение исследуемого объекта будет на него влиять. Квантовая механика экспериментом доказала, что есть частицы, которые при своей физической удаленности оказывают влияние друг на друга, тем самым противореча принципу локальности.

Таким образом, если рассматривать человека как квантово запутанную частицу, нарушающую принцип локальности, можно сделать вывод, что нелокальность личности обуславливается включением психики человека в системы сложнее и шире, чем просто процесс жизнеобеспечения и человек, эту локальность утративший, ощущает автономность своей психики и овладевает ею.

Обсуждение.

В различные моменты жизни герои романов Пелевина осознают себя и свою личность как множественную в связи с проявлением реакции на события текстовой действительности, после чего его персонаж находится в постоянном поиске своего «настоящего» Я.

В романе «Любовь к трем цукербринам» примером личности такого характера является Семён Паламарчук, более известный в разных главах и плоскостях текстовой реальности как Бату Караев. В самом начале читатель видит его как вах-

хабита, устроившего взрыв в редакции интернет-СМИ «Contra.ru», в белой майке с принтом овцы, жующей стебель конопли. Это событие является одним из ключевых для дальнейшего повествования. В первой части текста об этом персонаже больше не упоминается.

С усложнением сюжета (а именно смертью Кеши (Иннокентия в реальной действительности, или просто «Ке» как звали его реинкарнацию) являвшегося главным героем) повествователь в лице Киклопа с головой уходит в рассказ о будущем погибшего при взрыве [5, с. 163–169]. Благодаря своему всевидящему оку, Киклоп мог увидеть, как далекое прошлое человека с его переживаниями, которые он уже пережил, мыслями и чувствами, так и его далекое будущее. Кеша в его видении реинкарнировал в той относительной реальности и том времени, где Москва была похожа на мировую свалку мусора на улицах, а люди «жили» в модулях, занимающихся их жизнеобеспечением с помощью подключенных к телу трубок. Та реальность, которую видел Киклоп, отдаленно напоминала реальность фильма «Матрица», поскольку в ней, как и в фильме, все то «красочное, живое и настоящее» являлось лишь симуляцией, вечным сном, в котором находились герои.

В этом компьютеризированном сне у каждого человека был свой «фейстоп», отдаленно напоминающий изображение рабочего стола на экране компьютера, на котором хранились «иконки» используемых приложений, и в человеческом облики «иконка» пары, подобранная системой по схожим интересам и качествам. В один момент Кеша узнает, кем был его социальный партнер не в симуляционной реальности [5, с. 160–162]. Без посторонней помощи и не узнал бы, что его жена Мэрилин (Машка, как он называл ее ранее), являлась на самом деле мужчиной с измененным половым модулем.

В той реальности Бату Караев и был социальным партнером главного героя, который узнал об этом из приложения, модулирующего ситуацию встречи и диалога между ними уже после самоубийства Караева. Раскрытие его персонажа происходит уже тогда, когда его нет в живых. Из заранее записанных им реплик, адресованных в послании Ке, читатель узнает, что дримбомбер (от англ. «dream» и «bomb», означающих «взрывающий в сне») в лице Бату, являвшегося и в той реальности преступником, не просто устраивал теракты со смертельным исходом в групповых снах, а преследовал этим определенную цель. В своей исповеди антагонист объяснял, что делал это не ради своего удовольствия, а ради освобождения от сна спящих. Он осознал главную тайну: что при переходе человека в сон, он утрачивает собственное сознание, индивидуальность и даже мысли. Все, чего он, как ему казалось, хотел, являлось волей системы, промывающей мозги потоками информации с такой силой, «что там не способна появиться ни одна случайная мысль» [5, с. 170].

Человек, отличающийся сознанием, таковым быть перестал и то, что каждый спящий считал своей личностью, своей душой, по объяснению Караева, было не более чем программным кодом, который отрабатывал кем-то созданный ранее скрипт. В их мире ни одна мысль не являлась случайной. Даже судьба человека, сценарий которой, исходя из религии, является кем-то predetermined, предполагала развитие и давала свободу выбора (или хотя бы ее иллюзию), от которой зависели дальнейшие события в жизни каждого. Здесь же каждый спящий являлся цепочкой системных кодов, переходящих из одной фазы в другую. В этой цепочке были прописаны даже мысли пользователя, благодаря которым в ходе повествования появлялась контекстная реклама, предлагающая купить предмет мысли. Предмет мысли, по сути, мыслью и волеизъявлением не являвшейся. Бату благородно (как полагал герой) хотел помочь избавиться живущим во сне от навязанной и кем-то (кого называли Цукербринами) определенной симуляции, поэтому и устраивал теракты в коллективных снах, последний из которых можно было бы сравнить с мировым масштабом [5, с. 171].

В этом фрагменте читатель осознает, что привело героя к той, или иной мысли и действию, что стало отправной точкой в отличном от предыдущего сознании. Из исповеди антагониста ясно, что раньше он являлся представителем закона, борющимся с таким явлением как «мыслепреступления», после чего, изучив всю систему досконально, решил пойти против неё. Информация о Караеве транслировалась по главному каналу, в базе данных были сведения о нем и его преступлениях, при упоминании его имени спящие ужасались, такого «величия» он достиг своей деятельностью.

В связи с одним явлением, мыслью, действием, механизм сознания человека необратимо меняется, благодаря осознанию даже чего-либо несущественного, после чего жизнь персонажа, как и личности в целом, прежней уже не будет. Это приводит к многомерности личного человеческого «я», из которого он пытается вычленить основное. По мысли исследователя Прониной, найти такое «я» сравнимо с пониманием истины в любом ее аспекте, начиная от смысла жизни и заканчивая абсолютной правдой, но «сделать это так же необходимо, как взять и выписаться из сумасшедшего дома» [6, с. 10]. Только личность, дифференцирующая многогранность своего «я», осознает, что свобода частей собственного сознания, и их независимость являются почти безграничными. «Мышление такого человека принципиально многомерно, как многомерно его «я» [7, с. 25]. Сознанию себя на таком уровне становится доступным понимание нелинейности и нелокальности окружающей его действительности, исходя из чего он может разорвать линейность причинно-следственной связи, заменить причину следствием, не переставая воспринимать их как сумму, значение которой

даже при перестановке местами слагаемых не изменится.

Еще одной личностью, репрезентирующей принципы нелокальности в тексте, становится фигура повествователя, обозначаемого Пелевиным как «Киклоп». Свое прозвище герой получил в связи с медитативной практикой, благодаря которой развил свой особенный навык, заключающееся в сведении глаз в одной точке и удержании их в таком положении до тех пор, пока видимая картинка не обретет четкость. Таким образом, два глаза превращались в один, который находился где-то в районе лба и видел намного больше, чем два человеческих [5, с. 10–15].

О рассказчике читатель знает то, что ему в наследство от дальнего родственника досталась квартира с личными вещами, среди которых находилась «Коробка № 1», где среди бумаг оказалось «пособие йоги». Перед старым зеркалом он упражнялся в ясновидении до тех пор, пока не ворвался, сам того не желая, в чужой поток сознания и воспоминаний [5, с. 17–18]. Это стало его отправной точкой к множественности и нелокальности собственного «я».

Если рассматривать рассказчика как внезапно «прозревшего» и увидевшего суть вещей, то этот герой становится похож на бесплотного стороннего наблюдателя, а не живого человека, имеющего мысли и чувства. Если рассматривать главы романа как отдельно взятые реальности, то герой является путешественником по фракталу, о чем потом говорит сам [5, с. 25]. Читатель не знает настоящего имени персонажа, от лица которого ведется повествование, потому что тот принял роль Киклопа и стал называть себя так. По сути, перемещения из одной реальности в другую могут рассматриваться как проявления разных граней собственного «я». Даже после прочтения автор не дает понять сном ли это (вместе с превращением в Киклопа) было, или явью, из которой повествователь выпал и, забыв, пересказал это на страницах романа.

Вместе с протагонистом и антагонистом рассказчик перемещается по по мирам-итерациям: в первом мире, являвшемся реальной действительностью на первый взгляд, он с помощью своего умения перемещается из одного сознания в другое, переживая то, что давно уже было забыто самим носителем воспоминания. Первая реальная действительность заканчивается тем, что в издательстве, где работал главный герой, именуемый Кешей, происходит взрыв. Промежуточными между первым и вторым являются еще два мира с разным уровнем сюрреализма в нем.

Первый уровень реальности – мир людей, кажущийся таковым до тех пор, пока в ходе повествования не наступает момент появления Птиц, являющихся прямой отсылкой к древнеегипетской религии и мифологии. Здесь вполне реально с высоты здания падает человек, к которому с опасением подходит рассказчик и после прикосновения к которому видит охотившихся на него [5, с. 32].

Второй уровень реальности – мир сна Кеши, в котором правит сюрреалистическая антилогика, а сам он, ощущая себя по-разному (даже лицами разного пола), сотворению этого алогичного пространства способствует. В этом сне, имеющем три уровня, Творец «всего» был показан как Древний Вепрь с зеленым рылом. Могущественные Птицы, которых тот создал, пытались убить своего создателя [5, с. 26]. С первой неудачной попыткой запустить в Вепря человеческим телом, Кеша, видевший себя Николаем, проснулся во сне уже в теле Даши, чья попытка уничтожить Творца с помощью пророченного в ее животе стального яйца тоже была неудачной [5, с. 26].

Кеша просыпается трижды, после чего нам показывают его реинкарнацию в далеком будущем в симуляции жизни во сне. Он понимал, что спит, зная, что происходит с ним в реальной действительности, где был подключен к аппаратам искусственного поддержания жизни, отвечающих за питание, гигиену и здоровье спящего. Как итог, он вместе со многими другими в результате очередного теракта в массовом сновидении, подстроенного Караевым, погибает [5, с. 6].

Герой Кеши, показанный в романе, один из своих выходных проводит весь день за компьютером, оставляя сообщения на форумах разной идеологической направленности и под разными никами. Герой сменяет около десяти аккаунтов за этот период времени (куда-то он отправляет «фотожабу», которую сделал сам, а где-то вступает в полемику с другими пользователями [5, с. 126–129]), а информация, оставленная им под разными масками в обсуждениях, является совершенно разной по мировоззренческим приоритетам.

Тема виртуального существования изображается Пелевиным не только в этом фрагменте текста, но и в описании всего образа жизни Иннокентия в своей инкарнации. Он, как и большинство других людей, «проживал» в кластерах, «которые были больше похожи на консервные банки, используемые в древности» [5, с. 172]. Кластер подключался к телу, находящемуся в нем с помощью маски и множества трубок, отвечающими за разные функции. На его затылке под кожей располагалась маленькая пластинка, через которую осуществлялась связь техники с мозгом напрямую. С помощью такого соединения каждый пользователь подключался к фейстопу, являющемуся, по сути, рабочим столом каждого пользователя компьютера со своими «иконками» и «обоями» на нем. Только, в отличие от реальной главной страницы ПК, виртуальная реальность была не двухмерным и не трехмерным изображением, а осязаемой действительностью, «иконки» приложений были представлены людьми, а контакт главного героя с ними происходил на площади (главный экран любого гаджета) [5, с. 183]. В этом сне у Кеши было все: свой фейстоп, являвшийся личным уголком, где он проявлял личность хозяина (устанавливая и деинсталлируя приложения),

социально активной единицы (занимаясь удовлетворением своего социального партнера), любовницы (связь с его реальной тяге к японским школьницам) и многие другие роли своей субличности, сам того не осознавая, в отличие от Бату.

Следующей за этой реальностью открывается реальность Нади (девушка, которая работала вместе с Кешей в «Contra.ru», следила за уютom, порядком и оставляла пластмассовых разноцветных игрушечных зверей в горшках с цветами). После взрыва в издательстве за чистоту своих душевных помыслов и абсолютное спокойствие становится Ангелом в мирке, где ее называли Сперо (от лат. spero – надеяться) [5, с. 192]. Там она является помощницей Бога и приходит на помощь заблудившемуся на жизненном пути антропоморфным животным, среди которых, если приглядеться, в трехголовом псе можно увидеть трех журналистов из первой части романа, в питоне Бату – террориста, упомянутого ранее, в гиппопотамах – поэта Гугина и так далее [5, с. 190].

Она стала ангелом в том мире, где у нее был собственный сад, зовущийся Эдемом: «Эдем – просто ее маленький личный цветник, до которого никому во вселенной нет дела» [5, с. 195]. Он был создан без всякой цели из любви и добра – из того же, из чего и состояла Надя.

В конце повествования рассказчик, представившийся читателю Киклопом, объясняет, что путешествовал на поездах, везущих из одной реальности в другую, где события и обстоятельства значительно различались. В одной из таких реальностей не произошло того самого взрыва в офисе издательства, все живы и продолжают делать то, что делали [5, с. 201].

Характерной чертой стиля Пелевина является то, что писатель не создает однозначную развязку, оставляя финал открытым, благодаря чему читатель волен домыслить окончание истории. Если воспринимать все события, изложенные в романе «Любовь к трем цукербринам», как уровни сна Киклопа, из которых он постепенно выходил, сменяя один другим, и по действующему лицу, то может показаться, что все из упомянутых имеющих значение героев (Бату, Кеша, Надя) являются разными уровнями его личности: Надя была его добротой, любовью ко всему существу, что рождало его спокойствие, Бату – желанием что-то кардинально изменить в своей жизни и жизни людей в целом, Кеша же выступал как стабильный прокрастинатор, который в свои выходные пил и «серфинговал» в Интернете, меняя активные аккаунты на форумах разной направленности [5, с. 120].

Заключение.

Технический прогресс и развитие технологий обусловили, благодаря которым были созданы компьютеры, смартфоны, очки виртуальной реальности, «умные» дома и многие другие вещи,

и спровоцировали возникновение виртуальной реальности и, которая требовала особой идентичности: проблема виртуальности и ее взаимоотношение с реальной действительностью стала широко обсуждаться в самых разных научных кругах.

Проблема виртуальной идентичности актуальна в современной психологии, рассматривающей личность как совокупность множества проявлений её разных сторон. Это множество проявлений, достигая определенного уровня сложности, стремится к независимому существованию и предпринимает попытки удовлетворения своих потребностей через личность. Патологией является не наличие множества таких личностей, в совокупности представляющую одну многогранную, а неумение этими субличностями управлять. С помощью субличностей человек самовыражается и приобретает реальный опыт. Без осознания «граней» своей личности и умения

управлять ими процесс духовного роста и самосовершенствования невозможен. Стремление к эксперименту со своей идентичностью является причиной, по которой пользователи сети Интернет могут использовать разные аккаунты, примеряя на себя разные «никнеймы», социальные роли и так далее. Развитие таким способом виртуальных идентичностей становится способом саморазвития [1].

Литература, созданная Пелевиным, по мнению Гурина [2], является энциклопедией духовной и интеллектуальной жизни русского человека в конце XX – начале XXI века. Сложно представить жизнь современного человека без доступа к интернету: герои Пелевина попали в лабиринт всемирной сети и авторская задача – художественное исследование проблемы соотношения реальности и виртуальности – «насушная задача внутриспихической реорганизации, которую невозможно отменить или отложить» [4, с. 127].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Красильников Г.Т. О научном статусе квантовой психологии / Г.Т. Красильников, Ф.В. Мальчинский, Э.А. Крачко // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 51–66. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.3 EDN: YUSGND
2. Гуринов С.А. Пелевин между буддизмом и христианством // Сайт творчества Виктора Пелевина. URL : <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (дата обращения 12.11.2025).
3. Лебедев И.Б. Психика как нелокальная реальность нашего мира / И.Б. Лебедев, А.Ю. Кузнецов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 310–315. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.184 EDN: DBLEJR
4. Пелевин В.О. iPhuck 10. М. : Эксмо, 2017. 416 с.
5. Пелевин В.О. Любовь к трем цукербринам. М. : Эксмо, 2014. 448 с.
6. Пронина Е.Е. Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы. М. : Журнальный зал, 2003 № 4. С. 5–30.
7. Руффлер М. Игры внутри нас. Психодинамические структуры личности. М. : Изд-во Института психотерапии, 1998. 208 с.

References:

1. Krasilnikov G.T. On the scientific status of quantum psychology / G.T. Krasilnikov, F.V. Malchinsky, E.A. Krachko // Russian Psychological Journal. 2017. Vol. 14. № 2. P. 51–66. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.3 EDN: YUSGND
2. Gurin S.A. Pelevin between Buddhism and Christianity // The website of Victor Pelevin's creativity. URL : <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (date of application 12.11.2025).
3. Lebedev I.B. Psyche as a non-local reality of our world / I.B. Lebedev, A.Y. Kuznetsov // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2019. Vol. 8. № 6A. P. 310–315. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.184 EDN: DBLEJR
4. Pelevin V.O. iPhuck 10. M. : Eksmo, 2017. 416 p.
5. Pelevin V.O. Love for three zuckerbrins. M. : Eksmo, 2014. 448 p.
6. Pronina E.E. The fractal logic of Victor Pelevin // Questions of literature. M. : Journal Hall, 2003. № 4. P. 5–30.
7. Ruffler M. Games inside us. Psychodynamic personality structures. M. : Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 1998. 208 p.

Информация об авторах

Свитенко Наталья Вячеславовна

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы,
теории литературы и критики,
Кубанский государственный университет
svitenko@list.ru

Natalya V. Svitenko

Doctor of Philology Sciences,
Professor of the Department
of History of Russian Literature,
Theory of Literature and Criticism,
Kuban State University
svitenko@list.ru

Чотчаева Марина Юрьевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры теории
и методики преподавания
филологических дисциплин,
Ставропольский государственный
педагогический институт
m.chotchaeva@mail.ru

Marina Yu. Chotchaeva

Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Theory and Methods
of Teaching Philological Disciplines,
Stavropol State Pedagogical Institute
m.chotchaeva@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.11.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.12.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-16>

УДК 791.43

Attribution

cc by

ЭСТЕТИКА И ВИЗУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ИНГМАРА БЕРГМАНА

Хабаров А.А.

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

Аннотация. Работа сосредоточена на комплексном анализе эстетики и визуального стиля одного из ключевых режиссеров мирового кинематографа – Ингмара Бергмана. Исследование фокусируется на эволюции его уникального художественного языка, рассматриваемого как целостная система, где форма и содержание находятся в неразрывном диалектическом единстве. Цель работы – выявить и концептуализировать основные принципы визуальной организации кинопространства у Бергмана, определяющие его мгновенно узнаваемый авторский почерк. На основе детального разбора ключевых фильмов режиссера («Седьмая печать», «Земляничная поляна», «Персона», «Фанни и Александр» и др.) доказывается, что его эстетика является не просто фоном для развития нарратива, но активным выразительным средством, переводящим экзистенциальные, философские и метафизические вопросы на язык киноизображения. Особое внимание уделяется работе Бергмана со Свеном Нюквистом в формировании бергмановского визуального киноязыка, а также влиянию его театрального опыта на кинематографические решения. Статья вносит вклад в современное бергмановедение, предлагая системный взгляд на его визуальное наследие как на модель «метафизического реализма», актуальную для последующих поколений кинематографистов.

Ключевые слова: Ингмар Бергман, эстетика, визуальный стиль, киноязык, шведский кинематограф, Свен Нюквист.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE AESTHETICS AND VISUAL STYLE OF INGMAR BERGMAN

Artyom A. Khabarov

National Research University

Mordovian State University named After N.P. Ogarev

Abstract. The work focuses on a comprehensive analysis of the aesthetics and visual style of Ingmar Bergman, one of the key directors of world cinema. The research focuses on the evolution of his unique artistic language, considered as an integral system where form and content are in an inseparable dialectical unity. The aim of the work is to identify and conceptualize the basic principles of Bergman's visual organization of the film space, which determine his instantly recognizable author's handwriting. Based on a detailed analysis of the director's key films («The Seventh Seal», «Strawberry Meadow», «Persona», «Fanny and Alexander», etc.), it is proved that his aesthetics is not just a background for the development of narrative, but an active expressive means that translates existential, philosophical and metaphysical questions into the language of film imagery. Special attention is paid to Bergman's work with Sven Nyqvist in shaping Bergman's visual film language, as well as the influence of his theatrical experience on cinematic decisions. The article contributes to modern Bergman studies by offering a systematic view of his visual legacy as a model of «metaphysical realism» relevant to subsequent generations of cinematographers.

Keywords: Ingmar Bergman, aesthetics, visual style, film language, Swedish cinema, Sven Nyqvist.

Funding: Independent work.

Введение.

Творчество Ингмара Бергмана давно является неотъемлемой частью классики мирового кинематографа, а его влияние на развитие визуального языка киноискусства сложно переоценить. Однако, несмотря на обширный корпус критических и научных работ, посвященных режиссеру,

матографа, а его влияние на развитие визуального языка киноискусства сложно переоценить. Однако, несмотря на обширный корпус критических и научных работ, посвященных режиссеру,

комплексный анализ его эстетики как целостной системы, обладающей внутренней логикой и эволюционной динамикой, представляется научной задачей, сохраняющей свою актуальность. Часто фокус исследований смещается в сторону философской, религиозной или психологической проблематики его фильмов, тогда как визуальный ряд рассматривается как нечто производное или вспомогательное. Между тем, именно визуальный стиль Бергмана выступает смыслообразующим элементом, который не просто иллюстрирует, но и формирует основные темы его творчества [6, с. 12]. Можно предположить, что эстетика Бергмана может быть концептуальной моделью «метафизического реализма», где осязаемость кадра служит проводником к абстрактным и вневременным вещам в жизни обычных людей. Чтобы проследить эволюцию уникального киноязыка режиссера необходимо обратиться к анализу важных составляющих компонентов кино – композиции, работы со светом и построением кадра – в неразрывной связи с внутренним миром его персонажей.

Формирование визуального стиля Бергмана неотделимо от общей культуры Швеции середины XX века и, что особенно важно, от его глубокой связи с театром. Ранние кинематографические работы режиссера, такие как «Вечер шутов» (1953) или «Улыбки летней ночи» (1955), демонстрируют сильное влияние театральной эстетики, что проявляется в построении мизансцен, ориентированных на фронтальное восприятие, и в определенной статичности кадра, напоминающего сценическую площадку. Однако уже в этот период начинается формирование его уникальный подход к психологизму, который требовал иных, сугубо кинематографических средств выразительности. Переломным моментом, ознаменовавшим обретение Бергманом своего зрелого визуального языка, стала так называемая «трилогия веры» – «Сквозь темное стекло» (1961), «Причастие» (1963) и «Молчание» (1963). Именно в этих работах происходит окончательный отказ от лишней живописности и театральной условности в пользу аскетичной, сконцентрированной на человеческом лице изобразительности. Кадр становится интимным пространством исследования глубин человеческой души, а визуальный ряд служит для передачи внутренних, часто мучительных, духовных процессов. Этот переход был обусловлен началом его многолетнего и плодотворного сотрудничества с оператором Свенем Нюквистом, чье мастерство работы со светом стало краеугольным камнем бергмановской эстетики [9, с. 23].

Обсуждение.

Свет в фильмах Бергмана эпохи Нюквиста – это не просто технический элемент освещения сцены, но и философская и драматургическая история. Он приобретает пластику и смысл, становится активным действующим лицом. Можно сказать, что такой свет – это, прежде всего, свет тактильный, осязаемый, материальный. Он ло-

жится на лица героев как живая текстура, показывая рельеф кожи, морщины, блеск глаз, тем самым обнажая внутренний мир персонажа [9, с. 34]. В «Персоне» (1966) свет становится инструментом психологического переосмысления, стирая границы между сознанием двух женщин. В фильме «Страсть» (1969) суровый, почти монохромный свет северного лета создает ощущение экзистенциальной пустоты и отчуждения. Особого внимания заслуживает использование Бергманом и Нюквистом монохрома. Уже в «Сквозь темное стекло» черно-белая гамма используется не как техническое ограничение, а как специальный художественный прием, который позволяет достичь максимальной концентрации и абстрагирования от бытовой конкретики. Здесь противостояние света и тени приобретает почти мистическую силу: тень превращается в визуальную метафору сомнения, страха, присутствия незримого, будь то Бог или внутренняя пустота, в то время как свет ассоциируется с озарением, нахождением истины, но и с ослепляющим ужасом перед лицом непостижимого. Эта игра светотени, восходящая к эстетике северного барокко и немецкого экспрессионизма, но переосмысленная через призму современного экзистенциализма, формирует уникальный визуальный вакуум, где внешний мир является проекцией мира внутреннего [9, с. 89].

Параллельно с трансформацией световой палитры эволюционирует и подход Бергмана к композиции кадра. Относительная статичность его ранних работ сменяется глубоким построением мизансцены. Режиссер мастерски использует крупные планы, создавая близость зрителя и персонажа его кинокартин. Лицо человека становится для Бергмана первым планом, на котором разворачивается основная драма. Его крупный план – это не просто операторский прием, а способ проникновения в подсознание, инструмент исследования того, что скрыто за словами [1, с. 67]. В «Земляничной поляне» (1957) камера вплотную приближается к лицу старого профессора Борга, и мы читаем в его глазах всю палитру чувств – от страха смерти до ностальгической грусти и, наконец, примирения. Эта эстетика мимики лица требует от актера невероятной отдачи и особой техники. Композиция кадра часто нестабильна, из-за чего зритель подсознательно ощущает чувство тревоги и дезориентации. Персонажи могут быть смещены в край, их фигуры – разобщены пространством пустого интерьера или, напротив, сдавлены его границами, что визуализирует темы одиночества, некоммуникабельности и экзистенциального страха [6, с. 189]. Интерьер в фильмах Бергмана («Персона», «Стыд», «Страсть») редко бывает уютным, это, скорее, лаконичная, аскетичная сцена для внутренней драмы человека, а предметы быта наделяются символическим значением, становясь ориентирами на пути внутренних странствий героев. Чаще всего замкнутые, изолированные пространства – квартиры, залы, больничные палаты, острова – становятся границами мира персонажей кинокартин, а их наполнение или пусто-

та отражают состояние души героев. В «Персоне» белый одинокий дом на берегу моря превращается в клиническую палату, где минималистичная обстановка лишь обостряет хаос душевных переживаний [7, с. 121]. В «Сценах из супружеской жизни» (1973) уютный, детальный интерьер квартиры Йохана и Марианны постепенно теряет ауру спокойствия, становясь ареной для словесных бурь и взаимного отчуждения. Сама мизансцена, в которой персонажи то сближаются в кадре, то разделяются дверными проемами или предметами мебели, визуализирует динамику их отношений, где исполнитель, его голос, его паузы становились главными «декорациями», а камера выполняла роль беспристрастного, но пронизывающего наблюдателя, фиксирующего эти внутренние процессы [9, с. 204]. Бергман мастерски использует архитектурные элементы – дверные проемы, окна, зеркала, длинные коридоры – для создания ощущения ловушки, разделения или возможного выхода. Зеркало, в частности, является одним из ключевых мотивов его визуального ряда, начиная с «Лета с Моникой» (1953) и достигая кульминации в «Лицом к лицу» (1976). Оно служит инструментом самопознания, но чаще – самокопания и раскола, преувеличивая и искажая реальность, обнажая пропасть между социальной маской и истинным «Я». Пространство в его фильмах, таким образом, лишено нейтральности – оно антропоморфно и психологизировано, выступает прямым продолжением и объективацией внутреннего конфликта [6, с. 178].

Важную роль в визуальной философии Бергмана играет концепция лица. Акцентирование внимания на нем достигает своей кульминации в период сотрудничества с Нюквистом, когда камера начинает изучать человеческое лицо с особой скрупулезностью. Крупный план у Бергмана, как точно заметил французский критик Жиль Делез, перестает быть просто частью пространства повествования и становится «пространством аффекта», несет в себе больше смысла, ведь нагота лица покажет больше наготы тела [4, с. 81]. В фильме «Персона» эта техника доведена до абсолютного формального и содержательного предела. Сближение и слияние лиц Элизабет и Альмы в знаменитой сцене, где их черты визуально объединяются в единый образ, является не экспериментом, а мощнейшей визуальной метафорой потери идентичности, симбиотического взаиморазрушения и экзистенциального ужаса перед потерей собственного «Я». Это зеркальная сцена – сдвоенный монолог. Вполне естественно в заключительной части монолога скомбинировать освещенные половинки лиц так, чтобы они слились в одно лицо. Лицо, в котором сталкиваются не просто два характера, а фундаментальные силы: молчание и голос, боль и здоровье, искусство и жизнь. Крупный план всего лишь привел лицо в такие области, где перестает действовать принцип индивидуации. Эти лица сливаются не потому, что они похожи, а из-за того, что они утратили индивидуацию, а в равной мере – и социализацию, и способность к комму-

никации [3, с. 59]. Работа с актерами (в данном случае Лив Ульман и Биби Андерссон) направлена на то, чтобы минимизировать внешнюю экспрессию и максимизировать внутреннюю интенсивность, что требует от камеры невероятной чуткости к малейшим изменениям микроимики. Нюквист добивается этого с помощью сложной системы освещения, часто использующей единственный источник мягкого, рассеянного света, который не создает резких теней, но обволакивает лицо, выявляя его внутреннее свечение, его «душу». Этот метод стал визитной карточкой не только Бергмана, но и эталоном для всего психологического кинематографа.

Эволюцию визуального стиля Бергмана невозможно рассматривать в отрыве от его диалога с изобразительным искусством. Неоднократно можно провести связь его эстетики с традициями североευропейской живописи, в частности, с творчеством немецких и скандинавских мастеров эпохи Возрождения и барокко. Композиции некоторых кадров «Седьмой печати» (1957) откровенно отсылают к средневековым фрескам и алтарной живописи, где фигуры расположены в строгом иерархическом порядке, а их жесты имеют символическое значение. Однако более глубокое и системное влияние можно обнаружить в работах шведского художника-символиста Эрнста Юсефсона и представителя раннего немецкого романтизма Каспара Давида Фридриха. От первого Бергман наследует интерес к напряженному психологизму и трагическому мистицизму, тогда как у второго заимствует принципы построения метафизического пейзажа, где фигура одинокого человека на фоне бескрайней природы становится формой человеческой участи. Пейзаж в фильмах Бергмана, будь то суровое балтийское побережье в фильме «Страсть» или унылый осенний лес в «Причастии», редко бывает нейтральным. Он всегда наполнен эмоциональной нагрузкой, выступая прямым продолжением духовного состояния героев. Этот «психологический пейзаж» является важнейшим компонентом его визуального языка, подчеркивая тему фундаментального одиночества человека в мире, лишенном трансцендентных ориентиров. Пустое небо, безжизненные скалы, бесконечная дорога – все эти мотивы визуализируют экзистенциальную пустоту, перед лицом которой разворачивается драма персонажей.

Знаковым этапом в развитии визуального стиля режиссера стал его переход к цвету. Если в черно-белом периоде Бергман и Нюквист достигли вершин в искусстве светотени, то цветные фильмы поставили перед ними новую художественную задачу – наделить цвет смыслом, а не просто краской. Настоящим прорывом становится фильм «Стыд» (1968), где цветовая палитра, построенная на приглушенных, выцветших тонах – сером, коричневом, грязно-зеленом – становится прямым выражением атмосферы деградации и апокалипсиса, царящей на острове, охваченном гражданской войной. Цвет здесь

не украшает, а усугубляет ощущение безысходности. Апогеем же цветовых экспериментов Бергмана и Нюквиста по праву считается «Шепоты и крики» (1972). В этом фильме цвет становится главным драматургическим элементом. Агрессивный, ядовито-красный цвет интерьеров, в которых происходит основное действие, создает невыносимое ощущение клаустрофобии [8, с. 102]. Этот красный цвет, по словам самого режиссера, должен был ассоциироваться с плотью, страданием и смертью. Ему противопоставлены холодные, мутные тона воспоминаний о прошлом и ослепительно-белый цвет одежды умирающей Агнес, символизирующий хрупкость и чистоту. Контраст этих цветовых тонов формирует визуальную полифонию фильма, где каждая сцена обладает своей уникальной цветовой партитурой, управляющей эмоциями зрителя. Такой подход демонстрирует, что к 1970-м годам Бергман окончательно превратил цвет в такой же тонкий инструмент выражения внутренних чувств, каким ранее для него был свет.

Результаты.

Эстетика и визуальный стиль Ингмара Бергмана представляют собой уникальную и целостную художественную систему, где формальные приемы являются прямым и бескомпромиссным выражением философско-антропологического содержания. Киноязык Бергмана сформировался как инструмент исследования «драмы сознания», где доминирующими становятся изоляция, диалог, поиск аутентичности и встреча с экзистенциальными состояниями человеческого существования. Крупный план, как основной способ репрезентации, свет, функционирующий как активный семиотический и психологический прием, аскетичное пространство кадра, взаимодействие изображения и звука – все эти элементы

не просто служат иллюстрацией нарратива, а представляют особую реальность, в которой внешнее есть проекция внутреннего.

Эволюция стиля Бергмана, от ранних, более условных и экспрессионистских работ, к лаконичным и глубоким шедеврам позднего периода, демонстрирует процесс его планомерного очищения. Переход к цвету и телевизионному формату не привел к потере его художественных театральных принципов, напротив, он позволил по-новому настроить внимание к актерскому мастерству и психологической тонкости кадра. Визуальный мир Бергмана, укорененный в северном ландшафте его жизненного опыта, обретает свой вид именно благодаря дисциплинированной точности и отказу от ненужного внешнего хлама в пользу насыщенности внутренних переживаний.

Заключение.

Значение бергмановской эстетики для мирового кинематографа определяется тем, что она утвердила кино как полноценное средство философской рефлексии, сопоставимое по глубине с литературой и театром. Он доказал, что предельная простота и сосредоточенность на лице человека в кадре могут стать основой колоссальной эмоциональной и интеллектуальной мощи для искусства. Его наследие – это не набор цитируемых приемов, а высочайший этический и эстетический стандарт, требующий от кинематографиста предельной искренности, дисциплины видения и готовности к диалогу с самыми сложными вопросами человеческого бытия. Таким образом, визуальный стиль Ингмара Бергмана остается не только предметом академического изучения, но и живым ориентиром для любого искусства, стремящегося к познанию внутренней реальности человека.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Балаж Б. Кино. Становление и сущность нового искусства / Б. Балаж; Пер. с нем.; Предисл. Р. Юренева. М. : Прогресс, 1968. 328 с.
2. Бергман И. Латерна магика / И. Бергман; Пер. со швед. А.А. Афиногеновой. СПб. : Азбука, 2019. 288 с.
3. Бергман И. Картины / И. Бергман; Пер. со швед. А.А. Афиногеновой. М. : Музей кино, 1997. 440 с.
4. Делез Ж. Кино / Ж. Делез; Пер. с фр. Б. Скуратова. М. : Ад Маргинем, 2004. 624 с.
5. Мусский И.А. 100 великих режиссеров. М. : Вече, 2006. 480 с. ISBN: 5-9533-0356-4 EDN: QXYCWR
6. Ямпольский М.Б. Демон и лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис). М. : Новое литературное обозрение, 1996. 336 с.
7. Cowie P. Ingmar Bergman: A Critical Biography. London : Faber and Faber, 1992. 480 p.
8. Koskinen M. Ingmar Bergman's The Silence: Pictures in the Typewriter, Writings on the Screen. Seattle : University of Washington Press, 2010. 216 p.

9. Nyqvist S. Vördnad för ljuset: Samtal med Sven Nykvist. Fotograf Sven Nykvist / S. Nyqvist, J. Bengtsson. Stockholm : Alfabeta, 1997. 157 p.

References:

1. Balazs B. Cinema. The Formation and Essence of a New Art / B. Balaz; Translated from German; Preface by R. Yurenev. M. : Progress, 1968. 328 p.
2. Bergman I. Laterna magica / I. Bergman; Translated from Swedish by A.A. Afinogenova. SPb. : Azbuka, 2019. 288 p.
3. Bergman I. Pictures / I. Bergman; Translated from Swedish by A.A. Afinogenova. M. : Museum of Cinema, 1997. 440 p.
4. Deleuze J. Cinema / J. Deleuze; Translated from French by B. Skuratov. M. : Ad Marginem, 2004. 624 p.
5. Mussky I.A. 100 Great Directors. M. : Veche, 2006. 480 p. ISBN: 5-9533-0356-4 EDN: QXYCWR
6. Yampolsky M.B. Demon and Labyrinth (Diagrams, Deformations, Mimesis). M. : New Literary Review, 1996. 336 p.
7. Cowie P. Ingmar Bergman: A Critical Biography. London : Faber and Faber, 1992. 480 p.
8. Koskinen M. Ingmar Bergman's The Silence: Pictures in the Typewriter, Writings on the Screen. Seattle : University of Washington Press, 2010. 216 p.
9. Nyqvist S. Vördnad för ljuset: Samtal med Sven Nykvist. Fotograf Sven Nykvist / S. Nyqvist, J. Bengtsson. Stockholm : Alfabeta, 1997. 157 p.

Информация об авторе

Хабаров Артем Андреевич

аспирант кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов,
Институт национальной культуры;
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва, г. Саранск
ORCID: 0009-0008-5893-761X
art-putnik@yandex.ru

Artyom A. Khabarov

Postgraduate Student of the Department
of Cultural Studies and Library
and Information Resources,
National Research University
Mordovian State University
named After N.P. Ogarev
ORCID: 0009-0008-5893-761X
art-putnik@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-11>

УДК 808

Attribution

cc by

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА В МОЛОДЁЖНОМ ДИСКУРСЕ

Хачак С.К.

*филиал Майкопского государственного технологического университета
в поселке Яблоновском Республики Адыгея*

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме – определению статуса молодёжного сленга в системе современного русского языка. В ней рассматриваются вопросы, связанные с пониманием молодёжного сленга с точки зрения лингвистики и культурологии, а также его роль в коммуникации и средствах массовой информации. Цель исследования – изучить функционально-семантические особенности сленга в молодёжном дискурсе. В рамках данной статьи исследуются основные механизмы формирования и использования сленговых выражений в молодёжных субкультурах, уделяя особое внимание лексическим элементам, заимствованным из английского языка. В процессе работы с материалом были использованы различные подходы: теоретический анализ; систематическое наблюдение (для сбора данных о применении сленговых выражений в речи с целью их дальнейшего анализа); метод сплошной выборки. Научная значимость исследования заключается в комплексном изучении функционирования современного русского молодёжного сленга, а также в анализе источников его формирования.

Ключевые слова: молодёжный сленг, дискурс, функционально-семантические особенности, заимствования, субкультуры, англицизмы, дефиниции, социальные сети, лингвистика, культурология.

Финансирование: инициативная работа

Original article

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF SLANG IN YOUTH DISCOURSE

Svetlana K. Khachak

*branch of Maikop State Technological University
in the village of Yablonovskoye, Adygea Republic*

Abstract. The article is devoted to an urgent topic – the definition of the status of youth slang in the system of modern Russian language. It examines issues related to the understanding of youth slang from the point of view of linguistics and cultural studies, as well as its role in communication and the media. The purpose of the study is to study the functional and semantic features of slang in youth discourse. In this article, we will explore the main mechanisms of formation and use of slang expressions in youth subcultures, paying special attention to lexical elements borrowed from the English language. In the process of working with the material, various approaches were used: theoretical analysis; systematic observation (to collect data on the use of slang expressions in speech for further analysis); continuous sampling method. The scientific significance of the research lies in a comprehensive study of the functioning of modern Russian youth slang, as well as in the analysis of the sources of its formation.

Keywords: youth slang, discourse, functional and semantic features, borrowings, subcultures, Anglicisms, definitions, social networks, linguistics, cultural studies.

Funding: Independent work.

Введение.

Стремление молодых людей к неформальному, непринуждённому общению, их потребность в независимости и желание обособиться от внешнего мира, а также приобщиться к определённой субкультуре и заявить о себе, выражая свой про-

тест против социальных и языковых норм, являются причинами появления особого языка коммуникации молодёжи.

Молодёжный сленг XXI века, проявляя высокую жизнеспособность, формирует социальные связи и активно развивается, заимствуя и адаптируя

иноязычную лексику и язык субкультур. Новые языковые средства периодически исчезают и появляются вновь, позволяя лаконично и ёмко (особенно в стрессовых ситуациях) передать эмоции, переживания, впечатления и настроение молодых людей. В речи молодых людей часто используются нелитературные выражения, а их культурная компетентность, скорее, мультикультурна, нежели национальна. В результате, их речь становится всё более сложной для понимания, и это уже не просто проблема «отцов и детей».

Неформальность сленга приводит к недопониманию, поскольку основная социально-лингвистическая особенность молодёжного сленга – его принадлежность к молодёжной культуре и субкультуре. Неслучайно в последнее время в интернете наблюдается тенденция к появлению статей, посвящённых сленгу молодёжи. Такие статьи, как «Сленг подростков для их родителей-бумеров: учимся понимать своих детей» и «Словарь молодёжного сленга 2025: словечки от А до Я», становятся всё более популярными в разделах «Технологии для жизни».

Молодёжный сленг также активно используется в средствах массовой информации. Он стал одним из основных стилей в публицистике и художественной литературе, что представляет собой проблему для культуры языка и речи.

Исследование данной языковой подсистемы, представляющей собой значимое направление в современной лингвистике и социолингвистике, существенно расширяет знания о функционировании языка, механизмах его развития и адаптации к изменяющимся условиям.

Целью исследования является изучение функционально-семантических особенностей функционирования сленга в речи молодых людей.

Предмет исследования молодёжного сленга включает в себя анализ его лексического состава, фразеологии, особенностей словообразования, а также изучение его функционирования в речи современной молодёжи и его роли в системе русского языка.

В связи со спецификой материала, были применены следующие методы исследования: теоретические; научного наблюдения; сплошной выборки.

Обсуждение.

Вопросы функционирования молодёжного сленга активно изучали Н.А. Кудинова [7], В.М. Мокиенко [10], С.И. Левикова [8], Т.Г. Никитина [11] и другие учёные. Социолингвистические аспекты молодёжного сленга исследовали В.В. Химик [14], С.В. Вахитов [13], Ю.Д. Дешериев [4], В.М. Жирмунский [6], А.Д. Швейцер [17] и др.

Слово «сленг» происходит от английского slang, что означает «жаргон», и обозначает молодёж-

ный сленг как совокупность диалектов, разговорной и бытовой речи молодёжи.

С точки зрения Л.И. Скворцова, в понятие «сленг» входят все виды нелитературной лексики [12].

И.Р. Гальперин не признает существование понятия «сленг» [3].

Ряд учёных, таких как Т.Г. Никитина [11], А.И. Мазурова [9], Н.А. Кудинова [7], считают сленг молодых людей частью жаргона. Для В.С. Елистратова [5] вся неформальная лексика – арг.

В.М. Шапошников придерживается мнения, что сленг – самостоятельный термин [16].

Согласно определению В.А. Хомякова, «сленг – это относительно устойчивый для определённого периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [15].

По нашему мнению, молодёжный сленг представляет собой особую форму разговорной речи, характерную для молодых людей в возрасте от подросткового до юношеского, их языковую картину мира, отражает приоритеты и ценности, а также является индикатором развития современного живого языка. Это – средство коммуникации, посредством которого молодые люди могут подчеркнуть индивидуальность, идентичность, противопоставить себя некомфортной среде обитания, адаптироваться в социальной группе.

Рассмотрим функционально-семантические особенности молодёжного сленга, обусловленные его экспрессивными функциями, такими как приращение выразительности, индивидуальности и групповой идентификации.

1. Коннотация и эмоциональная окраска. Молодёжный сленг наполнен экспрессивностью, эмоциональностью и оценочностью. Каждое слово приобретает дополнительные оттенки значения, отражая отношение говорящего к предмету разговора. Например, нейтральное слово «нормально» становится позитивным «нормас», а слова «кореш» и «дружище» передают дружеские чувства.

В молодёжной речи практически отсутствует эмоционально нейтральная лексика. Например, «имба» – это сокращение от английского «imbalance», что означает «дисбаланс». Это слово используется для обозначения чего-то мощного, выдающегося по своим характеристикам, крутого и замечательного.

«Криповый» – это сокращение от английского «сгееру», что означает «жуткий, пугающий». Это слово используется для обозначения чего-то очень страшного, вызывающего ужас.

2. Ирония и сарказм. Одной из характерных черт современного молодежного сленга является использование иронии и сарказма. Например, слово «классно» может означать как восторг, так и недовольство ситуацией или объектом. Междометие «ауф!» выражает восхищение и может быть синонимом слов «ого!» или «Вот это да!». Иногда может передавать негативную реакцию на абсурдные, нелепые высказывания.

3. Ограниченность контекста употребления. Многие слова и выражения, используемые в молодежном сленге, понятны лишь узкому кругу людей, которые объединены общими интересами. Например, такие термины, как «залететь», «зашквариться» имеют строго определённое значение только в молодёжной среде.

Молодые люди используют сленг также для выражения своего отличия от представителей старшего поколения, он способствует формированию общего языка внутри группы и укрепляет её единство: вместо «круто» говорят «топчик» (очень круто), «сасный» (красивый, классный), «швепсово» (круто, классно) или «lit» (зажжённый, классный).

4. Заимствования и калькирование. Многие современные сленгизмы приходят в русский язык через иностранные языки, особенно английский, французский, японский и другие языки субкультур и массовой культуры. Например, «лайкать» – нравиться, одобрять (от англ. like); «чекать» – ждать, ожидать (от англ. check); «хейтеры» – ненавистники, недоброжелатели (от англ. haters).

Также наблюдается упрощение и искажение иностранных слов, заимствование иностранных терминов с адаптацией их звучания и написания под русские реалии: «флексить» – хвастаться, демонстрировать своё богатство или статус (от англ. flex, буквально «гибкость», перенаправлено на демонстрацию силы, богатства); «хайпануть» – стать популярным, привлечь внимание (от англ. hype, гиперболизированный восторг, чрезмерная реклама); «касты» – кастинг, отбор участников (от англ. casting).

5. Аббревиация и сокращение. Создание сокращённых форм путём объединения первых букв нескольких слов: «ЛОЛ» – laughter out loud (англ. громкий смех); «спасибочки» – благодарность в уменьшительно-ласкательной форме; «ИМХО» – «по моему скромному мнению» (от англ. in my humble opinion); «нюсь» – новости (news).

Краткость – это не только стиль, но и характерная черта современной разговорной речи. Молодые люди часто предпочитают использовать более короткие и лаконичные фразы вместо

длинных и сложных для произношения. Например, «альтүшка» – это сокращение от «альтернатива», которое используется для обозначения представительницы альтернативной субкультуры, которая стремится выглядеть ярко и вызывающе, используя яркий макияж, эклектичный стиль одежды и провокационное поведение. «Чёчик» – это сокращение от «человечек», которое используется для обозначения молодого человека, приятного в общении и не вызывающего сильных эмоций; «чел» – человек; «френдзона» – зона дружбы, дружеские отношения без романтического подтекста.

6. Метонимия и метафора, аллюзии. Часто используется игра слов, звукоподражательные элементы, метафоры и аллюзии, создающие юмористический эффект и облегчающие общение внутри группы молодёжи. Например, «прикинь» – представь себе, подумай; «чиллить» – расслабляться, отдыхать (от англ. chill – охлаждать, что ассоциируется с отдыхом и спокойствием); «закинуться» – употребить наркотическое вещество (в переносном смысле также означает отвлечься, расслабиться).

Образование новых значений старых слов («перенос значения») – когда привычному слову, известному ранее в другом контексте, придаётся новое значение. Например, слово «slay» в первоначальном значении означает «убивать», но в современном контексте, особенно среди молодёжи, оно используется для выражения восторга, восхищения или одобрения чего-либо, часто в ироничном тоне. Это может быть комплимент внешнему виду, выступлению, навыкам или чему-то, что вызывает сильное положительное впечатление. «Slay» можно перевести как «блестяще», «поразительно», «шикарно».

7. Персонификация и олицетворение. Например, выражение «телефон завис» подразумевает, что устройство ведёт себя как человек, испытывающий трудности.

8. Грубость и сниженная лексика. Отдельные элементы молодежного сленга содержат грубые, просторечные или даже обценные слова, которые используются для усиления выразительности или демонстрации пренебрежительного отношения к чему-либо. Некоторые слова и выражения проникают в молодёжный сленг из уголовного и криминального жаргона, а также из профессиональных жаргонов различных субкультур: «ботаник» – усердный ученик, отличник (заимствовано из тюремного жаргона, где оно означало человека, занимающегося учёбой даже в заключении); «шмот» – одежда (заимствовано из воровского жаргона); «двигать тему» – заниматься каким-то делом, продвигать идею.

9. Неологизмы и новообразования молодежного сленга представляют собой яркий пример динамики языка, они являются результатом языковой игры, заимствований, калькирования, сокращений или комбинаций уже существующих лексем. Семантика новообразований молодежного сленга

отличается высокой степенью полисемии. Источником большинства современных неологизмов является интернет, откуда они распространяются вирусным путём благодаря мемам, трендам и другим факторам.

Благодаря интернету, сленговые выражения распространяются по всему миру с невероятной скоростью. Слово «Огайо», название американского штата, стало нарицательным и используется для описания всего, что кажется нелепым, абсурдным, пугающим или просто «не от мира сего». Всё началось с мема из «ТикТока»: пользователи публиковали странные или пугающие видео, подписывая их «Only in Ohio», подразумевая, что такие вещи могут происходить только в этом штате.

Молодёжный сленг, используемый на интернет-форумах, представляет собой обширный пласт лексики, описывающий человека (чаще всего в форме существительных). В большинстве случаев такие лексические единицы имеют негативную окраску и могут быть оскорбительными для адресата.

Например, «Томбой» – сленговое выражение, обозначающее девушку с короткой стрижкой, которая ведёт себя грубо и не пользуется косметикой или использует её по минимуму. Такие девушки любят активные и агрессивные игры и виды спорта. Красивых девушек на сленге называют по-разному: «Няша» – ласковое, милое обозначение привлекательной девушки, часто с акцентом на её миловидность; «Тян» / «Тяночка» – слово, пришедшее из японского языка, означающее привлекательную, красивую девушку.

Иногда, сленговые выражения возникают на основе названий популярных брендов или других явлений. Например, «боссы КФС» – это люди с избыточным весом.

Сленговые выражения, указывающие на личностные качества человека: «тюбик» – от французского слова «трубка» для обозначения слабого, неуверенного в себе юноши.

Сленговые выражения, характеризующие умственные способности человека: слово «глэк» используется для описания людей, которые не отличаются умом и сообразительностью, и это отражается на их внешности. Слово «нуб» происходит от английского «noob» и означает человека, который не имеет опыта в какой-либо деятельности и не справляется с ней. В контексте геймерского сленга это также может означать плохого игрока.

В языке молодых людей часто встречаются сленговые выражения, которые помогают передать разнообразные оттенки чувств и действий. Рассмотрим некоторые из них: «байтить» (от английского bait – приманка) – это поведение, при котором человек копирует чужой стиль в одежде, манере речи и другие аспекты, также это может означать провокацию другого челове-

ка, манипулирование или хитрое принуждение к чему-либо; «ботать» (предположительно, производное от «ботаник» или «работать») – заниматься с утра до ночи, зубрить; «кикнуть» (от английского kick – пинать) – исключить кого-то из группы, изгнать; шипперинг (от английского «relationship» – отношения) – это явление, при котором люди, не состоящие в реальных отношениях, создают себе воображаемую пару.

В речи современной молодежи часто встречаются сленговые выражения, которые помогают описать различные явления, состояния и предметы. Например, «дед инсайд» (от английского «dead inside» – «мёртвый внутри») – это ощущение внутренней опустошённости, безэмоциональности.

В настоящее время наблюдается активное создание мемов как обычными пользователями, так и известными личностями, такими как контентмейкеры и стримеры. Многие вирусные мемные фразы, выражения и другие явления интернет-культуры проникают в русскоязычный сегмент интернета не только из зарубежных социальных сетей, но и благодаря усилиям отечественных авторов.

К примеру, число «52» в молодёжном сленге может иметь различные значения. Чаще всего, оно ассоциируется с петербургской рэп-группой «52 NGG» или с мексиканским телефонным кодом +52, который вызывает ассоциации с опасностью и жизнью на грани. Популярность этого числа связана с треком рэпера ALBLAK 52, в котором есть строчка «52, да здравствует Санкт-Петербург, и этот город наш». Затем в TikTok появились видео, объясняющие связь между «52» и телефонным кодом Мексики, а также указывающие на то, что 52 – это код этой страны. В речи молодых людей число «52» может иметь различные значения. Оно может указывать на их причастность к группе «52 NGG», на их склонность к опасному и рискованному образу жизни, как в Мексике, или на их увлечение играми, например, Among Us.

Число «42» стало своеобразным антиподом мема «писят два», который в хип-хоп культуре символизирует опасность и жестокость. В русскоязычном интернете это число стало интернет-мемом и названием субкультуры, возникшей в 2025 году вокруг фразы «42, братуха». Эта субкультура характеризуется эпатажным стилем одежды и макияжа, а также идеей отрицания чувства стыда, которое в просторечии называют «кринж». Само число 42 отсылает к «Главному вопросу жизни, вселенной и всего такого» – книге Дугласа Адамса. Фраза «42, братуха» была придумана Кириллом Борка Барановым – российским контент-мейкером, стримером и музыкантом из Ростова-на-Дону. Этот мем породил субкультуру «братухи 42», представители которой выделяются ярким и броским стилем.

Сленг в социальных сетях тесно связан с интернет-культурой. На разных платформах он может

приобретать уникальные черты. Например, выражения «GRWM» (Get Ready With Me – «собирайся со мной») и «rizz» (харизма, умение флиртовать) могут иметь разное значение в зависимости от контекста и платформы. На TikTok «GRWM» обычно относится к видео, где люди собираются вместе. В других социальных сетях это выражение может использоваться в более широком контексте, например, для описания повседневных дел. Сленг, появившийся в социальных сетях, постоянно меняется и приобретает новые значения. Для его понимания важно учитывать контекст и специфику конкретной платформы.

Результаты.

Ключевые тенденции развития молодежного сленга обусловлены изменениями, происходящими в социальной, культурной и технологической сферах жизни общества.

Приведем значимые из них:

- ускоренная динамика изменений;
- технологизация и цифровизация;
- мемификация и визуальная культура;
- глобализация и межкультурные заимствования;
- социальная и политическая рефлексия;
- экспрессия и эмоциональность;
- игровая природа языка;
- протест и отрицание взрослой культуры;
- локальные и региональные особенности; идентификационные функции.

Эти тенденции позволяют проследить динамику развития молодежного сленга, его связь с современными реалиями и культурой, а также понять, почему этот феномен продолжает оставаться столь живым и актуальным.

Заключение.

Исследование молодежного сленга позволяет глубже понять, какие процессы происходят в сознании и жизни современных подростков и молодых людей, выявить тренды и направления развития языка, культуры и общества.

Молодежный сленг чутко реагирует на современные тенденции в обществе, включая развитие технологий, средств массовой информации и интернет-культуры.

Функционально-семантические особенности молодежного сленга делают его живым, гибким и легко приспосабливающимся к изменениям в обществе языком, который помогает молодым людям выражать свои мысли и эмоции наиболее удобным и эффективным способом.

Распространение молодежного сленга обусловлено рядом факторов, среди которых можно выделить оригинальность и выразительность, динамичность развития, популярность англицизмов, субкультур и интернет-ресурсов, а также возможность выразить индивидуальность и подчеркнуть свою принадлежность к определенной группе.

При этом молодежный сленг является неотъемлемой частью современного русского языка, обогащая и развивая его. Однако его использование должно быть адекватным, чтобы сохранить культуру речи.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // *Вопр. языкознания*. М., 1996. № 3. С. 32–41.
2. Виноградова Т.Ю. Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63–67.
3. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // *Вопросы языкознания*. 1956. № 6. С. 105–112.
4. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. М.: Наука, 1977. 382 с.
5. Елистратов А.А. Дезаббревиация в молодежном жаргоне (на материале английского и русского языков) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2014. Т. 1. № 2. С. 218–225. EDN: SJRFEL
6. Жирмунский В. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Художественная литература, 1936. 300 с.

7. Кудинова Н.А. Функциональный аспект языка молодежной субкультуры начала XXI века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 20 с. EDN: QHAXHL
8. Левикова С.И. Учебно-методический материал // Молодежная : учеб. пособие. М. : Гранд: Фаир-пресс, 2004. С. 367–477.
9. Мазурова А.И. Сленг хип системы // По неписанным законам улицы. М. : Юрид. литер., 1991. С. 118–138.
10. Мокиенко В.М. Из истории русской жаргонной лексики и фразеологии // Russistik. 1991. № 1. С. 30–41.
11. Никитина Т.Г. Мотивы и способы современной сленговой номинации // Современный молодежный лексикон в лингво-культурологическом и лексикографическом аспектах. Псков : Псковский государственный университет, 2012. С. 12–91.
12. Скворцов Л.И. Жаргон // Русский язык. Энциклопедия. М. : БРЭ-Дрофа, 1997. С. 128–129.
13. Вахитов С.В. Словарь уфимского сленга начала XXI века. Уфа : Вагант, 2008. 153 с.
14. Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. С. 12–15.
15. Хомяков В.А. Введение в изучение основного компонента английского просторечия. Волгоград, 1971. С. 29–39.
16. Шапошников В.Н. Новое в русском языке. Морфология. Словообразование. Шуя. 1996. 84 с.
17. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. М. : Высшая школа, 1978. 216 с.

References:

1. Beregovskaya E.M. Youth slang: formation and functioning. // Question. Linguistics. M., 1996. № 3. P. 32–41.
2. Vinogradova T.Y. Russian and Comparative philology: A linguistic and cultural aspect. Kazan, 2004. P. 63–67.
3. Galperin I.R. About the term «slang» // Questions of linguistics. 1956. № 6. P. 105–112.
4. Desheriev Yu.D. Social linguistics. M. : Nauka Publ., 1977. 382 p.
5. Elistratov A.A. Disabbreviation in youth jargon (based on the material of English and Russian languages) // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2014. Vol. 1. № 2. P. 218–225. EDN: SJRFEL
6. Zhirmunsky V. National language and social dialects. L. : Fiction, 1936. 300 p.
7. Kudinova N.A. The functional aspect of the language of the youth subculture of the early 21st century: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Kursk, 2010. 20 p. EDN: QHAXHL
8. Levikova S.I. Educational and methodological material // Molodezhnaya: ucheb. the manual. M. : Grand: Fair-press, 2004. P. 367–477.
9. Mazurova A.I. Slang hip systems // According to the unwritten laws of the street. M. : Yurid. lit., 1991. P. 118–138.
10. Mokienko V.M. From the history of Russian slang vocabulary and phraseology // Russistik. 1991. № 1. P. 30–41. 11
11. Nikitina T.G. Motives and methods of modern slang nomination // Modern youth lexicon in linguistic, cultural and lexicographic aspects. Pskov : Pskov State University, 2012. P. 12–91.
12. Skvortsov L.I. Jargon // Russian language. Encyclopedia. M. : BRA-Bustard, 1997. P. 128–129.
13. Vakhitov S.V. Dictionary of Ufa slang of the beginning of the XXI century. Ufa : Vagant, 2008. 153 p.
14. Khimik V.V. Poetics of the low, or vernacular as a cultural phenomenon. St. Petersburg, 2000. P. 12–15.
15. Khomyakov V.A. Introduction to the study of the main component of the English vernacular. Volgograd, 1971. P. 29–39.
16. Shaposhnikov V.N. New in the Russian language. Morphology. Word formation. Shuya. 1996. 84 p.
17. Schweitzer A.D. Introduction to sociolinguistics / A.D. Schweitzer, L.B. Nikolsky. M. : Higher School, 1978. 216 p.

Информация об авторе

Хачак Светлана Кадировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры управления и таможенного дела,
филиал Майкопского государственного
технологического университета
в поселке Яблоновском Республики Адыгея
svetlana-khachak@mail.ru

Svetlana K. Khachak

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Customs Affairs,
branch of Maikop State Technological University
in the village of Yablonovskoye Adygea Republic
svetlana-khachak@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.11.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-20>

УДК 371.3:372

Attribution

cc by

РАЗРАБОТКА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ РЕГИОНЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ

Чернова Л.В.¹, Ковалевич Е.П.², Напцок М.Р.³

^{1, 2}Армавирский государственный педагогический университет,

³Адыгейский государственный университет

Аннотация. Статья рассматривает разработку научно-методического сопровождения обучения русскому языку в полилингвальном регионе. Цель исследования – создание комплексной методической модели, учитывающей многоязычную среду, профессиональные запросы учителей и речевые трудности учащихся. Методология включает анализ научной литературы, диагностику уровня владения русским языком, аудит компетенций педагогов и работу с фокус-группами. Определены ключевые принципы и структура модели, включающая аналитический, обучающий и практический блоки. Апробация в школах Абхазии и Южной Осетии показала положительную динамику развития речи учащихся и рост профессиональной компетентности учителей, что подтверждает эффективность модели.

Ключевые слова: полилингвизм, русский язык, методическое сопровождение, билингвизм, языковая среда, межкультурная коммуникация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN A POLYLINGUAL REGION: BASIC PRINCIPLES AND APPROACHES

Lyubov V. Chernova¹, Elena P. Kovalevich², Marietta R. Naptsook³

^{1, 2}Armavir State Pedagogical University,

³Adygea State University

Abstract. The article examines the development of a scientific and methodological framework for teaching the Russian language in a multilingual region. The aim of the study is to create a comprehensive model that takes into account the multilingual environment, teachers' professional needs, and students' language-related difficulties. The methodology includes the analysis of scholarly literature, diagnostics of students' Russian-language proficiency, an audit of teachers' professional competences, and work with focus groups. Key principles and the structure of the model comprising analytical, instructional, and practical components are identified. The approbation conducted in schools of Abkhazia and South Ossetia demonstrated positive dynamics in students' speech development and the growth of teachers' professional competence, confirming the model's effectiveness.

Keywords: multilingualism, Russian language, methodological support, bilingualism, language environment, intercultural communication.

Funding: Independent work.

Введение.

Проблема обучения русскому языку на полилингвальных территориях в последние десятилетия становится всё более актуальной. Полилингвальная среда предполагает одновременное сосуществование нескольких языков, каждый из которых выполняет свои функции. В такой ситуации обучение русскому языку требует не только высокого качества подготовки педаго-

гической кадров, но и разработки целостного научно-методического сопровождения, учитывающего реальные условия функционирования языка, специфику речевой практики учащихся, а также профессиональные возможности учителей.

Республики Абхазия и Южная Осетия представляют собой территории с уникальным социально-лингвистическим устройством. Здесь сосуще-

ствуют родные для населения языки и русский, который выполняет роль языка межнационального общения, языка образования и официальной коммуникации. Статус языка в многоязычном обществе определяется не только государственными решениями, но и реальной языковой практикой, которая складывается исторически и социально [2, с. 15–18].

В Абхазии и Южной Осетии русский язык сохраняет значительную функциональную нагрузку, однако, школьники нередко демонстрируют затруднения в его владении, связанные с влиянием родного языка, специфическими условиями языковой среды и недостатком современных методических материалов.

Вместе с тем, языковая ситуация в указанных республиках не является статичной: процессы смены языковых приоритетов, миграционные потоки, воздействие медиасреды и цифровых технологий приводят к появлению гибридных форм речевого поведения, когда в пределах одного высказывания чередуются элементы разных языков. Школа, в таком контексте, выступает не только пространством передачи знаний, но и ключевым институтом регуляции языковой практики, задающим образец нормативного владения русским языком и формирующим у учащихся устойчивые стратегии речевого поведения в официальной и учебной сферах [2, с. 19–21].

От того, насколько последовательно и методически выверено организован процесс обучения, зависит сохранение функционального потенциала русского языка и его восприятие как ресурса дальнейшего образования и профессионального развития.

Образовательные организации сталкиваются с проблемой отсутствия адаптированных учебников, современного дидактического материала, а также инструментов диагностики, дающих возможность учителю вовремя определить, с какими аспектами речевого развития испытывают трудности учащиеся.

Исследователи подчёркивают, что в условиях полилингвизма методическая система должна учитывать многоуровневый характер языковой компетенции учащихся и предлагать комплексные решения, объединяющие лингвистический и культурологический компоненты [1, с. 8–12].

На практике это проявляется в ряде противоречий:

- между высоким статусом русского языка как языка образования и недостаточной обеспеченностью учителей современными методическими ресурсами;
- между реальной разноуровневой подготовкой школьников и унифицированными требованиями к результатам обучения;
- между декларируемым приоритетом коммуникативной направленности и преобладанием

репродуктивных, формально-языковых упражнений.

Указанные противоречия усиливаются в полилингвальной среде, где учитель вынужден учитывать не только уровень владения русским языком, но и специфику родного языка учащихся, их мотивацию, семейный языковой уклад, что требует особой, научно обоснованной системы методической поддержки.

Необходимость научно-методического сопровождения обусловлена тем, что учителю требуется не только обучать русскому языку, но и работать на стыке нескольких лингвистических систем, обеспечивая эффективное взаимодействие между ними.

Кроме того, важно учитывать профессиональные потребности педагогов: многие испытывают затруднения в выборе технологий, методик, приёмов обучения русскому языку как неродному, особенно в контексте современных требований ФГОС и коммуникативно-деятельностного подхода.

Цель исследования заключается в разработке научно-методического сопровождения обучения русскому языку в полилингвальном регионе на основе анализа существующей образовательной ситуации, выявления профессиональных потребностей учителей и моделирования целостной системы методической поддержки.

В соответствии с этой целью формулируются задачи:

- проанализировать теоретические подходы к обучению русскому языку в условиях полилингвизма;
- провести исследование состояния методической базы в образовательных организациях Абхазии и Южной Осетии;
- выявить основные профессиональные затруднения учителей;
- разработать модель научно-методического сопровождения;
- провести апробацию созданных материалов;
- оценить их эффективность и предложить направления дальнейшего развития методической системы.

Анализ методического обеспечения обучения русскому языку в полилингвальных регионах.

Анализ методического обеспечения обучения русскому языку в полилингвальных регионах показывает, что образовательные организации Республики Абхазия и Республики Южная Осетия используют сочетание традиционных учебников, материалов, разработанных местными методистами, и отдельных пособий, применяе-

мых в российских школах. Однако систематизация этих материалов выявляет значительную разрозненность методической базы, отсутствие единого подхода к формированию языковой и коммуникативной компетенции учащихся, а также неоднородность содержания в зависимости от профиля школы, уровня подготовки педагогов и наличия собственных методических разработок. Аналогичные проблемы описываются в исследованиях, посвящённых обучению русскому языку в полиэтнической среде, где подчеркивается недостаточность адаптированных учебников и отсутствие материалов, учитывающих местные языковые условия [9, с. 25].

Методология разработки научно-методического сопровождения должна опираться на принципы, проверенные современной лингводидактикой и адаптированные к потребностям конкретного полилингвального региона. Прежде всего, одним из ключевых принципов является научность, которая предполагает опору на достоверные лингвистические и психолого-педагогические данные, отражающие особенности развития билингвального и мультилингвального сознания учащихся. Учёт научных закономерностей овладения неродным языком, описанных в трудах И. А. Зимней, позволяет строить методическое сопровождение на основе объективных данных о процессе формирования речевых навыков [4].

Не менее важным является принцип доступности, который предполагает дифференцированный подход к учащимся, владеющим русским языком в разной степени. В условиях Абхазии и Южной Осетии уровень владения русским языком может варьироваться от приближенного к носителю до элементарного функционирования в бытовых ситуациях. В такой ситуации особое значение приобретает методика постепенного усложнения материала, предложенная ещё К.Д. Ушинским, который подчёркивал необходимость двигаться «от известного к неизвестному» и формировать прочные навыки на основе предметности [8, с. 325].

Следующим принципом выступает деятельностный подход, основы которого были разработаны в отечественной педагогике Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым. Он предполагает, что обучение строится через практическое действие, активное использование языка как инструмента общения, формирования мышления и решения учебных задач. В многоязычной среде этот принцип особенно важен, поскольку он стимулирует учащихся к активному языковому взаимодействию, преодолению барьеров и включению русского языка в реальные коммуникативные практики.

Культурно-ориентированность является одним из важнейших принципов разработки учебных материалов для полилингвальных регионов. Данный принцип предполагает включение в содержание обучения элементов культуры родного языка, традиций, истории и этнического самосознания учащихся. Исследователи межкультурной

коммуникации подчёркивают, что обучение языку вне контекста культуры теряет эффективность, поскольку язык всегда «встроен» в культурный код народа [7, с. 16].

Таким образом, методическое сопровождение должно учитывать национально-культурные особенности Абхазии и Южной Осетии, создавать условия для гармоничного взаимодействия культур и значимого освоения русского языка.

Методы исследования, использованные при разработке методического сопровождения, включают анализ методической литературы, позволяющий выявить существующие подходы к обучению русскому языку в условиях многоязычия, оценить их эффективность и применимость. Анализ трудов ведущих методистов позволяет определить, какие концепции могут быть адаптированы под региональные условия, а какие требуют дополнительной доработки [4; 5].

Работа с фокус-группами учащихся и учителей является важным источником эмпирических данных. В рамках исследования проводились беседы и опросы школьников разного возраста, которые помогли установить характерные языковые трудности, предпочтения в обучении, отношение к русскому языку и ситуации билингвизма.

Фокус-группы учителей позволили выявить методические запросы педагогов, определить уровень их подготовки и основные потребности в профессиональном развитии. Такой метод даёт возможность получить «живые», качественные данные, которые невозможно выявить только через тестирование.

Аудит профессиональных компетенций педагогов выступает важным компонентом методологической базы. Он включает анализ владения учителями методическими приёмами, уровня их осведомлённости о проблемах билингвизма, навыков работы с межъязыковой интерференцией и способности применять современные образовательные технологии. Подобные аудиты описаны в исследованиях по развитию педагогической компетентности в национальной школе.

Сбор и систематизация эмпирических данных обеспечивают целостность исследования. На основе интервью, анкет и наблюдений формируется картина реальной учебной практики, которую необходимо учитывать при разработке материалов. Наблюдение используется для фиксации поведенческих и речевых моделей, учащихся на уроке, для оценки эффективности разных типов упражнений. Анкетирование позволяет собрать количественные данные о частоте языковых ошибок, уровне мотивации, предпочтениях учащихся. Интервью помогает уточнить контекст, выявить глубинные причины трудностей, оценить отношение учителей и учащихся к учебному процессу.

Выбор таких инструментов обусловлен их комплексностью и возможностью получения много-

мерной информации. В условиях полилингвального региона важно учитывать не только языковые аспекты, но и социальные, культурные и психологические аспекты общения. Использование комбинации методов сбора информации позволяет получить объективные данные и создать методическое сопровождение, которое будет не только научно обоснованным, но и практико-ориентированным, соответствующим реальным образовательным ситуациям.

Модель научно-методического сопровождения.

Модель научно-методического сопровождения обучения русскому языку в полилингвальном регионе должна представлять собой комплексную систему, которая объединяет аналитический, обучающий и практический блоки. Такая модель обеспечивает не только методологическое и содержательное единство учебного процесса, но и позволяет учитывать специфику многоязычной среды, уровень подготовки педагогов, культурный и социальный контекст региона. Ее структура опирается на данные диагностики, современные лингводидактические концепции и практические запросы образовательных организаций.

Аналитический блок модели включает исследование языковой ситуации на уровне школы и региона, диагностику уровня владения русским языком учащихся, определение зон интерференции, анализ профессиональных компетенций учителей. Он позволяет формировать достоверную базу данных, необходимую для разработки методических материалов. В основе аналитического блока лежат такие методы, как наблюдение, анкетирование, интервьюирование, изучение письменных и устных работ учащихся. Этот блок служит основой всей модели, поскольку результаты анализа направляют разработку учебных рекомендаций, материалов и практических инструментов, соответствующих идеям педагогической диагностики.

Обучающий блок модели предполагает разработку системы учебных материалов, методических рекомендаций и упражнений, ориентированных на постепенное формирование коммуникативной компетентности учащихся. Включение в модель учебных текстов, отражающих социокультурный контекст Абхазии и Южной Осетии, повышает мотивацию школьников и создаёт условия для содержательно значимого общения. Обучающий блок включает упражнения для развития всех видов речевой деятельности: слушания, говорения, чтения, письма. Он предполагает использование как традиционных методов, так и инновационных (проектной деятельности, групповой работы, интерактивных заданий). Методические рекомендации в рамках обучающего блока должны учитывать типичные ошибки учащихся, возникающие под влиянием родного языка. На необходимость адаптации упражнений к специ-

фике межъязыкового взаимодействия указывают исследования М.Р. Львова [5].

Особое место в разработке методического сопровождения занимает работа с аутентичными и неадаптированными художественными текстами, позволяющими существенно расширить коммуникативный опыт учащихся. Как показывают исследования, использование неадаптированных художественных произведений способствует не только развитию языковых навыков, но и формированию межкультурной компетенции, поскольку такие тексты создают условия для погружения студентов в естественный речевой и культурный контекст языка-источника [6, с. 283–284]. Работа с подлинным текстом активизирует эмоционально-ценностное восприятие, стимулирует развитие интерпретационных навыков и способствует укреплению внутренней мотивации учащихся, что особенно важно для полилингвальной среды, где уровень владения русским языком значительно варьируется. Включение подобных текстов в методическую систему позволяет сочетать обучение языку с развитием культурной рефлексии и создаёт условия для формирования устойчивых речевых умений.

Практический блок модели включает инструменты, которые учитель может применять непосредственно на уроках или во внеурочной деятельности. Среди таких инструментов чек-листы, позволяющие педагогу систематизировать наблюдения за речевой активностью учащихся; карты наблюдений, фиксирующие динамику формирования навыков; коммуникативные карточки, моделирующие реальные ситуации общения; диагностические таблицы типичных ошибок; схемы анализа текстов и речевых высказываний. Важным элементом практического блока является методическое сопровождение учителя: рекомендации по организации работы с билингвальными учащимися, алгоритмы устранения интерференционных ошибок, примеры сценариев уроков. Практические материалы должны быть адаптированы к возрастным особенностям обучающихся и уровню их языковой подготовки.

Содержание методических рекомендаций для учителей направлено на повышение их профессиональной компетентности в области преподавания русского языка в условиях многоязычия. Они включают рекомендации по работе над лексикой, грамматикой, фонетикой, развитию связной речи, формированию коммуникативной инициативы учащихся. Особое внимание уделяется методам предотвращения типичных ошибок, обусловленных межъязыковым влиянием. Учителю предлагаются алгоритмы работы с такими ошибками, примеры корректирующих упражнений, варианты объяснений, учитывающих специфику родного языка учащихся. Данные рекомендации способствуют формированию у педагога устойчивых навыков анализа устной и письменной речи учеников и позволяют проектировать уроки с учётом региональной языковой специфики.

Принципы построения научно-методического пособия вытекают из структуры модели и должны обеспечивать его системность, последовательность, практическую направленность и адаптивность. Пособие должно включать как теоретический раздел, знакомящий учителей с особенностями полилингвальной среды, так и практический, содержащий конкретные задания, упражнения и инструменты диагностики. В теоретической части могут быть представлены данные о языковой ситуации региона, типичных примерах интерференции, особенностях психолингвистического развития билингвальных детей. Практическая часть должна содержать комплексы упражнений, направленных на формирование лексической, грамматической и коммуникативной компетенции, а также инструменты самостоятельной диагностики учителем достижений учеников.

Коммуникативные упражнения и карты наблюдений являются важными компонентами описываемой модели. Коммуникативные упражнения должны быть ориентированы на реальные ситуации общения, значимые для учащихся: участие в семейных праздниках, описание традиций, взаимодействие со сверстниками, обсуждение школьных событий. Карты наблюдений позволяют фиксировать динамику развития каждого учащегося, отслеживать его прогресс в устной и письменной речи, определять зоны риска и успешности. Такие инструменты делают методическую систему гибкой и отражают требования современного образования, ориентированного на индивидуализацию обучения.

Таким образом, предлагаемая модель научно-методического сопровождения представляет собой многоуровневую систему, объединяющую анализ, обучение и практику. Она обеспечивает целостный подход к обучению русскому языку в полилингвальном регионе и позволяет учитывать языковые, культурные и педагогические особенности среды. Применение такой модели способствует повышению эффективности преподавания русского языка, развитию коммуникативных навыков, учащихся и совершенствованию профессиональной компетентности педагогов.

Апробация материалов в образовательных организациях.

Апробация материалов научно-методического сопровождения в образовательных организациях полилингвальных регионов является обязательным этапом, который позволяет оценить практическую эффективность разработанной модели и выявить направления дальнейшего её совершенствования. В условиях Республики Абхазия и Республики Южная Осетия апробация была организована как комплексный процесс, включающий работу с учащимися разных возрастных групп, взаимодействие с педагогами, проведение наблюдений, анализ выполнения упражнений и сбор обратной связи. Такой подход соответству-

ет рекомендациям отечественных методистов, подчеркивающих необходимость эмпирического подтверждения эффективности методических инноваций [5].

Первым этапом апробации стало внедрение учебных материалов и коммуникативных карточек в школьную практику. Учителям были предложены адаптированные упражнения, ориентированные на развитие речевой активности, устранение интерференционных ошибок и освоение лексико-грамматических конструкций, наиболее проблемных для учащихся. На уроках применялись ролевые игры, диалоги, задания на сопоставление конструкций родного и русского языка, мини-проекты, направленные на развитие связной речи. Особое внимание уделялось тому, чтобы задания опирались на социокультурный контекст региона: обсуждение традиций, праздников, особенностей семейного уклада, природных реалий. Это соответствовало культурологическому принципу обучения и повышало мотивацию школьников.

Взаимодействие с учителями включало проведение консультаций, мастер-классов и семинаров, в ходе которых педагоги делились опытом применения материалов, обсуждали возникающие трудности и предлагали свои варианты адаптации заданий. Такой формат апробации обеспечивал живую обратную связь, позволял диагностировать методические дефициты и оперативно вносить корректировки в материалы. Учителя отмечали, что использование коммуникативных карточек облегчает организацию речевой практики, а карты наблюдений помогают систематизировать информацию о прогрессе учащихся.

Работа с учащимися в ходе апробации позволила выявить несколько важных тенденций. Во-первых, учащиеся охотнее выполняли задания, связанные с реальными жизненными ситуациями, что подтверждает тезис о значимости коммуникативно-деятельностного подхода. Во-вторых, использование упражнений на сопоставление родного и русского языков способствовало осознанному преодолению ошибок, связанных с интерференцией. Учащиеся стали лучше осознавать различия в грамматике и синтаксисе, что положительно сказалось на их письменных и устных работах.

Третий этап апробации включал анализ динамики развития речевой компетентности учащихся. На основе карт наблюдений были выделены показатели, по которым осуществлялся мониторинг: уровень понимания устной речи, связность устных высказываний, точность грамматического оформления, активность участия в коммуникативных заданиях. Оценка динамики проводилась каждые две недели и позволила выявить устойчивый рост речевой активности у большинства учащихся. Особенно заметным прогресс был у тех, кто ранее испытывал серьезные трудности с устной речью. Это подтверждает эффективность

применения коммуникативных упражнений, построенных с опорой на культурный контекст.

Важным компонентом апробации стала корректировка материалов на основе полученной обратной связи. Учителя отмечали необходимость расширения раздела с упражнениями для начальной школы, так как младшие школьники демонстрировали высокую мотивацию при использовании визуальных опор и игровых элементов. В связи с этим были добавлены иллюстративные карточки, схемы, задания на классификацию. Также поступали предложения усилить раздел с текстами локального содержания: об истории региона, национальных героях, природных объектах. Это указывает на значимость культурологического подхода.

Корректировка материалов затронула также диагностический блок. Учителя предложили расширить перечень типичных ошибок и добавить примеры корректирующих упражнений. На основе этих предложений был разработан дополнительный раздел, включающий алгоритмы исправления ошибок, связанные с особенностями родного языка учащихся: неправильным употреблением падежных форм, смешением видовых значений глагола, особенностями порядка слов. Такой системный подход к устранению интерференции соответствует современным психолингвистическим данным о билингвальном обучении [4].

Таким образом, апробация материалов показала их высокую эффективность и востребованность. Учителя отметили, что использование разработанной модели позволяет не только повысить уровень коммуникативной компетентности учащихся, но и способствует профессиональному росту педагогов, расширяя их представления о методах работы в условиях полилингвизма. Апробационный этап продемонстрировал необходимость дальнейшей адаптации материалов в зависимости от возрастных особенностей детей и степени выраженности билингвизма, что стало важным выводом для последующего этапа доработки научно-методического сопровождения.

Заключение.

Проведённое исследование позволило определить ключевые принципы, подходы и методы, необходимые для создания научно-методического сопровождения обучения русскому языку в полилингвальном регионе. Учитывая особенности социолингвистического контекста Республики Абхазия и Республики Южной Осетии, а также анализируя профессиональные потребности учителей и характерные трудности учащихся, можно утверждать, что эффективная методическая система должна опираться на многокомпонентную модель, включающую аналитический, обучающий и практический блоки. Такая модель позволяет учитывать широкий спектр факторов – от психолингвистических механизмов усвоения языка до культурной идентичности учащихся.

Основные выводы показывают, что обучение русскому языку в условиях полилингвизма требует сочетания коммуникативно-деятельностного, культурологического и диагностико-аналитического подходов.

Коммуникативная направленность обеспечивает развитие речевой активности и формирование навыков реального общения; культурологический компонент способствует повышению мотивации и укреплению межкультурного диалога; диагностико-аналитический подход позволяет выявлять индивидуальные траектории учащихся и адаптировать методику в соответствии с их потребностями.

Такая интеграция методологических линий создаёт гибкую и современную систему обучения, позволяющую эффективно преодолевать интерференцию, характерную для билингвальной среды.

Практическая значимость разработанного научно-методического сопровождения заключается в возможности его применения в образовательных организациях различных типов, а также в разнообразии инструментов, предоставляемых педагогам. Коммуникативные карточки, карты наблюдений, диагностические таблицы и адаптированные упражнения комплексы могут быть использованы как в классе, так и во внеурочной деятельности. Они позволяют учителю более точно отслеживать прогресс учащихся, идентифицировать зоны риска, проводить коррекционную работу и повышать качество уроков. Кроме того, материалы способствуют развитию у педагогов профессиональных компетенций, необходимых для работы в условиях мультилингвизма.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением цифровых ресурсов, адаптацией материалов для интерактивных платформ, созданием электронных диагностических инструментов, а также изучением возможностей интеграции методических решений в смешанное и дистанционное обучение. Важно также продолжить исследование влияния билингвизма на когнитивное и эмоциональное развитие учащихся, поскольку эти аспекты оказывают значительное влияние на выбор методических стратегий.

Расширение географии исследований, включение других регионов с многоязычной средой, позволит обобщить опыт и предложить универсальные модели обучения русскому языку в условиях полилингвизма.

Усиление методической кооперации внутри полилингвальных регионов может стать существенным фактором повышения качества преподавания русского языка и расширения возможностей для формирования у учащихся полноценных коммуникативных навыков.

Таким образом, предложенная система научно-методического сопровождения отражает современные тенденции развития лингводидактики и

отвечает потребностям регионов, где русский язык функционирует как язык межнационального общения. Она сочетает теоретическую фундаментальность, практическую ориентацию и гиб-

кость применения, что делает её эффективным инструментом повышения качества преподавания русского языка в полилингвальных регионах.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника (опыт системно-структурного описания). М. : Русский язык, 1977. 288 с.
2. Васильева Т.В. Русский язык в многоязычном мире: вопросы статуса и билингвального образования : монография / Т.В. Васильева, О.А. Ускова. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2022. 314 с. ISBN: 978-5-4497-1699-6 EDN: MFFBLM
3. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М. : Просвещение, 1991. 219 с.
4. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М. : Просвещение, 1991. 222 с.
5. Львов М.Р. Методика преподавания русского языка в начальных классах / М.Р. Львов, В.Г. Горещкий, О.В. Сосновская. М. : Академия, 2017. 461 с.
6. Немыка А.А. Неадаптированный художественный текст как средство обучения русскому языку как иностранному на продвинутом уровне / А.А. Немыка, А.А. Бажан, И.В. Шкрабкова // Казанская наука. - 2024. № 10. С. 283–285. EDN: AWWHAO
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово/Slovo, 2000. 261 с. EDN: YQOZJO
8. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. М. : Фаир-Пресс, 2004. 574 с. ISBN: 5-8183-0811-1 EDN: QTPVEJ
9. Федоров К.Ф. Методика обучения русскому языку в национальной школе / К.Ф. Федоров, Е.Н. Дмитриева. Якутск : Бичик, 2005. 384 с.

References:

1. Bim I.L. methods of teaching foreign languages as a science and problems of a school textbook (experience of system-structural description). M. : Russian Language, 1977. 288 p.
2. Vasilyeva T.V. The Russian language in a multilingual world: issues of status and bilingual education: a monograph / T.V. Vasilyeva, O.A. Uskova. M. : AI Art Media, 2022. 314 p. ISBN: 978-5-4497-1699-6 EDN: MFFBLM
3. Zimnaya I.A. Psychology of teaching foreign languages at school. M. : Prosveshchenie Publ., 1991. 219 p.
4. Passov E.I. The communicative method of teaching foreign language speaking. M. : Prosveshchenie Publ., 1991. 222 p.
5. Lvov M.R. Methods of teaching Russian in primary schools / M.R. Lvov, V.G. Goretsky, O.V. Sosnovskaya. M. : Akademiya Publ., 2017. 461 p.
6. Nemyka A.A. an unadapted literary text as a means of teaching Russian as a foreign language at an advanced level / A.A. Nemyka, A.A. Bazhan, I. V. Shkrabkova // Kazan Science. 2024. № 10. P. 283–285. EDN: AWWHAO
7. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. M. : Slovo, 2000. 261 p. EDN: YQOZJO
8. Ushinsky K.D. Man as an object of education / Konstantin Ushinsky. M. : Fair Press, 2004. 574 p. ISBN: 5-8183-0811-1 EDN: QTPVEJ
9. Fedorov K.F. Methods of teaching Russian in a national school / K.F. Fedorov, E.N. Dmitrieva. Yakutsk : Bichik Publ., 2005. 384 p.

Информация об авторах

Чернова Любовь Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры русского языка и литературы,
Армавирский государственный
педагогический университет
lolache@ mail.ru

Lyubov V. Chernova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Russian Language and Literature,
Armavir State Pedagogical University
lolache@ mail.ru

Ковалевич Елена Павловна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Армавирский государственный
педагогический университет
lolach@ mail.ru

Elena P. Kovalevich

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Foreign Languages,
Armavir State Pedagogical University
lolach@ mail.ru

Напцок Мариетта Радиславовна

кандидат филологических наук,
доцент,
декан международного факультета,
Адыгейский государственный университет
mirella@mail.ru

Marietta R. Naptso

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Dean of the International Faculty,
Adygea State University
mirella@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.11.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.12.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-1>
УДК 343.9

Attribution

cc by

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ АДВОКАТА, И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРИЗНАНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вецкая С.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные и дискуссионные вопросы признания в уголовном судопроизводстве допустимыми доказательств, полученных от адвоката. Особое внимание уделяется конфликту между принципом справедливого судебного разбирательства и охраной профессиональной тайны адвоката. Автором подчеркивается, что прежде всего, Конституция РФ [1] гарантирует каждому человеку право на защиту, включая получение квалифицированной юридической помощи, что является одной из основ правосудия и справедливого уголовного судопроизводства. В статье освещаются юридические основания и ограничения допуска таких доказательств, а также уделяется внимание правовому статусу адвокатской тайны и принципам защиты прав обвиняемого. Анализируются проблемы, связанные с возможным нарушением гарантированных законом прав адвоката и клиента, а также риски использования доказательств, полученных с нарушением процессуальных прав.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, адвокатская тайна, право на защиту, допустимость доказательств, права адвоката, недопустимые доказательства.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ADMISSIBILITY OF EVIDENCE OBTAINED FROM A LAWYER AND PROBLEMS OF ITS ADMISSION IN COURT PRACTICE

Svetlana A. Vetskaya

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines current and controversial issues of recognizing evidence obtained from a lawyer as admissible in criminal proceedings. Particular attention is paid to the conflict between the principle of a fair trial and the protection of professional secrecy of a lawyer. First of all, the Constitution of the Russian Federation guarantees every person the right to defense, including receiving qualified legal assistance, which is one of the foundations of justice and fair criminal proceedings. The legal grounds and limitations for the admission of such evidence are highlighted, and attention is also paid to the legal status of attorney-client privilege and the principles of protecting the rights of the accused. The article analyzes issues related to the possible violation of the legally guaranteed rights of lawyers and clients, as well as the risks of using evidence obtained in violation of procedural rights.

Keywords: advocacy, advocacy activities, attorney-client privilege, right to defense, admissibility of evidence, rights of an attorney, inadmissible evidence.

Funding: Independent work.

Введение.

Проблема допустимости доказательств, полученных от адвоката, действительно является одной из наиболее сложных и спорных в современной юридической науке. Прежде всего, это связано с адвокатской тайной и сложным соотношением прав между участниками – обвинением и защитой.

Исходя из того, что адвокатская тайна закреплена, прежде всего, в международных и национальных правовых актах, включая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (ст. 6) [2]; в Российской Федерации адвокатская тайна регулируется Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] (ст. 6–7), который устанавливает обязанность адвоката хранить в тайне сведения, полученные от доверителя.

© Вецкая С.А.

Обсуждение.

Направленность адвокатской тайны как основополагающего принципа юридической профессии на обязательство адвоката не разглашать информацию, полученную в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности без согласия доверителя, по своей сути, содействует доверию между обвиняемым и защитником.

Иначе, доказательства, полученные с нарушением этой тайны, могут считаться недопустимыми, поскольку компрометация адвокатской тайны нарушает право на защиту и гарантии справедливого судебного разбирательства. Допустимость таких доказательств ставит в противоречие право обвинения на сбор доказательств и право обвиняемого на защиту.

В уголовном процессе нарушение адвокатской тайны может проявляться, например, если адвокат без согласия доверителя передает следствию или другим лицам информацию, полученную в ходе защиты.

Одновременно, в рамках данной темы исследования, существуют проблемы и с осуществлением защиты, которые допускают органы предварительного следствия в отношении работы адвоката. На примере Адвокатской палаты Краснодарского края, председателем Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов данной организации [4], названы различные распространённые нарушения профессиональных прав такие как вызов адвоката, защитника на допрос в качестве свидетеля, после которого допрошенный адвокат утратит право участвовать в уголовном деле в качестве защитника в соответствии с требованиями ст. 72 УПК РФ. Так, только в 2021 году за восемь месяцев в Адвокатскую палату Краснодарского края поступило девять обращений адвокатов о вызовах их на допрос в качестве свидетелей по делам доверителей. Бесспорно, существуют ситуации, когда адвокат добровольно предоставляет информацию в рамках защиты доверителя. Здесь ключевым является принцип добровольности: если информация предоставлена без принуждения и с согласия доверителя, доказательства могут быть признаны допустимыми.

Допустимость доказательств, полученных от адвоката, остаётся одной из самых спорных тем в юридической науке и практике.

Изложенное убедительно доказывает, что существующие правовые нормы требуют законодательных доработок. Несмотря на то, что в уголовном судопроизводстве институт адвокатской тайны является фундаментальной гарантией эффективной защиты участвующих в процессе лиц, однако, отсутствует принципиальная неприкосновенность информации, а адвокатская тайна не является абсолютной. Законодательство предусматривает случаи, когда адвокат может быть обязан раскрыть сведения, например:

- если это необходимо для предотвращения тяжкого преступления;
- при совершении самим адвокатом преступления;
- по решению суда в пределах, установленных законом.

Теоретики права [5] и представители органов юстиции России [6] давно и всесторонне изучают вопросы, связанные с допустимостью доказательств, полученных от адвоката. Адвокатская тайна рассматривается как элемент процессуальных гарантий, который должен защищать права подозреваемого (обвиняемого) и обеспечивать равенство сторон в процессе. Отсюда вытекает и вопрос о том, можно ли использовать доказательства, добытые с нарушением этих норм. Однако адвокатская тайна имеет особый статус, поскольку нарушение ее границ подрывает доверие к системе правосудия в целом. Соответственно, допустимость доказательств не должна автоматически приниматься судом без учета того, каким образом они были получены.

Именно на фокус процессуальной справедливости обращают внимание работы таких авторов, как В.Ю. Мельников, К.М. Баева [7, 10]. Данные авторы рассматривают вопросы, касающиеся адвокатского расследования и существующие злоупотребления правом адвокатом-защитником. Обращено внимание на, что на сегодняшний день российский законодатель не установил и процессуальной формы, в которой должны предоставляться доказательства, полученные адвокатом. По сути, вся информация, сведения и т.п., получаемые адвокатами, предоставляются ими в произвольной форме, чаще всего – в виде ответа на адвокатские запросы, различного рода характеристики и т.п.

Прежде чем говорить о том, что законодательство и судебная практика направлены на обеспечение баланса, при котором должны соблюдаться права всех сторон, в частности, право обвиняемого на защиту и право государства на расследование преступления. Однако в уголовном процессе проявляются и противоречия, а также разногласия, касающиеся конфликтов интересов между адвокатом, представляющим интересы подзащитного - обвиняемого с потерпевшим, хотя они редко становятся предметом публичного разбирательства. В частности, конфликтное поведение в суде (оскорбление [8], давление на участников процесса [9]).

Безусловно, судебная практика требует объективного рассмотрения подобных случаев и может влиять на ход дела, включая возможность и дисциплинарных мер в отношении адвоката вплоть до лишения статуса адвоката.

С одной стороны, адвокат обладает правом на профессиональную тайну, защищающую интересы доверителя. С другой стороны, суд и органы следствия стремятся получить всю информа-

цию, необходимую для установления истины по делу. Этот конфликт порождает вопрос: Могут ли доказательства, полученные от адвоката, быть признаны допустимыми и использоваться в судебном процессе?

Судебной практике известны случаи, когда доказательства, которые имеют процессуальные недостатки, и вместе с тем, полученные с нарушением адвокатской тайны, признаются недопустимыми.

Адвокат является ключевой фигурой, которая выступает в рамках уголовного судопроизводства на стороне защиты. В части 1 статьи 53 УПК РФ законодатель установил открытый, то есть не исчерпывающий перечень полномочий защитника, так как они содержатся и в иных нормах уголовно-процессуального закона, регламентирующих отдельные стадии уголовного судопроизводства. Из данной нормы следует, что защитник имеет право участвовать в формировании доказательственной базы по уголовному делу.

На сегодняшний день в теории уголовного процесса, как и в теории адвокатской деятельности, активно обсуждается проблема, связанная с признанием допустимыми доказательств, которые были получены по уголовному делу адвокатом [11].

Многочисленная судебная практика судов общей юрисдикции Российской Федерации наглядно свидетельствует о том, что в современном российском уголовном судопроизводстве уже давно назрела и остро стоит проблема, связанная с признанием допустимыми доказательств, которые были получены от адвоката, как защитника. Российский законодатель в нормах УПК РФ предусмотрел полномочие защитника по участию в доказывании, предоставил защитнику право участвовать в формировании доказательственной базы, но при этом не установил уголовно-процессуальной формы, в которой должны предоставляться сведения, информация и доказательства, полученные защитником по уголовному делу, в частности, адвокатом.

По нашему мнению, адвокатский запрос является очень важным правомочием адвоката. При этом отсутствие легального правового статуса

ответа за адвокатский запрос обесценивает деятельность адвоката по защите, препятствует адвокату полно и всесторонне участвовать в деятельности по доказыванию в рамках уголовного судопроизводства. Нам представляется это существенным пробелом действующего уголовно-процессуального законодательства.

Результаты.

Учитывая вышеизложенное, считаем осветить опубликованный в Российской газете проект поправок [6], который является результатом многолетней инициативы, активно обсуждаемой темы развития адвокатуры и ее профессионализации. Этот проект в сегодняшнем дне стал центральной темой для юристов, судей и законодателей, поскольку направлен на реформу механизмов признания доказательств допустимыми в судебном процессе, усиления защиты прав участников процесса, а также механизмов исключения доказательств, полученных с нарушениями. Допускаем, что принятие данного законопроекта является перспективным направлением развития и приведет к существенным изменениям в процессуальных кодексах (УПК, ГПК, АПК) и в законе об адвокатуре.

Закключение.

Таким образом, введение новых правовых стандартов работы с доказательствами и процессуальными документами хоть и потребуют адаптации и изменений в организации адвокатских сообществ, но результатом таких реформ станут положительные изменения форм и степень взаимодействия адвокатов с судами и следственными органами.

Изменения в действующем УПК РФ, Законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» способны существенно повлиять на организацию и практику адвокатской деятельности для всех участников уголовно-процессуальной деятельности; и возможно, юридический конфликт интересов, который складывается в уголовном судопроизводстве между стороной защиты и стороной обвинения не воспрепятствует реализации адвокатом своего право на участия в доказывании и предоставлении доказательств по делу.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.10.2025).

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 04 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями). URL : <https://base.garant.ru/2540800/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a>
3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL : <https://base.garant.ru/12126961>
4. Защита беззащитна. 6 историй адвокатов о нарушении профессиональных прав. 14.09.2021. URL : <https://legalacademy.ru/sphere/post/zaschita-bezzaschitna-6-istorii-advokatov-o-narushenii-professionalnyh-prav>.
5. Лазарева В.А. Адвокат в уголовном процессе : учеб. пособие / В.А. Лазарева, С.В. Юношев, А.С. Таран. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008. 174 с.; Савочкин О.А. Вопросы адвокатской тайны, связанные с правовыми аспектами сведений конфиденциального характера // Закон и право. 2022. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-advokatskoy-tayny-svyazannye-s-pravovymi-aspektami-svedeniy-konfidentsialnogo-haraktera> (дата обращения 15.12.2025).
6. Новый законопроект увеличил спрос на статус адвоката // Российская газета – Спецвыпуск: Право. № 276(9815). URL : <https://rg.ru/2025/12/04/pora-ekzamenov.html>
7. Мельников В.Ю. Участие защитника в ходе досудебного производства // Евразийская адвокатура. 2013. № 2(3). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-zaschitnika-v-hode-dosudebnogo-proizvodstva> (дата обращения 11.12.2025). EDN: PWGTVL
8. Нарушение норм профессиональной этики ст. 13 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре: дело Решение Московского городского суда по делу № 1-345/2019. URL : <https://www.google.com/search?q> (дата обращения 11.12.2025).
9. Попытка адвоката посредством угроз и психологического давления заставить свидетеля изменить показания. Решение Московского городского суда по делу № 33-45678/2021. URL : <https://www.google.com/search?q> (дата обращения 11.12.2025).
10. Баева К.М. «Собирание» доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-dokazatelstv-advokatom-zaschitnikom-osnovnye-problemy-i-puti-ih-razresheniya> (дата обращения 11.12.2025). EDN: UWPAOI
11. Лозовский Д.Н. Использование комплексного подхода в расследовании преступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. С. 204–207. EDN: UIUPQZ

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2022) // Official Internet Portal of Legal Information URL : <http://www.pravo.gov.ru> (date of application 04.10.2025).
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms ETS № 005 (Rome, November 4, 1950) (with amendments and additions). URL : <https://base.garant.ru/2540800/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a>
3. Federal Law № 63-FZ of May 31, 2002 «On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation» (with amendments and additions). URL : <https://base.garant.ru/12126961>
4. The defense is defenseless. 6 stories of lawyers about the violation of professional rights. 14.09.2021. URL : <https://legalacademy.ru/sphere/post/zaschita-bezzaschitna-6-istorii-advokatov-o-narushenii-professionalnyh-prav>
5. Lazareva V.A. Lawyer in criminal proceedings : textbook / V.A. Lazareva, S.V. Molodev, A.S. Taran. Samara : Samara University Publishing House, 2008. 174 p.; Savochkin O.A. Attorney-client privilege issues related to the legal aspects of confidential information. // Law and law. 2022. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-advokatskoy-tayny-svyazannye-s-pravovymi-aspektami-svedeniy-konfidentsialnogo-haraktera> (date of application 12/15/2025).
6. The new draft law has increased the demand for the status of a lawyer // Rossiyskaya Gazeta – Special Issue: Pravo № 276(9815). URL : <https://rg.ru/2025/12/04/pora-ekzamenov.html>
7. Melnikov V.Y. Participation of the defender during the pre-trial proceedings // The Eurasian Legal Profession. 2013. № 2(3). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-zaschitnika-v-hode-dosudebnogo-proizvodstva> (date of application 11.12.2025). EDN: PWGTVL
8. Violation of the norms of professional ethics, art. 13 of the Federal Law «On Advocacy and Advocacy: case Decision of the Moscow City Court in case № 1-345/2019. URL : <https://www.google.com/search?q> (date of application 12/11/2025).
9. An attempt by a lawyer through threats and psychological pressure to force a witness to change his testimony. The decision of the Moscow City Court in case № 33-45678/2021. URL : <https://www.google.com/search?q> (date of application 11.12.2025).
10. Baeva K.M. «Collecting» evidence by a defense lawyer: the main problems and ways to resolve them // Judicial power and criminal procedure. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-dokazatelstv-advokatom-zaschitnikom-osnovnye-problemy-i-puti-ih-razresheniya> (date of application 11.12.2025). EDN: UWPAOI

11. Lozovsky D.N. The use of an integrated approach in the investigation of crimes // The activities of law enforcement agencies in modern conditions: Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2014. P. 204–207. EDN: UIUPQZ

Информация об авторе

Вецкая Светлана Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
Lisizai@mail.ru

Svetlana A. Vetskaya

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Lisizai@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.11.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-2>

УДК 340

Attribution

cc by

ОБОСНОВАННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДРОППЕРСТВО И ПУТИ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Волчкова Э.А.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, связанные с обоснованностью уголовно-правового противодействия дропперству, необходимостью его совершенствования. Выбранная тема имеет высокую степень актуальности в связи с распространенностью хищений, совершаемых в том числе и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, попытками законодателя повысить эффективность противодействия таким преступлениям уголовно-правовыми средствами, обеспечить возможность привлечения к ответственности лиц, которые непосредственно не принимают участие в хищениях, но способствуют им. Обсуждалась необходимость введения отдельной статьи, предусматривающей ответственность за дропперство. Но, в результате, были внесены изменения в ст. 187 УК РФ, и эта норма сейчас является основным уголовно-правовым средством противодействия дропперству. Поэтому актуальным является вопрос, обоснована ли такая криминализация действий лиц, способствующих совершению хищений, достаточно ли принятых мер для эффективного противодействия им. В ходе написания статьи использовались диалектический метод познания, статистический, формально-юридический и иные частно-научные методы. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что внесение изменений в ст. 187 УК РФ обосновано, но требуется расширить субъектный состав и предусмотреть уголовную ответственность за это деяние с 14-ти лет.

Ключевые слова: дропперство, дроппер, уголовная ответственность, социальная обусловленность, средства платежа, хищения, мошенничество.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

JUSTIFICATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR DROPPERSHIP AND WAYS TO IMPROVE IT

Elamie A. Volchkova

Abstract. The article discusses the problems associated with the validity of criminal law counteraction to dropshipping and the need to improve it. The chosen topic is highly relevant due to the prevalence of thefts committed using information and telecommunication technologies, as well as the attempts of the legislator to increase the effectiveness of countering such crimes through criminal law measures and to ensure the possibility of bringing to justice individuals who do not directly participate in the thefts but facilitate them. The need to introduce a separate article providing for liability for dropshipping was discussed. However, as a result, amendments were made to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, and this provision is now the main criminal law measure to combat dropshipping. Therefore, it is relevant to question whether such criminalization of the actions of individuals who facilitate the commission of thefts is justified, and whether the measures taken are sufficient to effectively combat them. During the writing of the article, the author used the dialectical method of cognition, statistical, formal-legal, and other private scientific methods. As a result of the conducted research, it was concluded that the amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation are justified, but it is necessary to expand the subject composition and provide for criminal liability for this act from the age of 14.

Keywords: dropshipping, dropper, criminal liability, social conditioning, means of payment, theft, fraud.

Funding: Independent work.

Введение.

Все большее распространение на территории Российской Федерации приобретает совершение хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Преступники изобретают различные схемы неправомерного завладения денежными средствами граждан, хранящимися в безналичном виде, получают доступ к банковским счетам, вынуждают путем обмана жертв осуществить переводы своих средств другим лицам либо сообщить данные, позволяющие преступникам распоряжаться деньгами, находящимися на счетах потерпевших.

В 2024 году зарегистрировано 499642 (–14,3 %) краж, 445690 (+2,8 %) мошенничеств. С использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершено 105937 (–11,1 %) краж, 380344 (+6,8 %) мошенничеств [8]. Практически в каждом случае преступники используют платежные средства, которые оформлены на подставных лиц, привлечение к уголовной ответственности которых длительное время было затруднительным, если не удавалось доказать их осведомленность о совершении хищений и привлечь за пособничество. Поэтому в научном сообществе и среди правоприменителей стала активно обсуждаться необходимость введения уголовной ответственности за приобретение и передачу платежных средств, осуществление переводов из корыстной заинтересованности, и в июне 2025 года были внесены соответствующие изменения в ст. 187 УК РФ.

В настоящее время требуется определить обоснованность указанных новшеств и способность таким образом обеспечить уголовно-правовое противодействие дропперству.

Литературный обзор.

В свете распространенности мошеннических схем, реализуемых в целях хищения денежных средств граждан, в которых задействованы лица, напрямую не принимающие участие в завладении денежными средствами потерпевших, но предоставляющие для этого свои средства платежа (путем передачи либо путем совершения операций в интересах других лиц), широкое использование как в научном сообществе, так и среди правоприменителей, получили термины «дропперство» и «дроппер» (или «дроп»), хотя законодательство этими терминами не оперирует.

В разработанном ПАО «Сбербанк» интерактивном словаре дроп определяется как «человек, который предоставляет мошенникам свою банковскую карту или банковский счет для «отмывания» похищенных денег либо обналичивает их самостоятельно» [7].

Практически аналогичного мнения придерживается Н.А. Артеменко, определяя дропа как «человека, получающего покупки, оформленные через Интернет, обналичивающий карты» [2, с. 78].

С точки зрения У.И. Богацкой, дропы – это «третьи лица, чьи счета используются для транзитного перечисления похищенных у граждан денежных средств и последующего их обналичивания» [4, с. 52].

Лица, совершающие мошенничества и кражи с банковских счетов граждан, стремясь избежать изобличения и привлечения к уголовной ответственности, активно привлекают дропов для того, чтобы иметь возможность переводить, обналичивать похищенные средства, при этом будучи не связанными с владельцами счетов, на которые выводятся похищенные денежные средства.

Правоохранительные органы, установив лиц, на счета которых были переведены денежные средства жертв, в большинстве случаев, не могут установить тех, кто похитил эти деньги, поскольку их с дропами зачастую ничего не связывает; последние лишь открыли счета в банках, оформили банковские карты, которые за вознаграждение передали другим лицам.

Привлечь же к ответственности дропов являлось затруднительным, поскольку невозможно было доказать их осведомленность о дальнейшем использовании принадлежащих им банковских карт другими лицами, в связи с чем, пособничество в мошенничестве или кражи в их действиях не усматривалось, а сама по себе передача средств платежа, переводы с них денежных средств, даже за вознаграждение, не были уголовно-наказуемыми [1, с. 165]. Поэтому в научном сообществе велись активные дискуссии по поводу необходимости введения уголовной ответственности для дропов.

У.И. Богацкая поддерживала предложения о дополнении уголовного закона ст. 187.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за «передачу, приобретение, использование электронного средства платежа или предоставление доступа к нему» [4, с. 53].

По мнению А.М. Ахатовой, в случае дополнения УК РФ указанной статьей, следовало бы более четко сформулировать состав преступления, однако, указанный исследователь полагает, что более целесообразно осуществлять квалификацию действий дроперов как соучастие в хищении [3, с. 1076].

О.В. Зайцева полагает, что введение в УК РФ отдельной нормы об ответственности дропов будет являться избыточным, сейчас уголовно-правовых средств противодействия дропперству достаточно, нужно лишь увеличить их предупредительный аспект [6, с. 141].

Материалы и методы.

Раскрытие выявленных проблем и формулирование итоговых выводов осуществлялось на основе анализа статистических данных, материалов правоприменительной практики, литературных источников. Использованы диалектический метод познания, статистический, формально-юридический и иные частно-научные методы.

Результаты.

Несмотря на различные мнения ученых и поступающие предложения, законодатель выбрал иной путь, не ограничившись имеющимися нормами УК РФ, которые могут быть применимы к дропам, но и не включая новую статью в уголовный закон.

В июне 2025 года были внесены дополнения в ст. 187 УК РФ – введена уголовная ответственность за приобретение, передачу электронных средств платежа для неправомерных операций, а также для совершения неправомерных операций. И менее чем через месяц после внесения указанных изменений было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 187 УК РФ в отношении Н., которая из корыстных побуждений, по указанию неустановленных лиц, вступив с ними в переписку в сети Интернет, открыла в одном из банков счет индивидуального предпринимателя, после чего предоставила логин и пароль указанным лицам [5].

Таким образом, первые результаты применения обновленной нормы уже имеются, что дает возможность утверждать об обоснованности введения уголовной ответственности для дропов и позволяет надеяться на эффективный предупредительный эффект рассматриваемых новшеств.

Ранее дропы могли избегать уголовной ответственности, утверждая, что не предполагали о возможности использования их средств электронного платежа в преступных целях. Сейчас же можно предполагать, что лица, которые ранее легко соглашались на осуществление переводов денежных средств, поступающих на их счет от посторонних лиц за вознаграждение, на передачу из корыстных побуждений банковских карт, доступов к счетам, осознавая неизбежность привлечения к уголовной ответственности, будут сомневаться, стоит ли идти на такие риски.

В свою очередь, если лица, совершающие хищение, не смогут использовать для этого электронные средства платежа иных лиц, им будет невозможно сохранять полную анонимность, соответственно, будет упрощено их выявление и привлечение к уголовной ответственности, что может способствовать сокращению хищений.

Обсуждение.

Как уже было отмечено, необходимость установления уголовной ответственности дропов обсуждалась давно.

По данным МВД, к августу 2023 года насчитывалось около 500 тыс. дропперов [9].

По данным Центробанка, примерно 80 тыс. человек ежемесячно становятся дропперами. Среди них значительную долю составляют иностранцы, а также несовершеннолетние, которые стремятся получить легкие деньги.

В 2025 году выявлено 74 группы, арендующие банковские аккаунты подростков[9]. Также О.В. Зайцева отмечает, что сейчас «новой тенденцией стало привлечение несовершеннолетних лиц в качестве дропперов, так как обзавестись банковской картой (счетом) в Российской Федерации можно с помощью родителей в любом возрасте, а без их участия - с 14 лет» [6, с. 140].

В связи с этим, безусловно, следует признать обоснованным введение уголовной ответственности за дропперство, считаем, что на данном этапе вполне достаточно внесения дополнений в ст. 187 УК РФ, дальнейшая практика применения этой нормы позволит определить, требуются ли какие-либо изменения. Однако вызывает вопросы подход законодателя, который не внес изменения в ст. 20 УК РФ, таким образом, оставив общего субъекта преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ. Приведенные выше сведения о том, что нередко дропами являются несовершеннолетние, свидетельствуют о целесообразности снижения возраста уголовной ответственности за дропперство до 14 лет.

Заключение.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в схемах хищения денежных средств с банковских счетов и карт граждан значимая роль отводится дропам – лицам, которые из корыстных побуждений предоставляют свои банковские счета для перевода на них похищенных денег либо самостоятельно осуществляют операции по переводу на указанные похитителями счета. Длительное время они могли оставаться безнаказанными, если не удавалось доказать их пособничество в хищении, поэтому внесение дополнений в ст. 187 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность именно за допперство, следует признать обоснованным. Однако с учетом того, что в качестве дропов нередко выступают несовершеннолетние, которые могут оформлять на себя банковские карты с 14 лет, представляется целесообразным снизить возраст уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ. Для этого следует включить указанную норму в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алекса А.В. Актуальные вопросы борьбы с дистанционным мошенничеством // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности: Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 2024. С. 164–172. EDN: SCAMEG
2. Артеменко Н.А. Кардинг как вид мошеннической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 77–80. DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.16750 EDN: YABDGX
3. Ахатова А.М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 6. С. 1075–1083. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-6-1075-1083 EDN: MRJWBE
4. Богацкая У.И. Особенности привлечения к уголовной ответственности дропов за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2024. С. 51–54. EDN: KJUQCU
5. Жительница Москвы стала фигуранткой первого уголовного дела о дропперстве. URL : <https://www.interfax.ru/moscow/1037811>
6. Зайцева О.В. Уголовная ответственность дропперов: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 6(161). С. 138–146. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146 EDN: RLYMWT
7. Кибрарий. Интерактивный словарь ПАО «Сбербанк». URL : <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrariy/vocabulary/drop>
8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. URL : <https://xn-b1aew.xn-p1ai/dejatelnost/statistics>
9. «Я хотел сделать деньги». Двум миллионам россиян грозит уголовное дело за дропперство. Что известно о новом законе? URL : <https://lenta.ru/articles/2025/07/07/droppers>

References:

1. Alexa A.V. Topical issues of combating remote fraud // Criminal law and criminological areas of crime prevention: Collection of materials of the Interregional scientific and practical conference of faculty, graduate students and students, Simferopol, 2024. P. 164–172. EDN: SCAMEG
2. Artemenko N.A. Carding as a type of fraudulent activity // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. № 8. P. 77–80. DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.16750 EDN: YABDGX
3. Akhatova A.M. Drop as an accomplice to crimes committed using information and telecommunication networks: problems of criminal law assessment and law enforcement // Bulletin of the Udmurt University. The series «Economics and Law». 2024. № 6. p. 1075–1083. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-6-1075-1083 EDN: MRJWBE
4. Bogatskaya U.I. Features of bringing drops to criminal responsibility for committing crimes using information and telecommunication technologies // Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow: Proceedings of the annual international scientific and practical conference, St. Petersburg, 2024. P. 51–54. EDN: KJUQCU
5. A resident of Moscow became a defendant in the first criminal case of droppery. URL : <https://www.interfax.ru/moscow/1037811>
6. Zaitseva O.V. Criminal liability of droppers: pros and cons // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 6(161). P. 138–146. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146 EDN: RLYMWT
7. Kibrarium. Interactive Dictionary of Sberbank PJSC. Electronic resource. URL : <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrariy/vocabulary/drop>
8. The state of crime in Russia in January-December 2024. URL : <https://xn-b1aew.xn-p1ai/dejatelnost/statistics>
9. «I wanted to make money». Two million Russians are facing criminal charges for droppery. What is known about the new law? URL : <https://lenta.ru/articles/2025/07/07/droppers>

Информация об авторе

Волчкова Элямии Аптурамановна
независимый исследователь
elyakerimova3@yandex.ru

Elamie A. Volchkova
Independent Researcher
elyakerimova3@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.11.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-3>

УДК 347.965

Attribution

cc by

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ СУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Гапоненко О.Ю.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Особая роль судебного нормоконтроля обусловлена важностью судебных решений в части проверки нормативных правовых актов на соответствие Конституции Российской Федерации и другим законодательным актам. Данный вид контроля может быть реализован всеми судами, входящими в судебную систему российской Федерации в рамках закрепленной за ними компетенцией. Настоящая статья посвящена конституционно-правовым основам механизма реализации постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, а также проблемам, возникающим на стадии исполнения данного вида судебных актов. Цель. Исследовать вопросы, связанные с исполнением судебных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, сформулировать предложения, направленные на упорядочение правоприменительной практики по их реализации в деятельности судов общей юрисдикции. Методы. В ходе исследования применены анализ, синтез, обобщение и систематизация научных источников по проблеме исследования, сравнительный и прогностический методы. Результаты. В научной статье анализируются основные нормативные правовые акты, регулирующие порядок осуществления конституционного контроля в России. Особое внимание уделено отдельным вопросам исполнения судебных постановлений Конституционного суда, их исполнения судами общей юрисдикции. Автором формулируются предложения, направленные на совершенствование механизма исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации. Выводы. В завершение исследования делается вывод о необходимости законодательной конкретизации и детализации процесса исполнения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, сокращения сроков приведения в исполнение данных решений, закрепления санкций за их неисполнение, а также устранения коллизий и противоречий по рассматриваемым вопросам.

Ключевые слова: судебный нормоконтроль, Конституционный Суд Российской Федерации, абстрактный нормоконтроль, конкретный нормоконтроль, суды общей юрисдикции, Правительство Российской Федерации, региональное законодательство.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

JUDICIAL DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF JUDICIAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Olga Yu. Gaponenko

Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The special role of judicial normative control is due to the importance of court decisions in terms of checking regulatory legal acts for compliance with the Constitution of the Russian Federation and other legislative acts. This type of control can be implemented by all courts that are part of the judicial system of the Russian Federation within the framework of their assigned competence. This article focuses on the constitutional and legal basis of the mechanism for implementing the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the problems that arise during the execution of this type of court decision. Purpose. To investigate issues related to the implementation of judicial decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and to formulate proposals aimed at streamlining the law enforcement practice for their implementation in the activities of general jurisdiction courts. Methods. The study used analysis, synthesis, generalization, and sys-

tematization of scientific sources on the research problem, as well as comparative and prognostic methods. Results. The scientific article analyzes the main regulatory legal acts governing the procedure for exercising constitutional control in Russia. Special attention is paid to certain issues related to the execution of court decisions by the Constitutional Court and their execution by courts of general jurisdiction. The author formulates proposals aimed at improving the mechanism for executing decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Conclusions. At the end of the article, the author concludes that it is necessary to specify and detail the process of implementing the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, reduce the time required to implement these decisions, establish sanctions for their non-implementation, and eliminate conflicts and contradictions on the issues under consideration.

Keywords: judicial normative control, Constitutional Court of the Russian Federation, abstract normative control, specific normative control, general jurisdiction courts, Government of the Russian Federation, regional legislation.

Funding: Independent work.

Введение.

Особая роль судебного нормоконтроля обусловлена важностью судебных решений в части проверки нормативных правовых актов на соответствие Конституции Российской Федерации и другим законодательным актам.

Данный вид контроля реализуется всеми судами, входящими в судебную систему Российской Федерации в пределах закрепленной за ними компетенцией.

Суд обладает самостоятельностью при применении закона к конкретному делу. Так согласно ч. 3 статьи 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе в Российской Федерации» в случае выявления судом несоответствия акта органа государственной власти суд принимает решения, ориентируясь на нормативные правовые акты, обладающие большей юридической силой. При рассмотрении конкретного дела суды реализуют конкретный нормоконтроль [1].

Контроль за соответствием нормативных правовых актов Конституции осуществляет Конституционный Суд Российской Федерации в виде конкретного или абстрактного судебного нормоконтроля.

Абстрактный нормоконтроль Конституционным Судом Российской Федерации проводится при рассмотрении дел о соответствии Конституции Российской Федерации, действующих нормативных правовых актов высших органов государственной власти.

Если тот или иной акт будет признан неконституционным, он будет считаться утратившим юридическую силу.

Следует отметить, что использование и сочетание различных видов нормоконтроля зависит от существующих в государстве правовых традиций и принципов деятельности существующей судебной системы. Например, в Соединенных Штатах Америки все суды судебной системы наделяются полномочиями по обеспечению контроля за соответствием Конституции законода-

тельных актов, в то время, как в Германии создан специальный орган конституционного контроля, который отвечает за проверку конституционности нормативных правовых актов.

Задача суда при применении положений того или иного нормативного правового акта убедиться в его соответствии Конституции Российской Федерации, а в случае сомнений обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, предусмотренном п. 4 ст. 125 Конституции.

В литературе выделяют следующие способы исполнения решений Конституционного Суда:

- принятие нормативных правовых актов, которые отменяют противоречащие Конституции России акты;
- определение нормативных правовых актов, принятых на основе неконституционных актов и их изменение;
- выявление аналогичных норм нормам, признанных неконституционными и т.п. [2].

Отдельно выделяют правоприменительные способы исполнения решений Конституционного Суда, к которым относятся следующие способы:

- прекращение применения неконституционных норм; отказ в введении в действие международных договоров, противоречащих конституционным положениям;
- принятие индивидуальных актов; принятие судами общей юрисдикции решений на основе их запросов о конституционности той или иной нормы;
- отказ в исполнении судебных актов, принятых на основе неконституционных норм и др.

Однако на практике возникают проблемные вопросы, связанные с исполнением постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, прежде всего судами общей юрисдикции при разрешении конкретных гражданских и уголовных дел.

Методология, материалы и методы.

Выбор методологической базы исследования обусловлен необходимостью комплексного и многоаспектного анализа значения судебных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и их реализацией в правоприменительной практике судебных органов.

Применение формально-юридического метода позволило осуществить детальную интерпретацию положений действующего законодательства, а также выявить внутреннюю логику нормативных положений, связанных с реализацией судебных решений Конституционного Суда Российской Федерации.

В работе использовался также критический анализ доктринальных источников. Были обобщены современные научные публикации, а также монографические исследования ведущих отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблемам исполнения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации.

Логика исследования построена по принципу от общего к частному: от рассмотрения общих положений о решениях Конституционного Суда к анализу нормативного регулирования и выявлению проблем правоприменения, а затем к формулированию собственных выводов.

Результаты.

Можно сделать вывод о том, что механизм исполнения решений Конституционного Суда имеет правоприменительную природу, поскольку его решениями напрямую не изменяется норма права, а служат основанием для ее отмены и всех актов, разработанных и принятых на ее основе.

В соответствии со ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», для Правительства Российской Федерации устанавливается шестимесячный срок для внесения в Государственную Думу законопроекта, устраняющего действие неконституционных норм.

В случае, если признанные неконституционными нормативные правовые акты не будут отменены, это служит основанием для обращения в суд или является поводом для принесения соответствующего протеста [3].

Что касается законодательных органов регионального уровня, для них установлен двухмесячный срок для внесения законопроекта в законодательный орган и шесть месяцев для его принятия. На федеральном уровне действует только срок для внесения соответствующего законопроекта.

Такие сроки, как нам представляются, не способствуют эффективному исполнению решений Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку составляют значительный период времени.

По нашему мнению, сроки, установленные для внесения законопроекта в законодательный орган и его рассмотрение, не должны затягиваться и суммироваться, а должны быть единым сроком для внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Одновременно, процесс подготовки и рассмотрения законопроектов представляет из себя сложный процесс, требующий большого количества согласований, поэтому его уменьшение также не будет способствовать повышению качества данного вида деятельности.

Что касается исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации судами общей юрисдикции, они могут обращаться с запросами о соответствии той или иной нормы неконституционной в порядке статьи 125 Конституции Российской Федерации. В данном случае, производство по делу в суде приостанавливается и все последствия и порядок данных процессуальных действий регламентируется гражданским процессуальным законодательством.

Кроме того, сами граждане могут обратиться с подобной просьбой, несмотря на наличие пресекательных сроков для такого обращения. Положительное решение Конституционного Суда Российской Федерации может служить основанием для пересмотра судебных актов в связи с появлением новых обстоятельств.

Безусловно, Конституционный Суд может и отказать в удовлетворении жалобы на вынесенное ранее судебное решение.

Что касается обязательности постановлений Конституционного Суда с момента вступления их в законную силу, все органы государственной власти обязаны их исполнять.

Еще одним следствием принятия Конституционным Судом постановления о признании неконституционной нормы, является пересмотр судебных решений, основанных на подобных нормах.

Следует отметить, что механизм реализации постановлений Конституционного Суда включает в себя ряд мероприятий правового и организационного характера. Так, важной составной частью этого процесса является открытость и доступность судебных постановлений Конституционного Суда, что позволяет повысить эффективность их исполнения. Данное положение находит свое отражение и в практике Конституционного Суда информировать высшие органы государственной власти о принятых им решениях.

Также, если возникнет необходимость, Конституционный Суд может разъяснить свое постановление в рамках осуществляемого конституционного правосудия.

Кроме того, в соответствии со ст. 47.1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», рассмотрение во-

просов о конституционности норм по запросам судов может проходить без проведения судебного заседания, если при этом нарушены конституционные права и свободы граждан.

Еще один способ реализации постановления Конституционного Суда может происходить при помощи органов прокуратуры, которые могут обращаться в суды в защиту прав и интересов других лиц при наличии на то оснований.

Следующая группа средств – применение обеспечительных мер при рассмотрении дел в Конституционном Суде Российской Федерации. К ним можно отнести возможность приостановления действий нормативных правовых актов, которые приняты на основе признанных неконституционными нормативных правовых актов. Таким правом в исключительных случаях могут обладать вышестоящие органы государственной власти [4].

Кроме того, возможно применение мер ответственности в случае неисполнения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, например, роспуск законодательного собрания, отрешение от должности глав субъектов Российской Федерации и т.п.

В литературе уже неоднократно выдвигались предложения о принятии специального законодательного акта, регулирующего порядок исполнения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации. Также предлагалось внести изменения в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», включив в него отдельную главу об исполнении судебных актов Конституционно Суда.

Однако до сих пор данные предложения к сожалению, остались не реализованными.

Обсуждение.

Как уже отмечалось, исполнение судебных постановлений Конституционного Суда зависит от многих обстоятельств, в том числе от вида конституционного судопроизводства, от вида судебного акта, от предметной направленности и др.; в идеале, когда обязанные субъекты самостоятельно и добровольно будут исполнять судебные постановления. Однако на практике это не всегда происходит таким образом. Поэтому следует указать на необходимость упорядочения процесса взаимодействия судов и Конституционного Суда, синхронизацию.

Конституция и действующее законодательство уже регламентируют вопросы порядка исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Как было уже отмечено, конституционная функция оценки закона закреплена за всеми судами судебной системы в России. Безусловно, решение вопроса о соответствии Конституции – это прерогатива Конституционного Суда, но суды

общей юрисдикции также наделены функцией судебного нормоконтроля, который выражается в возможности признания актов субъектов Российской Федерации противоречащими действующему законодательству, а также имеет право применения норм Конституции, поскольку они обладают непосредственным действием на всей территории Российской Федерации.

Следует также отметить, что не всегда взаимодействие органов судебной власти с другими органами государственной власти проходит согласованно.

Можно выделить следующие проблемы согласования позиций:

- наличие большого количества несоответствий между региональным и федеральным законодательством;
- принятие большого количества разрозненных актов субъектов Российской Федерации при отсутствии федерального правотворчества по тем или иным вопросам;
- дублирование норм в нормативных правовых актах различного уровня и т.п. [5].

В последнее время все большее внимание уделяется постановлениям Конституционного Суда российской Федерации как основному источнику толкования и проверки конституционности действующих нормативных правовых актов. Такое внимание обусловлено необходимостью конституционализации всех отношений, складывающихся в сфере конституционного права.

Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривается обязательность его решений для всех субъектов. Однако в правоприменительной практике не всегда все постановления Конституционного Суда исполняются в полном объеме. Поэтому остаются актуальными вопросы, связанные с реализацией положений, содержащихся в актах Конституционного Суда в действующем законодательстве и правоприменительных актах.

Неисполнение решений происходит по разным причинам, начиная от возникновения бюрократических формальностей до отсутствия юридической ответственности за неисполнение данных решений.

Одновременно, полномочия Конституционного Суда могут находить свое отражение в различных формах и способах его работы, что не всегда позволяет единообразно применять все существующие акты Конституционного Суда Российской Федерации, что на практике влечет за собой возникновение проблем при применении тех или иных постановлений Суда.

Так, Конституцией РФ и действующим законодательством предусмотрены следующие полномо-

чия Конституционного Суда в части проверки конституционности норм права:

- оставить юридическую норму в силе, то есть признать ее конституционной;
- оставить норму в силе, но при этом дать указание как ее следует применять;
- признать норму не соответствующей Конституции полностью или в определенной части.

Большой спектр полномочий и дел, которые разрешаются Конституционным Судом России, являются факторами, определяющими особые правила исполнения его решений. Так, акты толкования конституционных норм в большей степени адресованы судам, которые в своей правоприменительной практике должны следовать его указаниям. В то же время, при признании Судом нормы неконституционной, задача по исполнению данных решений возлагается на законодательный орган, который должен привести законы в соответствии с соответствующими актами Конституционного Суда. Предусмотрен шестимесячный срок, в течение которого Правительство Российской Федерации должно внести соответствующий законопроект в Государственную Думу Российской Федерации.

В дополнение к этому, Конституционный Суд Российской Федерации может установить особые правила разрешения дел с учетом выявленных противоречий и актов о неконституционности той или иной нормы права.

Безусловно, судебная практика более динамичный механизм, который может оперативно откликаться на решения Конституционного Суда, нежели процесс принятия законом законодательным органом. Об этом неоднократно упоминал в своих постановлениях Конституционный Суд Российской Федерации, подчеркивая самостоятельность судебных органов определять законность того или иного законодательного акта (Постановление КС от 06 декабря 2017 года № 37-П).

Заключение.

По объективным причинам, не всегда суды оперативно реагируют на указания и позиции Кон-

ституционного Суда Российской Федерации, учитывая их большую загруженность и ориентированность в большей степени на правоприменение. Для них большее значение имеют постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как главного судебного органа в стране.

В мировой практике по-разному трактуется правовой статус органов конституционного контроля. В одних странах они обладают радикальными полномочиями вплоть до отмены неконституционных актов, в других – они дают указание на необходимость определенного способа применения тех или иных конституционных норм.

Конституционный Суд не вправе сам пересмотреть дело, поэтому его воздействие на судебную практику носит ограниченный характер. Это подтверждается и отсутствием санкций за неисполнение постановлений Конституционного Суда Российской Федерации.

Таким образом, функция судебного нормоконтроля и, в особенности, контроля, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации, представляет из себя важную часть контроля за деятельностью законодательной власти в системе разделения властей, что обуславливает предоставление соответствующих полномочий судебным органам реагировать предусмотренными действующими законодательными актами способами и средствами.

Отдельного внимания заслуживают постановления Конституционного Суда Российской Федерации. Существующие проблемы исполнения подобных решений судов обусловлены отсутствием специального законодательства, регулирующего исполнение подобного рода решений, а также проблемами, существующими на региональном и местном уровне в части качества нормативных правовых актов.

Предлагаемые изменения в действующее законодательство, безусловно, будут способствовать развитию института конституционного контроля, повышению правовой культуры и качеству самих нормативных правовых актов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. ISBN: 978-5-91768-139-9 EDN: SDQREV

© Гапоненко О.Ю.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М., 2010. ISBN: 978-5-91768-112-2 EDN: QRSBJX
4. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. ISBN: 978-5-91768-221-1 EDN: SDQRMD
5. Кальяк А.М. Исполнение решений конституционных судов: вопросы теории и практики (на материалах постсоциал. и юрид. наук. 2-е изд. Томск, 2006; М., 2009.
6. Мещеряков П.Н. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о признании нормативных правовых актов неконституционными // Современное право. 2012. № 1. EDN: ORDPBJ

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144.
2. Bondar N.S. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. Moscow, 2011. ISBN: 978-5-91768-139-9 EDN: SDQREV
3. Vitruk N.V. Constitutional Justice. M., 2010. ISBN: 978-5-91768-112-2 EDN: QRSBJX
4. Zorkin V.D. Constitutional and legal development of Russia. M., 2011. ISBN: 978-5-91768-221-1 EDN: SDQRMD
5. Kalyak A.M. Enforcement of decisions of constitutional courts: issues of theory and practice (based on materials from post-Socialist studies. sciences'. 2nd ed. Tomsk, 2006; M., 2009.
6. Meshcheryakov P.N. Enforcement of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in cases of recognition of normative legal acts unconstitutional // Modern Law. 2012. № 1. EDN: ORDPBJ

Информация об авторе

Гапоненко Ольга Юрьевна

старший преподаватель кафедры
конституционного, административного
и гражданского права,
Краснодарский университет МВД России
koty4@mail.ru

Olga Yu. Gaponenko

Senior Lecturer of the Department
of Constitutional, Administrative and Civil Law,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of Russia
koty4@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.11.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автору окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-15>

УДК 343.2/.7

Attribution

cc by

ПРИНЦИП СБАЛАНСИРОВАННОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Иликбаева Е.С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Аннотация. В статье исследуется концепция принципа сбалансированной криминализации как методологической основы для современной уголовной политики Российской Федерации. Автор анализирует динамику уголовного законодательства, выявляя системный дисбаланс между тенденциями гиперкриминализации в сферах государственной безопасности и ИТ-права, с одной стороны, и отдельными примерами взвешенного подхода – с другой. На основе анализа изменений, внесенных в УК РФ в 2025 году, а также правоприменительной практики, статья предлагает систему конкретных требований (верховенство общественной опасности, субсидиарность, нормативная экономия, соразмерность), направленную на обеспечение научной обоснованности, качества и предсказуемости законотворческих решений. Автор обосновывает необходимость институционализации данного принципа через внедрение процедурных гарантий (обязательная экспертиза, законодательный эксперимент, мониторинг) для перехода от количественного расширения к качественной эволюции уголовного права.

Ключевые слова: уголовная политика, сбалансированная криминализация, Уголовный кодекс РФ, гиперкриминализация, законотворчество, принцип субсидиарности, юридическая техника, правоприменение, цифровая преступность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PRINCIPLE OF BALANCED CRIMINALIZATION AS A METHODOLOGICAL BASIS OF MODERN CRIMINAL POLICY

Evgenia S. Ilikbayeva

Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the concept of the principle of balanced criminalization as a methodological basis for the modern criminal policy of the Russian Federation. The author analyzes the dynamics of criminal legislation, revealing a systemic imbalance between the trends of hypercriminalization in the spheres of state security and IT law, on the one hand, and isolated examples of a balanced approach, on the other. Based on an analysis of amendments introduced into the Criminal Code of the Russian Federation in 2025, as well as law enforcement practice, the article proposes a system of specific requirements (supremacy of public danger, subsidiarity, normative economy, proportionality) aimed at ensuring the scientific validity, quality, and predictability of legislative decisions. The author substantiates the need for the institutionalization of this principle through the introduction of procedural guarantees (mandatory expertise, legislative experiment, monitoring) for the transition from quantitative expansion to the qualitative evolution of criminal law.

Keywords: criminal policy, balanced criminalization, Criminal Code of the Russian Federation, hypercriminalization, lawmaking, principle of subsidiarity, legal technique, law enforcement, cyber-crime.

Funding: Independent work.

Введение

Динамика уголовного законодательства представляет собой объективный и закономерный процесс отражения социальных изменений в

системе правовых запретов. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), являясь ядром системы защиты наиболее значимых общественных отношений, постоянно адаптируется к возникающим вызовам: эволюции форм обще-

ственно опасного поведения, трансформации технологической и социальной среды, переосмыслению приоритетов уголовно-правовой охраны. Этот процесс выражается в перманентной корректировке нормативной базы посредством криминализации новых деяний и, в некоторых случаях, декриминализации ранее запрещенных. Однако интенсивность законодательных изменений, характерная для последнего десятилетия, актуализирует фундаментальную проблему, лежащую в основе правотворчества: поиск научно обоснованных, объективных и непротиворечивых критериев для подобных решений. Стихийное, реактивное законотворчество, не опирающееся на четкую методологию, чревато двумя равно опасными крайностями [1, с. 25]. С одной стороны, это консервативное отстаивание уголовного закона от реалий, когда новые формы причинения существенного вреда остаются вне правового поля, что подрывает превентивную и охранительную функции права. С другой – гиперкриминализация, приводящая к избыточному репрессивному давлению, размыванию понятия преступления и перегруженности системы правосудия.

К 2022 году было принято свыше 250 федеральных законов о внесении поправок в УК РФ. Однако большое количество изменений вызывает вопросы об их обоснованности и социальной обусловленности [2].

В качестве концептуального ответа на данную дилемму предлагается принцип сбалансированной криминализации. Этот принцип представляет собой системную методологию законотворческой деятельности, основанную на взвешенном, всестороннем и научно аргументированном подходе к вопросам введения новых уголовно-правовых запретов, требующую строгого соблюдения требований соразмерности, subsidiarity и юридической техники.

Обсуждение

На 12.12.2025 года в УК РФ было принято и официально опубликовано 11 федеральных законов, вносящих изменения. Эти изменения можно сгруппировать по основным направлениям:

1. Изменения в области противодействия терроризму, экстремизму и безопасности:

Расширение перечня преступлений (ст. 20 УК) [3], за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет, за счет включения содействия террористической деятельности, диверсии и ряда новых диверсионных составов. Невозможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК) за новые диверсионные преступления (ст. 281–281.3). Отмена сроков давности (ст. 78, 83 УК) и невозможность условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК) по новым диверсионным статьям. Усиление наказания за организацию и участие в деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК).

Введение нового отягчающего обстоятельства (п. ф. ч. 1 ст. 63 УК) [4]: совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен.

Расширение квалифицирующего признака в ст. 167 УК, а именно «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [5].

2. Введение новых составов преступлений в сфере информационных технологий и связи:

Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции – ст. 274.3 УК. Организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации (ст. 274.4 УК). Организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет» для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса (ст. 274.5 УК) [6]. Криминализация новых видов незаконных операций с электронными средствами платежа (ст. 187 УК), включая передачу карт/доступа третьим лицам («дроповодство») [7].

3. Борьба с коррупцией и защита суверенитета: Незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий на территории Российской Федерации (ст. 294.1 УК) [8].

Уточнение понятия «иностранное должностное лицо» (примечание 2) в нормах о взяточничестве (ст. 290, 291, 291.1 УК). Расширение составов госизмены и санкционных преступлений (ст. 275.1, 284.2, 284.3 УК) путем введения признака «из корыстных побуждений или по найму».

4. Ужесточение в сфере экономических и иных преступлений:

Усиление наказаний за нарушение тайны связи (ст. 183 УК) [9]. Расширение состава преступления в отношении объектов культурного наследия за счет включения «осквернения» (ст. 243.4 УК). Ужесточение ответственности за оборот немаркированной алкогольной и никотинсодержащей продукции (ст. 171.1, 327.1 УК). Уточнение условий отсрочки отбывания наказания для беременных и женщин с детьми (ст. 82 УК), упрощающее ее отмену при совершении нового преступления.

5. Изменения в репрессивных мерах:

Установление уголовной ответственности по ст. 330.1 УК РФ [10] совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение административного правонарушения, преду-

смотренного частью 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, или имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей.

Таким образом, в 2025 году законодатель продолжил курс на гиперкриминализацию в сфере государственной безопасности, борьбы с экстремизмом и терроризмом, введя новые составы и ужесточив режим отбывания наказания по ним. Параллельно активно развивалось уголовное право в цифровой сфере, криминализируя новые способы киберпреступлений.

Проведенный анализ изменений в УК РФ за 2025 год наглядно демонстрирует, что вектор законодательной активности действительно смещён в сторону количественного расширения уголовно-правовых запретов, особенно в публично-правовой и цифровой сферах. Этот курс на гиперкриминализацию, однако, не отменяет императивной потребности в качественных, обоснованных решениях. Именно здесь критически важную роль играет не абстрактная, а прикладная методология, способная придать системность и взвешенность законотворческому процессу.

Принцип сбалансированной криминализации как раз и предлагает такую методологическую основу, конкретизируясь в системе взаимосвязанных требований. Указанный принцип не является абстрактной декларацией, он находит свою конкретизацию в системе взаимосвязанных требований, обязательных для соблюдения при любой законодательной инициативе.

Первое и основополагающее требование – верховенство материального признака преступления, общественной опасности. Криминализация может считаться обоснованной исключительно при доказанности того, что деяние причиняет или создает реальную угрозу причинения существенного вреда личности, обществу или государству, причем такой вред носит объективный и значимый характер. Законодатель обязан продемонстрировать, почему менее репрессивные средства правового регулирования – гражданско-правовые, административные, дисциплинарные – оказываются недостаточными для нейтрализации данной угрозы, тем самым доказывая необходимость вмешательства именно уголовного права [11].

Второе требование – последовательная реализация принципа субсидиарности. Согласно этому принципу, уголовный закон должен рассматриваться как мера исключительная, применяемая лишь тогда, когда все иные средства защиты правопорядка исчерпаны. Прежде чем приступить к формулировке нового состава преступления, необходимо провести исчерпывающую проверку на предмет возможности квалификации нового вида общественно опасного поведения по уже существующим нормам Особенной части УК РФ.

Третье требование – соблюдение правил юридической техники и принципа нормативной экономии. Законодательные формулировки должны быть четкими, технологически нейтральными и концептуальными, описывающими сущность общественно опасного поведения, а не конъюнктурные или быстро устаревающие способы его совершения. Это позволяет обеспечить долгосрочную устойчивость и универсальность правовой нормы, избежать ее стремительного морального устаревания [12, с. 34].

Наконец, четвертое требование – обеспечение соразмерности и дифференциации ответственности. Устанавливаемые санкции должны соответствовать тяжести деяния, а порог уголовной ответственности должен быть четко определен. Зачастую он должен связываться не с самим фактом совершения формально запрещенного действия, а с наступлением конкретных, значительных вредных последствий, что позволяет отсеять малозначительные правонарушения и избежать неоправданного уголовного преследования [13].

Анализ актуальных тенденций развития уголовного законодательства по состоянию на декабрь 2025 года демонстрирует сложное и противоречивое взаимодействие двух разнонаправленных векторов. С одной стороны, наблюдается выраженная тенденция к гиперкриминализации и ужесточению карательной политики в отдельных, преимущественно публично-правовых сферах. Наиболее ярким примером является значительное усиление ответственности за преступления террористической и диверсионной направленности. Законодатель, движимый необходимостью реагирования на исключительные вызовы безопасности, вводит для этой категории дел особый правовой режим, включающий отмену сроков давности, запрет на условное осуждение организаторов и снижение возрастного порога уголовной ответственности. Подобные меры, несмотря на их особую общественно-политическую мотивацию, вступают в определенное противоречие с классическими принципами индивидуализации наказания и гуманизма, ограничивая дискреционные полномочия суда и абсолютизируя карательную функцию. Аналогичные тенденции прослеживаются и в других областях, таких как противодействие незаконному обороту наркотических средств, где уголовная ответственность устанавливается за их пропаганду в информационно-телекоммуникационных сетях.

С другой стороны, законодательная практика 2025 года также продемонстрировала отдельные примеры взвешенного подхода, который выражается в сужении или уточнении предмета преступления, а также в обеспечении правовой определенности. Это позволяет предотвратить избыточное применение уголовной репрессии к деяниям, которые либо не обладают должной степенью общественной опасности, либо могут быть охвачены иными правовыми средствами.

Ярким примером является уточнение законодательной техники в статье 187 УК РФ, осуществленное Федеральным законом от 24.06.2025 № 176-ФЗ. Данные поправки не только ввели новые составы, связанные с оборотами электронных средств платежа, но и добавили детализированные примечания, которые четко определили ключевые понятия, такие как «электронное средство платежа» и «неправомерная операция». Эта конкретизация напрямую соотносится с требованием нормативной экономии и юридической техники, заложенным в принципе сбалансированной криминализации. Она направлена на то, чтобы избежать расплывчатых формулировок и обеспечить единообразное, предсказуемое применение закона. Так, в одном из приговоров, вынесенном Дзержинским районным судом г. Новосибирска в мае 2023 года [14], суду пришлось столкнуться со случаем, когда обвинение включало в предмет преступления не только электронные средства платежа, но и сопутствующие документы по открытию банковского счета и подключению системы дистанционного обслуживания. Несмотря на признание подсудимой вины, суд тщательно проанализировал диспозицию ч. 1 ст. 187 УК РФ (в старой редакции) и пришел к принципиальному выводу. Суд установил, что предметом преступления по данной статье являются лишь те средства и документы, которые предназначены непосредственно для осуществления финансовых операций и дают их обладателю имущественные права или удостоверяют обязательство перечислить деньги (например, поддельные платежные карты, распоряжения о переводе). Что же касается договоров на открытие счета, заявлений на подключение услуг и иных административных документов, то они, по мнению суда, не подпадают под диспозицию статьи 187 УК РФ. Суд аргументировал это тем, что такие документы сами по себе не предоставляют права на распоряжение денежными средствами и не являются средством платежа. В результате суд исключил указание на сбыт этих документов из обвинительного заключения, уточнив и сузив предмет преступления в соответствии с буквой закона.

Это судебное решение служит важным примером того, как принцип сбалансированной криминализации работает на практике через правоприменительную деятельность. Суд, выступая в роли фильтра, предотвратил расширительное толкование состава преступления и исключил из-под действия уголовного закона деяния, которые, хотя и были связаны с преступной схемой, но по своей правовой природе не соответствовали материальному признаку конкретного состава. Подобная практика судебного уточнения и «очищения» квалификации способствует соблюдению принципа соразмерности, даже в условиях, когда законодательная формулировка может допускать неоднозначное толкование.

Кроме того, изменения 2025 года затронули и дифференциацию ответственности, например, поправки в статью 82 УК РФ уточнили процедуру

отмены отсрочки отбывания наказания для беременных женщин и женщин с детьми, детализировав последствия совершения новых преступлений разной тяжести в испытательный период. Это изменение работает на обеспечение принципа соразмерности и индивидуализации наказания, устанавливая более четкие и дифференцированные правовые последствия в зависимости от характера нового правонарушения.

Таким образом, даже в контексте общего курса на расширение уголовного закона, отдельные законодательные решения 2025 года отражают попытку внедрить элементы баланса через повышение точности правовых дефиниций, детализацию составов и уточнение процедурных норм. Эти изменения направлены на то, чтобы новые запреты и механизмы их применения в большей степени соответствовали требованиям юридической определенности, соразмерности и subsidiarity. Важнейшей сферой для применения принципа сбалансированной криминализации сегодня является область цифровых правоотношений и информационной безопасности. Стремясь оперативно противодействовать киберугрозам, законодатель нередко избирает путь криминализации конкретных инструментов или технологий (например, определенных видов вредоносного программного обеспечения, способов доступа), что приводит к созданию норм с ограниченным сроком актуальности. Подлинная сбалансированность требует иной стратегии, основанной на фокусировке на охраняемом благе (собственность, неприкосновенность частной жизни, безопасность информации) и родовых признаках посягательства. Так, большинство так называемых «киберпреступлений» являются традиционными посягательствами, совершенными новыми средствами. Сбалансированный подход диктует приоритет развития доктринального и судебного толкования существующих норм применительно к цифровому контексту, что обеспечивает гибкость, универсальность и устойчивость правового регулирования.

Институционализация принципа сбалансированной криминализации в законотворческом процессе требует внедрения конкретных процедурных гарантий. Первостепенное значение имеет введение обязательной, глубокой и независимой экспертной оценки любого законопроекта, затрагивающего Особенную часть УК РФ. Такая оценка должна давать ответы на строгий перечень вопросов: в чем заключается качественная новизна и повышенная общественная опасность деяния, исключающая его квалификацию по действующим нормам; каков прогнозируемый объем правоприменения новой статьи и связанные с этим нагрузка на правоохранительную систему, судебные издержки и социальные последствия; является ли предлагаемая санкция соразмерной санкциям за преступления сопоставимой тяжести. Кроме того, целесообразно рассмотреть возможность закрепления механизма «законодательного эксперимента» для новых, дискуссионных или технологически зави-

симых составов, устанавливая для них ограниченный срок действия с последующей обязательной парламентской оценкой эффективности и необходимости их пролонгации [15, с. 111]. Наконец, необходима системная, плановая работа по мониторингу правоприменения и ревизии действующего законодательства с целью выявления устаревших, дублирующих или практически не применяющихся норм для их последующей оптимизации или отмены.

Результаты

Проведенный анализ позволяет констатировать, что концепция сбалансированной криминализации не ограничивается областью теоретического моделирования, а обладает значительным практико-ориентированным потенциалом, реализация которого способна оказывать структурирующее воздействие на правотворческий процесс. В качестве ключевого результата исследования следует выделить систематизацию методологических требований, соблюдение которых обеспечивает обоснованность и предсказуемость решений о введении новых уголовно-правовых запретов. Теоретическое осмысление и операционализация принципов верховенства материального признака преступления (общественной опасности), subsidiarity, нормативной экономии и соразмерности формируют четкие критерии оценки законодательных инициатив, препятствуя реактивному и фрагментарному законотворчеству.

Сравнительный анализ современных тенденций развития уголовного законодательства подтверждает наличие системного дисбаланса, выражающегося в одновременном действии двух разнонаправленных векторов – гиперкриминализации в отдельных публично-правовых сферах и точечной либерализации в иных областях. Этот дисбаланс служит эмпирическим подтверждением актуальности предлагаемой методологии, призванной минимизировать риски как чрезмерного репрессивного давления, так и охранительных пробелов.

Применение принципа сбалансированности к наиболее динамичной сфере – правовому регулированию цифровых отношений – демонстрирует его эвристическую ценность. Результатом такого подхода становится вывод о целесообразности стратегии, ориентированной не на криминализацию конкретных технологических ин-

струментов, быстро теряющих актуальность, а на охрану родовых объектов (собственность, неприкосновенность частной жизни) посредством адаптивного толкования существующих составов преступлений. Это позволяет обеспечить долгосрочную стабильность правового регулирования в условиях технологических изменений, избегая избыточного усложнения. Особой частью УК РФ.

Наконец, важным результатом исследования является разработка комплекса процедурных гарантий, направленных на институционализацию принципа сбалансированной криминализации в законодательном процессе. Предлагаемые меры – обязательная независимая экспертиза законопроектов, механизм «законодательного эксперимента» для дискуссионных норм, а также системный мониторинг правоприменения и ревизия действующих норм – формируют практический инструментарий для перехода от количественного расширения уголовного закона к его качественной, научно обоснованной эволюции.

Заключение

Таким образом, устойчивое и эффективное развитие уголовного законодательства в эпоху перманентных социальных, технологических и геополитических трансформаций определяется не скоростью и объемом законодательных реакций, а их концептуальной обоснованностью, качеством и предсказуемостью. Принцип сбалансированной криминализации, интегрирующий в себе требования верховенства общественной опасности, subsidiarity, нормативной экономии и пропорциональности наказания, предлагает стратегию качественной, а не количественной эволюции уголовного права. Эта методология призвана служить сдерживающим фактором против соблазна использовать уголовный закон в качестве универсального и быстрого инструмента решения любых социальных проблем. Ее последовательная реализация способствует трансформации УК РФ из постоянно расширяющегося и фрагментированного перечня запретов в целостный, внутренне сбалансированный, гибкий и гуманистически ориентированный механизм защиты важнейших благ в правовом государстве. Внедрение данного подхода является необходимым условием для сохранения легитимности, эффективности, справедливости и общественного доверия к уголовной юстиции в долгосрочной перспективе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Идрисова А.Д. Криминализация и декриминализация деяний в исторической перспективе: уроки для современного законодателя / А.Д. Идрисова, А.Г. Таилова // Human Progress. 2025. Т. 11. Вып. 5. С. 25. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_5/Ildrisova.pdf (дата обращения 01.12.2025). DOI: 10.46320/2073-4506-2025-5a-25 EDN: BGVLTZ
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659 (дата обращения: 01.12.2025).
3. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.
4. Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 03 мая 2023 года. URL : https://dzerzhinsky-sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=386408514&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 02.12.2025).
5. Пудовочкин Ю.Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 110–125. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125 EDN: LGFCFL
6. Федеральный закон от 15.10.2025 № 378-ФЗ «О внесении изменений в статью 330.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516664/#dst100009 (дата обращения 02.12.2025).
7. Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518986/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100010 (дата обращения 03.12.2025).
8. Федеральный закон от 24.06.2025 № 175-ФЗ «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508354/#dst100009 (дата обращения 03.12.2025).
9. Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/#dst100016 (дата обращения 03.12.2025).
10. Федеральный закон от 28.02.2025 № 31-ФЗ «О внесении изменения в статью 167 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499987/#dst100008 (дата обращения 03.12.2025).
11. Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (зарегистрировано три ссылки на один закон; оставлена одна запись). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511071/ (дата обращения 03.12.2025).
12. Хатюшин В.Ю. Криминализация деяний: актуальные тенденции // Молодой ученый. 2025. № 3(554). С. 205–207. EDN: RJDCQQ
13. Томин В.А. Юридическая техника : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 34.

References:

1. Idrisova A.D. Criminalization and decriminalization of acts in a historical perspective: lessons for a modern legislator / A.D. Idrisova, A.G. Tayova // Human Progress. 2025. Vol. 11. Iss. 5. P. 25. URL : http://progress-human.com/images/2025/Tom11_5/Ildrisova.pdf (date of application 12/01/2025). DOI: 10.46320/2073-4506-2025-5a-25 EDN: BGVLTZ
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.02.2017 № 2-P «On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659 (date of application 12/01/2025).
3. Prosumentov L.M. Criminalization and decriminalization of acts. Tomsk : Tomsk University Press, 2012.
4. Verdict of the Dzerzhinsky District Court of Novosibirsk dated May 03, 2023. URL : https://dzerzhinsky-sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=386408514&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (date of application 12/02/2025).
5. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Modern rulemaking as the basis for the formation of a new theory of criminalization // Lex russica. 2023. Vol. 76. № 1. P. 110–125. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125 EDN: LGFCFL
6. Federal Law № 378-FZ dated 10/15/2025 «On Amendments to Article 330.1 of the Criminal Code of the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516664/#dst100009 (date of application 02.12.2025).
7. Federal Law № 420-FZ dated 17.11.2025 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518986/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100010 (date of application 03.12.2025).
8. Federal Law № 175-FZ dated 06/24/2025 «On Amendments to Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508354/#dst100009 (date of application 12/03/2025).

9. Federal Law № 176-FZ dated 06/24/2025 «On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/#dst100016 (date of application 03.12.2025).
10. Federal Law № 31-FZ dated 02/28/2025 «On Amendments to Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499987/#dst100008 (date of application 12/03/2025).
11. Federal Law № 282-FZ dated 07/31/2025 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (three references to one law were registered; one entry was left). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511071 (date of application 03.12.2025).
12. Khatyushin V.Y. Criminalization of acts: current trends // Young Scientist. 2025. № 3(554). P. 205–207. EDN: RJDCQQ
13. Tomin V.A. Legal technology : textbook. SPb. : St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2015. P. 34.

Информация об авторе

Иликбаева Евгения Сергеевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь
ORCID: 0009-0000-4034-4017
Dilaila-77@yandex.ru

Evgeniya S. Ilikbaeva

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer at the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Crimean branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Simferopol
ORCID: 0009-0000-4034-4017
Dilaila-77@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-5>

УДК 340

Attribution

cc by

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНОЙ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Клюканова Т.М.

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому и нормативному анализу международного сотрудничества государств в противодействии международной и транснациональной преступности. На основе конвенционных актов ООН и региональных объединений (СНГ, ШОС, ОДКБ) уточняются содержание и соотношение понятий, выявляются их общие и отличительные признаки. Предлагаются критерии разграничения по объекту посягательства, объективной стороне и субъектному составу; раскрываются особенности организованной преступной группы. Целью исследования является анализ конвенционного законодательства, международных уголовно-правовых норм, научных исследований, проводимых в том числе ООН, ШОС, ОДКБ в сфере разграничения понятий: международная и транснациональная преступность; выявление общих и индивидуальных признаков разграничения данных понятий, оценка эффективности международно-правовых норм в борьбе с организованной преступностью. Задачи – проанализировать конвенционные нормы, международное законодательство в сфере противодействия и борьбы с международной и транснациональной преступностью; выявить общие тенденции, оценить их в нормативных подходах определения направления на разграничение понятий «международная» и «транснациональная» преступность. Методология. При осуществлении обозначенных задач применены диалектический, сравнительно-правовой, системный и функциональный методы исследования. Результаты. Практическая значимость состоит в формулировании рекомендаций для совершенствования международно-правовых и национальных механизмов координации, правовой помощи и уголовно-правовой квалификации. Обозначаются коллизионные аспекты, оценивается эффективность действующих норм и выявляются направления унификации терминологии и практики преследования. Результаты пригодны правоприменителям и законодателям.

Ключевые слова: международное уголовное право, международная преступность, транснациональная преступность, международное преступление, транснациональное преступление, международная организованная группа.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INTERNATIONAL COOPERATION OF STATES IN THE FIGHT AGAINST INTERNATIONAL AND TRANSNATIONAL CRIMINALITY

Tatiana M. Klyukanova

*North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Abstract. The article focuses on the theoretical, legal, and regulatory analysis of international cooperation between states in combating international and transnational criminality. Based on the UN Convention Acts and regional associations (CIS, SCO, CSTO), the content and correlation of concepts are clarified, and their common and distinctive features are identified. The article proposes criteria for distinguishing between the object of the offense, the objective side, and the subject composition; it also reveals the features of an organized criminal group. The purpose of this study is to analyze the Convention's legislation, international criminal law norms, and scientific research conducted by the UN, the SCO, CSTO in the field of distinguishing between notions: international and transnational criminality; to identify common and individual characteristics of distinguishing between these concepts, and assess the effectiveness of international legal norms in combating organized criminality. The ob-

jectives are to analyze the convention norms and international legislation in the field of countering and combating international and transnational criminality; to identify common trends and assess them in the regulatory approaches to defining the direction for distinguishing between «international» and «transnational» criminality. Methodology: When carrying out the designated tasks used were applied the dialectical, comparative legal, systemic, and functional research methods. Results: The practical significance lies in formulating recommendations for improving international and national mechanisms for coordination, legal assistance, and criminal law qualification. Collision aspects are identified, the effectiveness of existing norms is assessed, and directions for unifying terminology and prosecution practices are identified. The results are suitable for law enforcement agencies and legislators.

Keywords: international criminal law; international criminality, transnational criminality, international crime, transnational crime. international organized group.

Funding: Independent work.

Введение.

Организованная преступность является одной из важных проблем для мирового сообщества. Международное сотрудничество государств в этом направлении реализуется посредством их активного взаимодействия с различными международными организациями, сообществами в принятии совместных нормативно-правовых актов, подписании Конвенций, договоров, соглашений, среди которых, Конвенция ООН 2000 г. о борьбе с транснациональной преступностью, Конвенция ООН 2000 г. о борьбе с транснациональной преступностью, Конвенция ООН о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. и многие другие.

В настоящее время в эпоху формирования многополярного мира международное сотрудничество государств выходит на новый уровень и предполагает необходимость объединить усилия, привлекая все новые государства, ранее не вовлеченные в активное противодействие организованной преступности. Данная тенденция продиктована, в том числе необходимостью выработать правовую квалификацию таких явлений как международная и транснациональная преступность.

Координации действий правоохранительных органов по пресечению проникновения на территорию государств международной и транснациональной преступности во много обеспечивает стабильность и безопасность их существования в мировом сообществе.

Активное формирование многополярного мира расширяет и многополярную систему международных отношений. Этот процесс носит объективный характер. Несмотря на непринятие рядом стран концепции многополярной системы мира, стремления сохранить однополярную модель, этот процесс необратим. Именно этим обусловлена необходимость многочисленных изменений в действующем международном и национальном законодательстве в противодействие организованной преступности.

Рассматривая организованную преступность как родовое понятие, обратимся к определению и разграничениям видовых: международной и транснациональной преступности.

Известно, что в основе содержания международной преступности лежит понятие международного преступления.

В научной литературе существует достаточно много определений международного преступления, так, по мнению проф. И.И. Карпеца, «Международные преступления – это деяния, запрещенные международными соглашениями, причиняющие вред всему мировому сообществу» [1, с. 262].

Согласно ч. 1 ст. 32 Римского статута, международное преступление это осознанное, противоправное деяние, причиняющее вред международному правопорядку.

Признавая международное преступление посягательством на основы мирового сообщества, на мир, мирное сосуществование всего человечества и выделяя преступления против мира, против человечности, геноцид, к преступлениям международного характера обычно относят преступления против прав и свобод личности, экономические, коррупционные, преступления против общественной безопасности.

В юридической литературе также существует много классификаций преступлений международного характера, среди них предложенная проф. И.И. Карпецом: «...Преступления, наносящие ущерб мировому сотрудничеству и нормальному осуществлению межгосударственных отношений; преступления, посягающие на личность, личное, частное, государственное имущество, моральные ценности; иные преступления международного характера: совершенные на борту воздушного судна, разрыв или повреждение морского кабеля, неоказание помощи на море, преступления на морском шельфе и др.» [1, с. 262].

Возвращаясь к понятию «международное преступление, отметим, что дискуссия вокруг понятия и классификации международных преступлений не утихает и в наши дни.

Многие авторы рассматривают сегодня международные преступления как преступления, предусмотренные в Уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также урегулированные международными, всемирными, многосторонними и двусторонними соглашениями.

При этом выделяют:

- преступления против мира и безопасности человечества (агрессивная война, ее развязывание, планирование, подготовка, публичные призывы);
- производство или распространение оружия массового поражения;
- применение запрещенных средств и методов войны;
- геноцид;
- экоцид;
- наемничество;
- нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой [2].

Некоторые авторы предлагают рассматривать в качестве международных преступлений преступления, наносящие вред как отдельным странам, так и международным отношениям, а также, наносящие вред личности, общественной безопасности, здоровью населения, общественной нравственности, природе и т.д. [3].

Приведенные понятия и классификации международных преступлений свидетельствуют об отсутствии единообразного понимания в данном вопросе в мировом сообществе.

В последние десятилетия наряду с понятием «международное преступление» широко рассматривается понятие «транснациональное преступление».

Так, согласно ст. 3 Конвенции против транснациональной организованной преступности 2000 г., преступление носит транснациональный характер, если:

- а) оно совершено в более чем одном государстве;
- б) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
- в) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; или
- г) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Обозначенные виды и признаки не дают четких критериев разграничения транснациональных и международных преступлений. Нет их ни в научной литературе, ни в текстах международно-правовых актов.

По нашему мнению, разграничение между международными и транснациональным преступлениями следует проводить по объекту посягательства, по объективной стороне и по субъекту преступлений, а именно:

Объектом международных преступлений являются общественные отношения по поводу мира, войны, человечности, военные преступления.

Объектом транснациональных преступлений являются общественные отношения в сфере международной экономической деятельности, коррупции, наемничества, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и др.

По объективной стороне, международные преступления характеризуются деяниями, направленными на угрозу миру, международной безопасности, жизни и здоровью человечества, совершаемые в активной форме и как правило, имеющие тяжкие последствия для мирового сообщества.

В подавляющем большинстве случаев транснациональные преступления конституируются как формальные составы преступлений, то есть такие, в которых уголовная ответственность наступает независимо от наступления конкретных последствий, а достаточно лишь совершения запрещенного деяния.

К числу характерных объектов таких преступлений относятся:

- угрозы экономической безопасности международного сообщества;
- коррупция;
- незаконное пиратство и другие общественно опасные действия, осуществляемые как в активной (действием), так и в пассивной (бездействием) форме.

Субъектами международных преступлений являются государства, юридические лица. Что касается физических лиц, то это – специальные субъекты, наделенные властными полномочиями, политические деятели и др.

Субъекты транснациональных преступлений – физические и юридические лица.

Выход организованной преступности на международный уровень потребовал от государств объединить усилия по борьбе с преступностью, выработать правовую квалификацию данного явления, в том числе понятия «организованная международная преступная группа».

Однако общепризнанного понятия и в данном вопросе пока что не сформулировано.

Так, ряд ученых [4] под «...организованной международной преступной группой признает структурно оформленную, построенную на основе принципов самоорганизации группу, состоящую из двух и более лиц, которая отвечает признакам устойчивости, в результате чего существует на протяжении определенного времени и действует с целью постоянного совершения определенного вида преступлений». Отмечается, что «...деятельность данных преступных групп затрагивает экономические, социальные, политические, культурные и иные права и интересы более чем двух государств с целью получения власти (политической, экономической, военной и т.п.). Кроме того, речь идет о материальной либо иной экономической выгоде, которая образуется у данной группы прямым или косвенным способом являющимся преступным» [4, с. 300].

Характерными признаками международной организованной преступной группы, на наш взгляд, являются устойчивость, иерархичность, дисциплинированность, внутренний контроль, профессиональное распределение ролей.

Но данные признаки характеризуют и транснациональную преступную группу. Очевидно, что разграничение данных понятий зависит от вида совершаемых преступлений. В зависимости от того, международное или транснациональное преступление совершает организованная группа, следует определить ее вид.

В Конвенции ООН 2000 г. о борьбе с транснациональной преступностью мы сталкиваемся с понятием «транснациональная преступность».

Данная формулировка признается рядом авторов наиболее удачной, поскольку она, по их мнению, наиболее полно отражает внутреннее содержание данного явления [5].

Исследование ряда международных нормативных актов, особенно Организации Объединенных Наций (ООН) позволяет выделить около двух десятков видов и разновидностей транснациональных преступлений, являющихся структурными элементами транснациональной преступности. К ним можно отнести различные виды обращения с наркотиками, торговлю оружием, незаконное обращение с химическими и ядерными материалами, терроризм внутренний и международный и др.¹

Какими характеристиками обладает понятие «транснациональная преступность»?

В теории международного уголовного права транснациональная преступность, в общем виде,

определяется как преступность, выходящая за рамки одного государства. В структуре транснациональной преступности выделяют три элемента: международные преступления, преступления международного характера и преступления, связанные с иностранцами.

Согласно данной позиции, международные преступления обычно совершаются государствами, их высшими должностными или иными официальными лицами [6].

При этом международными рассматриваются преступления против мира и безопасности человечества и представляющие повышенную опасность для всего человечества. Статут Международного Уголовного Суда к первому виду преступлений отнес преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии.

Какими характеристиками обладают транснациональные преступления?

Согласно классификации ООН, все транснациональные преступления подразделяются на 17 групп:

- отмывание денег;
- терроризм;
- кражи произведений искусства и предметов культуры;
- кража интеллектуальной собственности;
- незаконная торговля оружием;
- угон самолетов;
- морское пиратство;
- захват наземного транспорта и др.

Таким образом, транснациональные преступления и международные преступления близки по своим характеристикам, однако, их не следует отождествлять.

На наш взгляд, разграничить их можно по следующим признакам – международные преступления, например, предусмотренные статьями 353, 356, 357, 358 УК РФ не имеют сроков давности и на них не распространяется обратная сила уголовного закона. Данные характеристики не относятся к транснациональным преступлениям.

Международные преступления рассматриваются специально созданными судебными учреждениями – трибуналами, например, Токийским, Нюрнбергским, которые были вновь созданы и действовали в специфической международной юрисдикции (международном уголовном процессе).

В практике международного уголовного права часто наблюдается пересечение международных

¹ В данной статье не рассматриваются виды международного терроризма. Говорить о видах международного терроризма следует в зависимости от критериев, положенных в основу его классификации.

преступлений с транснациональными: последние могут выступать как составная часть международных преступлений либо совершаться параллельно с ними.

В таких случаях квалификация действий осуществляется на основе принципа совокупности преступлений, что предполагает применение нескольких норм уголовного права одновременно.

Возможны также коллизии правовых норм, требующие разрешения посредством применения коллизионных правил или интерпретации норм международного права в соответствии с принципами гармонизации правовых систем.

Вместе с тем, ряд авторов считают, что международные преступления совершаются как нарушение принципов и норм международного права и включают в себя транснациональные, которые имеют ряд признаков:

а) совершение обычных общеуголовных преступлений, предусмотренных национальными уголовными законами, на территории нескольких государств;

б) в них участвуют граждане 2-х и более государств;

в) они приобретают характер международного бизнеса;

г) они вписываются в систему организованной преступности, иначе им не преодолеть международных барьеров [7].

Следует отметить, что борьба с международной и транснациональной преступностью объединяет усилия мирового сообщества в поисках методов и способов активного им противодействия.

Сотрудничество государств в борьбе с международной и транснациональной преступностью обусловлено рядом факторов, таких как:

- особый характер определенных преступлений, посягающих на интересы нескольких или многих государств;
- потребностями координации усилий по предотвращению преступных действий;
- необходимостью предоставления взаимной правовой помощи в уголовных делах.

Многогранную деятельность в сфере борьбы с международной преступностью выполняют международные организации и прежде всего ООН. Значимую роль в борьбе с предупреждением преступности выполняет Совет Безопасности ООН (СБ ООН).

Помимо этого, активную роль в противодействии и борьбе с международной преступностью играют:

– Международная организация гражданской авиации (ИКАО);

– Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ);

– Международная морская организация (ИМО);

– Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО);

– ИНТЕРПОЛ и др.

Активно развивается сотрудничество в этой сфере СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС и другими организациями.

Рассмотрим роль и значение некоторых из них.

08 декабря 1991 г. на бывшем постсоветском пространстве президенты Республики Беларусь, Российской Федерации, и Украины подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ).

С первых дней создания СНГ осуществляет направленные действия в сфере борьбы с преступностью и противодействие новым вызовам и угрозам. Это – одно из главных направлений деятельности СНГ (Устав СНГ, ст. 4).

Приоритетность данного направления сотрудничества в деятельности СНГ подтверждена Концепцией дальнейшего сотрудничества в деятельности СНГ, одобренной решением Совета глав государств СНГ от 06 октября 2007 г.

Дальнейшее развитие направления борьбы с преступностью стран Содружества было закреплено Решением Совета глав государств СНГ от 11.10.2017 г. Концепция формирует правовые предпосылки дальнейшего системного и согласованного развития сотрудничества государств СНГ в целях обеспечения координированных действий в сфере предупреждения, выявления пресечения, раскрытия коррупционных преступлений и правонарушений в перспективе до 2030 г. [8].

Помимо обозначенных организаций, значительную роль в борьбе с международной и транснациональной преступностью выполняет ШОС. Напомним, что Шанхайская организация сотрудничества является международной региональной организацией, созданной в 2001 г.

В рамках деятельности ШОС, борьба с преступностью, согласно ключевым нормативным документам, формально относится к компетенции государств-членов и осуществляется преимущественно на основе национального законодательства. Однако в условиях усиления процессов глобализации, сопровождающихся систематическим нарушением как международно-правовых норм, так и законодательства нескольких государств одновременно, Организация приобрела инициативу в концептуальном осмыслении трансграничных угроз. В результате, был официально введен термин «транснациональная

© Ключанова Т.М.

преступность» и дано его юридически обоснованное определение: под ним понимаются целенаправленные правонарушения, носящие организованный, трансграничный характер и представляющие угрозу не только суверенитету и безопасности отдельных государств, но и целостности международного правопорядка в целом. Борьба с такими преступлениями, по мнению ШОС, требует координированного, многостороннего взаимодействия государств, основанного на принципах международного сотрудничества, гармонизации правовых подходов и совместного применения оперативно-следственных механизмов.

В данном направлении ШОС разрабатываются нормативно-правовые акты, направленные на координацию деятельности участников организации в борьбе с транснациональной преступностью.

Коллективным актом противодействия транснациональной преступности стало принятие на саммите в Астане Конвенции ШОС по противодействию экстремизму, и Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом на 2016–2018 гг. [9, 10].

15 мая 1992 г. был подписан ряд стран, в том числе и Российская Федерация подписали Договор о коллективной безопасности (ОДКБ), основной задачей которого являлось сохранение взаимодействия армий новообразованных независимых государств.

14 октября 2016 г. Совет коллективной безопасности ОДКБ в Ереване принял Решение об утверждении Стратегии коллективной безопасности до 2025 г., а также о дополнительных мерах по борьбе с терроризмом и создании Центра кризисного реагирования.

Заключение.

В заключение хотелось бы подчеркнуть активное взаимодействие мирового сообщества, международных организаций по формированию основных направлений деятельности в сфере борьбы с международной и транснациональной преступностью.

Актуальную позицию в этом взаимодействии занимает Российская Федерация, проявляющая инициативное участие в формировании альтернативных институтов глобального управления, в сотрудничестве с ЕврАзЭС, Шанхайской органи-

зации сотрудничества, БРИКС, ОДЭКБ и др. организациями, в том числе в борьбе с международной организованной преступностью.

В этой связи, в процессе формирования Российской Федерацией основных направлений противодействия международной организованной преступности, представляется целесообразным введение в раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества» главы 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» УК РФ статьи 354-1 «Публичные призывы к совершению международных и транснациональных преступлений».

Исследование и сравнение международного законодательства в сфере разграничения понятий «международная» и «транснациональная преступность», позволили выявить разночтения в данных понятиях, используемых в международном конвенционном законодательстве и нормативно-правовых документах.

В контексте изучения законодательства в сфере борьбы с международной и транснациональной преступностью, становится ясно, что деятельность государств, направленная на борьбу с организованной преступностью, сталкивается с определенными проблемами с точки зрения единообразной понятийности глобальных международных процессов в сфере борьбы с международной организованной преступностью, единообразной формулировкой квалификации международных уголовных преступлений, с проблемами дальнейшего формирования основных направлений противодействия международной и транснациональной преступности.

Проведенное исследование базируется на анализе информации, полученной из открытых источников по предметной области исследования, в том числе международных конвенций, соглашений, договоров, уголовного законодательства Российской Федерации.

Научная новизна проведенного исследования заключается в формулировке и в рекомендации по разграничению понятий «международная» и «транснациональная» преступность.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для разработки дальнейших моделей уголовного законодательства в сфере борьбы с международной и транснациональной преступностью.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Карпец И.И. Преступления международного характера. М. : Юрид. Лит, 179. 264 с.
2. Яблоков Н.П. Транснациональная организованная преступность и некоторые формы сотрудничества в борьбе с ней // Вестник Московского университета. М. : Изд-во Моск. Ун-та, 2001. № 4. С. 17–26.
3. Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. М. : Юрлитинформ, 2004. 448 с.
4. Лупу А.А. Транснациональное криминальное право / А.А. Лупу, И.Ю. Оськин. М. : «Дело и сервис», 2012. С. 299–300.
5. Квашиш В. Преступность и правосудие: ответы на вызовы XXI века // Российская юстиция. Юрид. лит., 2000. № 9. С. 34–37. EDN: YVTCNN
6. Ключанова Т.М. Содружество независимых государств в борьбе с международной преступностью/ Юридическая наука: история и современность. СПб., 2024. С. 115–124.
7. Байгазиев А.Т. Организованные преступные группировки в современном мире: теоретические основы, структура и функциональные аспекты // Бюллетень науки и практики. 2024. № 8. С. 332–339. ISSN 2414-2948 // лань: электронно-библиотечная система. URL : <https://e.landbook.com/journal/issue/365213> DOI: 10.33619/2414-2948/105/37 EDN: ILSYTN
8. Калюжный А.Н. Новые направления сотрудничества с негосударственными международными организациями как измененная форма взаимодействия в ходе раскрытия и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда / А.Н. Калюжный, Н.Г. Шурухнов // Юрист. 2024. № 5. С. 32–37. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-5-32-37 EDN: JZYRZF
9. Кебиров А.К. Развитие организованной преступности на современном этапе // Закон и право. 2024. № 5. С. 239–242. URL : <https://dlib/eastview.com/browse/doc/97590409> DOI: 10.24412/2073-3313-2024-5-239-242 EDN: NYOKVN
10. Кочои Р.С. Жертвы преступлений транснациональных террористических организаций // Актуальные проблемы российского права. 2023. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.193-200 EDN: ACMMHD

References:

1. Karpets I.I. Crimes of an international character. M. : Yurid. Lit, 179. 264 p.
2. Yablokov N.P. Transnational organized crime and some forms of cooperation in combating it // Bulletin of the Moscow University. M. : Publishing House of Moscow. University, 2001. № 4 . P. 17–26.
3. Kostenko N.I. International criminal law: modern theoretical problems. M. : Yurlitinform, 2004. 448 p.
4. Lupu A.A., Oskin I.Y. Transnational criminal law. M. : «Business and Service», 2012. P. 299–300.
5. Kvashis V. Crime and justice: responses to the challenges of the 21st century // Russian Justice. Jurid. lit., 2000. № 9. P. 34–37. EDN: YVTCNN
6. Klyukanova T.M. The Commonwealth of Independent States in the fight against international crime/ Legal science: history and modernity. SPb., 2024. P. 115–124.
7. Baigaziev A.T. Organized criminal groups in the modern world: theoretical foundations, structure and functional aspects // Bulletin of Science and Practice. 2024. № 8. P. 332–339. ISSN 2414-2948 // lan: electronic library system. URL : <https://e.landbook.com/journal/issue/365213> DOI: 10.33619/2414-2948/105/37 EDN: ILSYTN
8. Kalyuzhny A.N. New directions of cooperation with non-governmental international organizations as a modified form of interaction during the disclosure and investigation of crimes related to human trafficking and the use of slave labor / A.N. Kalyuzhny, N.G. Shurukhnov // Lawyer. 2024. № 5. P. 32–37. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-5-32-37 EDN: JZYRZF
9. Kebirov A.K. The development of organized crime at the present stage // Law and law. 2024. № 5. P. 239–242. URL: <https://dlib/eastview.com/browse/doc/97590409>. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-5-239-242 EDN: NYOKVN
10. Kochoi R.S. Victims of crimes of transnational terrorist organizations // Actual problems of Russian law. 2023. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.193-200 EDN: ACMMHD

Информация об авторе

Ключанова Татьяна Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории права и государства,
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
tatianam1211@mail.ru

Tatyana M. Klyukanova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of Law and State,
North-Western Institute of Management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
tatianam1211@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.10.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-14>

УДК 343.352

Attribution

cc by

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Козина О.А.

Северо-Кавказский филиал Российского университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация. В настоящее время особенно важна роль Вооруженных сил, не только в оборонительных и охранных целях, но и как сдерживающего фактора. Уровень обороноспособности и боевой подготовки зависит от внутреннего порядка и подчиненности в рядах армии. В данном случае, несоблюдение военными воинского устава и законодательства Российской Федерации является особенно опасным. Политические и социально-экономические процессы, происходящие в последние годы в России, затрагивают и сферу обороны. В частности, такие явления, как коррупция, хищение военного имущества, создание и развитие системы криминальных группировок между военными чиновниками и криминальными структурами. Военная служба должна выглядеть престижной для населения, вызывать уважение. В виду введенных санкций, проведения Специальной военной операции на территории Украины, возникают проблемы, связанные с национальной безопасностью и оснащением Вооруженных сил РФ.

Ключевые слова: хищение имущества военных организаций, уголовное право, формы хищения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMINAL AND LEGAL ASPECTS OF EMBEZZLEMENT OF PROPERTY OF A MILITARY ORGANIZATION

Oksana A. Kozina

North Caucasus branch of the Russian University of Justice named After V.M. Lebedev

Abstract. Countering the theft of property of military organizations affects several disciplines at once: criminology, criminal law, criminal procedure, criminology, as well as administrative and civil law. The period of socio-economic crisis, the imposition of sanctions and tension in the international situation is accompanied by internal crisis phenomena in the Russian Federation. In such a period, the role of the Armed Forces is especially important, not only for defensive and security purposes, but also as a deterrent. The level of defense capability and combat training depends on the internal order and subordination in the ranks of the army. In this case, non-compliance by military personnel with the military regulations and legislation of the Russian Federation is particularly dangerous. The political and socio-economic processes taking place in Russia in recent years also affect the defense sector. In particular, such phenomena as corruption, theft of military property, the creation and development of a system of criminal groups between military officials and criminal structures. Military service should look prestigious to the population and command respect. Due to the sanctions imposed and the conduct of a special military operation on the territory of Ukraine, problems arise related to national security and equipping the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: embezzlement of property of military organizations, criminal law, forms of embezzlement.

Funding: Independent work.

Введение.

Эффективность уголовного законодательства в области защиты военной собственности и имущественных прав военных организаций невелика и требует доработки.

Общественная опасность преступлений, связанных с хищением имущества военных организаций связана с высоким уровнем. Это обусловлено тем, что зачастую среди лиц, причастных к преступлению можно увидеть высокопоставленных должностных лиц Министерства обороны РФ.

Цель исследования. Использование различных подходов к рассмотрению криминалистической характеристики не мешает некоторым ученым относить ее к структуре методики расследования преступлений.

Обсуждение.

1. В настоящее время уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает шесть форм хищений:

Р.Е. Токарчук указывает на то, что «сущность кражи заключается в тайном хищении чужого имущества, при котором содержание преступных действий выражается в том, что преступник стремится избежать контакта с собственником, который может препятствовать совершению преступления, изобличить преступника» [2].

В.В. Хилjuta исходит из того, что «кража представляет собой тайный способ действия, при котором преступник полагает, что останется незамеченным, а потерпевший и иные лица не должны осознавать факта преступного изъятия имущества» [3].

Кража. Имеются различные мнения относительно понимания признаков кражи.

Лицо, виновное в совершении преступления, не имеет правомочий на владение, пользование и распоряжение имуществом, поскольку собственник имущества такими полномочиями его не наделяет. Совершение кражи может сопровождаться наличием согласия со стороны третьих лиц. Кража имущества военной организации может быть совершена посредством обманного воздействия на учетную систему или компьютерную программу.

Мошенничество представляет собой хищение чужого имущества или права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Рассматривая понятие «мошенничество», следует указать, что в науке встречаются различные подходы к определению сущности данного понятия.

Например, А.Я. Аснис указывает на то, что «мошенничество представляет собой хищение путем обмана, злоупотребления доверием, использование служебного положения» [4].

Е.А. Бондарь полагает, что мошенничество связано с «использованием лицом функций по управлению имуществом, когда такое имущество не находится во владении преступника, не вверено ему, однако, лицо отдает незаконные приказы для распоряжения таким имуществом, использует подложные документы» [5].

А.А. Чекалин указывает, что мошенничество предусматривает хищение или приобретение прав на имущество должностным лицом или лицом, которое выполняет управленческие функции [6].

Присвоение представляет собой удержание чужого имущества с целью обращения его в свою пользу или в пользу иных лиц. Речь идет о безвозмездном обращении вверенного имущества.

Ю.А. Посохов придерживается мнения, согласно которому, «присвоение представляет собой умышленное противоправное удержание лицом вверенного имущества» [8].

Многие исследователи рассматривают присвоение во взаимосвязи с удержанием имущества. В то же время, противники такого подхода указывают на то, что в случае присвоения, имеются особенности изъятия имущества, к данным особенностям не применим термин «удержать», поскольку он не отражает действия виновного.

О.В. Белокуров указывает на то, что «наличие разных подходов относительно содержания присвоения, когда объективная сторона данного преступления характеризует через термин «удержание», требует вообще исключить данный термин из общего понятия, поскольку он не позволяет раскрыть специфику рассматриваемого деяния» [9]. В то же время он полагает, что «похищаемое вверенное имущество условно можно разделить на динамическое и статическое, а основой деления послужит место нахождения имущества на момент совершения преступления».

Растрата представляется собой хищение, в рамках которого акт распоряжения совпадает с моментом выхода имущества из владения собственника и самого виновного. Растрата происходит путем расходования или потребления способом, позволяющим получить выгоду или полезные свойства виновному лицу. Она представляет собой передачу имущества другому лицу в целях обращения имущества в пользу последнего. Форма передачи имущества не имеет значения, важно, что такая передача совершается в корыстных целях. Растрата инкриминируется, если на момент расследования уголовного дела у виновного не оказывается имущества, и он не может компенсировать его стоимость.

Хищение имущества военной организации путем растраты предусматривает сразу несколько эпизодов. Оно может продолжаться длительное время, а также предусматривать хищение большого количества предметов. Для сокрытия хищений, совершаемых путем растраты, должностные лица могут делать заявления о совершении хищения неизвестными, а также скрыть хищение путем использования фиктивных и подложных документов.

Преступления, связанные с хищением имущества военной организации путем присвоения или растраты выявляются спустя продолжительное количество времени. Время начала совершения преступления не всегда удается установить. Действия, связанные с хищением, могут длиться несколько лет. Данные преступления соверша-

ются в рабочее время, когда есть возможность составить подложные документы без привлечения внимания посторонних лиц, вынести, например, со склада, похищенное. В случае обнаружения незаконного расходования материальных средств, злоупотреблений со стороны должностных лиц, проверяющий обязан предпринять меры для пресечения незаконных действий, докладывает об этом руководителю организации, который обязан провести административное расследование для установления причин нарушения, определить размер причиненного ущерба, привлечь к ответственности виновных лиц. В случае выявления преступления, связанного с хищением, необходимо уведомить следственные органы.

Грабёж предусматривает, что хищение происходит открыто. Открытый характер хищения характеризует объективную сторону данного преступления. Грабёж совершается при наличии контакта преступника и потерпевшего, совершается с применением насилия или угрозы применения насилия. Насильственный грабёж отличается от разбоя характером применяемого насилия. Насилие, применяемое при совершении грабёжа может быть опасным для жизни и здоровья.

Путем грабёжа совершается наименьшее количество хищений имущества военной организации. Путем грабёжа совершаются незапланированные хищения, а изъятие имущества происходит в процессе совершения иных преступлений, например, в результате массовых беспорядков, хулиганства.

Разбой представляет собой наиболее опасную форму хищения, поскольку сопряжен с насилием, которое представляет опасность для жизни и здоровья потерпевшего. Разбой проявляется в форме нападения, т.е. представляет собой внезапное агрессивное воздействие на потерпевшего. Для установления признаков данного преступления не требуется фактическое изъятие имущества или обращение имущества потерпевшего в свою пользу. Такие признаки, как наличие чужого имущества, безвозмездность, противоправность, корыстная цель обязательны для разбойного нападения.

В научной литературе относительно понятия «разбой» имеются сходные подходы к определению.

Например, В.А. Владимиров указывает на то, что «разбой представляет собой активное и неожиданное для потерпевшего действие, которое создает опасность применения насилия над личностью потерпевшего с целью завладения имуществом» [14].

Г.А. Кригер предлагает иное определение, согласно которому «разбой представляет собой насильственное воздействие на потерпевшего, которое может быть открытым, т.е. осознаваться лицом, которое совершает нападение [15].

Л.Д. Гаухман указывает на то, что разбой представляет собой «действие, которое является элементом объективной стороны состава разбоя, характеризует собой связь между посягательством на собственность, личность. Такая связь указывает на единство данных понятий» [16].

Совершению разбойного нападения практически всегда предшествует подготовка. В рамках проведения подготовки заранее определяется объект нападения, например, военнослужащие, несущие службу, сотрудники военной полиции. Подготовительные действия предусматривают изучение порядка несения службы сотрудниками нарядов. Облегчает совершение преступления наличие заблаговременного сговора с должным лицом военной организации, что позволяет облегчить доступ к имуществу. Такие формы хищения имущества военной организации как растрата, грабёж и разбой на практике встречаются крайне редко, ввиду особенностей охранного режима имущества военной организации.

Результаты.

Хищение имущества военной организации представляет собой сложную общественно опасную противоправную деятельность, которая обусловлена факторами, имеющими объективный и субъективный характер, связанную с нарушением имущественного оборота для достижения корыстных целей.

Хищение имущества военной организации направлено на завладение государственным имуществом при наличии корыстного мотива, выполняемое в виде активных действий, совершаемых как военнослужащими, так и лицами, не обладающими данным статусом.

Рассмотрение вопросов, связанных с определением сущности и содержания криминалистической характеристики преступления, а также установлением роли и значения для расследования, по-прежнему актуально.

Заключение.

Таким образом, пресечение хищений имущества военных организаций интегрирует криминалистику, уголовное право и смежные дисциплины, приобретая особую актуальность в условиях социально-экономического кризиса, санкций и специальной военной операции.

Высокая общественная опасность таких преступлений обусловлена участием высокопоставленных должностных лиц и подрывом обороноспособности РФ.

Уголовное законодательство требует доработки для повышения эффективности защиты военной собственности. Классификация хищений по шести формам (кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабёж, разбой) позволяет выделить типичные способы, предметы и следы, с

преобладанием тайных форм вроде кражи и растраты в военной среде. Их высокая общественная опасность связана с участием должностных лиц Минобороны и коррупционными связями.

Уголовное законодательство нуждается в доработке для эффективной защиты военной собственности. Совершенствование подходов поз-

волит минимизировать внутренние угрозы и укрепить воинскую дисциплину.

Проведенная классификация способов хищения имущества военной организации и описание механизма совершения позволяет следователю получить информацию, которая требуется для определения способа хищения, раскрытия преступления.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Филиппова Л.А. Квалификация хищений // Молодой ученый. 2019. № 29(267). С. 121–123. EDN: FBTDAN
2. Токарчук Р.Е. Проблемы института хищения в уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 371–379. EDN: XEFRVT
3. Хиллута В.В. Формы хищения в доктрине уголовного права. С. 26–27.
4. Аснис А.Я. Проблемы совершенствования действующего уголовного законодательства об ответственности за служебные преступления // Российский судья. 2005. № 5. 44 с. EDN: OKDLGP
5. Бондарь Е.А. Уголовно-правовая характеристика мошенничества и связанных с ним преступлений в сфере финансовой деятельности // Система СПС «КонсультантПлюс».
6. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / А.А. Чекалин [и др.]. М., 2006. С. 234.
7. Криминалистика. Схемы и терминология : учеб. пособие / И.А. Возгрин [и др.]. СПб., 2000. 81 с.
8. Посохов А.Ю. Присвоение и растрата как формы хищения в малом предпринимательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2006. С. 15–16. EDN: NNYQOT
9. Белокуров О.В. Присвоение вверенного имущества: понятие и особенности // Следователь. 2002. № 12. 2 с; 48 с.
10. Вилитенко Т.О. Дифференциация уголовной ответственности за хищение чужого имущества // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 26-3. С. 33–35. DOI: 10.18411/lj-31-05-2017-46 EDN: ZBMFJH
11. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 422. ISBN: 5-94201-062-5 EDN: UBTAMH
12. Гаухман Л.Д. Ответственность за преступления против собственности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. М., 1997. С. 81.

References:

1. Filippova L.A. Qualification of embezzlement / Young scientist. 2019. № 29(267). P. 121–123. EDN: FBTDAN
2. Tokarchuk R.E. Problems of the institution of embezzlement in criminal law // Criminalist's Library. 2016. № 6. P. 371–379. EDN: XEFRVT
3. Khilyuta V.V. Forms of embezzlement in the doctrine of criminal law. P. 26–27.
4. Asnis A.Ya. Problems of improving the current criminal legislation on responsibility for official crimes // The Russian judge. 2005. № 5. 44 p. EDN: OKDLGP
5. Bondar E.A. Criminal and legal characteristics of fraud and related crimes in the field of financial activity // The SPS «ConsultantPlus» system.
6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / A.A. Chekalin [et al.]. M., 2006. 234 p.
7. Forensics. Schemes and terminology : textbook / I.A. Vozgrin [et al.]. SPb., 2000. 81 p.
8. Posokhov A.Y. Appropriation and embezzlement as forms of embezzlement in small business : dis. ... kand. jurid. sciences. Rostov-on/D., 2006. P. 15–16. EDN: NNYQOT
9. Belokurov O.V. Appropriation of entrusted property: the concept and features // Investigator. 2002. № 12. 2 p.
10. Vilitenko T.O. Differentiation of criminal liability for theft of other people's property // Trends in the development of science and education. 2017. № 26-3. P. 33–35. DOI: 10.18411/lj-31-05-2017-46 EDN: ZBMFJH
11. Boitsov A.I. Crimes against property. SPb., 2002. 422 p. ISBN: 5-94201-062-5 EDN: UBTAMH
12. Gaukhman L.D. Responsibility for crimes against property / L.D. Gaukhman, S.V. Maksimov. M., 1997. 81 p.

Информация об авторе

Козина Оксана Александровна

преподаватель кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского университета правосудия
им. В.М. Лебедева
oksana_k_135@mail.ru

Oksana A. Kozina

Lecturer at the Department of Criminal Law,
North Caucasus branch of the Russian University
of Justice named After V.M. Lebedev
oksana_k_135@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.11.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-6>

УДК 343.98

Attribution

cc by

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Лозовский Д.Н.¹, Ульянова И.Р.²

¹Кубанский институт социэкономии и права
(филиал Академии труда и социальных отношений),
²Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье авторами рассмотрены особенности производства следственного осмотра при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. Диапазон правонарушений простирается от сетевых домогательств до комплексных мошеннических операций и несанкционированного доступа к конфиденциальным сведениям. Специфика данных преступлений выходит за рамки традиционных криминальных схем, зачастую представляя собой сложные многоступенчатые операции, требующие особого криминалистического подхода. В рамках статьи рассмотрена классификация следственного осмотра, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты проведения отдельных видов данного следственного действия. В ходе изучения судебно-следственной практики выявлены проблемные аспекты и предложены пути их решения. По итогам исследования разработаны отдельные рекомендации по совершенствованию производственного следственного осмотра по делам исследуемой категории.

Ключевые слова: следственный осмотр, осмотр места происшествия, осмотра предметов и документов, тактика производства следственных действий, преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий; организация производства следственных действий.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CERTAIN ASPECTS OF THE INVESTIGATIVE INSPECTION IN CRIMINAL CASES OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Denis N. Lozovsky¹, Irina R. Ulyanova²

¹Kuban Institute of Socio-Economics and Law
(branch of the Academy of Labor and Social Relations),
²Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. In the article, the authors consider the specifics of conducting an investigative inspection in the investigation of crimes committed using information and communication technologies. The range of offenses ranges from online harassment to complex fraudulent transactions and unauthorized access to confidential information. The specifics of these crimes go beyond the traditional criminal schemes, often representing complex multi-stage operations that require a special forensic approach. The article considers the classification of the investigative examination, the criminal procedural and criminalistic aspects of certain types of this investigative action. During the study of judicial and investigative practice, problematic aspects were identified and ways of solving them were proposed. Based on the results of the study, separate recommendations have been developed to improve the industrial investigative inspection in cases of the category under study.

Keywords: investigative inspection, inspection of the scene, inspection of objects and documents, tactics of investigative actions, crimes in the field of information and communication technologies; organization of investigative actions.

Funding: Independent work.

Введение.

Преступные деяния в области информационно-коммуникационных технологий сегодня представляют собой динамично эволюционирующий сегмент криминалистической практики.

На фоне цифровой трансформации общества и экспоненциального роста обрабатываемой информации, противоправные действия в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) приобретают все более изощренный характер. Диапазон таких правонарушений простирается от сетевых домогательств до комплексных мошеннических операций и несанкционированного доступа к конфиденциальным сведениям. Специфика данных преступлений выходит за рамки традиционных криминальных схем, зачастую представляя собой сложные многоступенчатые операции, требующие особого криминалистического подхода.

Обсуждение.

Следственный осмотр является следственным действием, представляющим собой процесс прямого восприятия осматриваемых объектов с целью обнаружения и закрепления их признаков и свойств, позволяющих судить об обстоятельствах расследуемого события.

В соответствии со статьей 176 УПК РФ, осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

А.А. Эксархопуло считает, что следственный осмотр следует классифицировать:

1. По объему осмотра:

- осмотр места происшествия (местности, жилища, иных помещений) (ч. 1 ст. 176 УПК РФ);
- осмотр помещений и местности, не являющихся местом происшествия (ч. 1 ст. 176 УПК РФ);
- осмотр трупа (ст. 178 УПК РФ);
- осмотр предметов и документов (ч. 1 ст. 176 УПК РФ);
- осмотр живых лиц (освидетельствование).

2. По последовательности:

- первичный;
- повторный (если первичный был проведен некачественно, без использования технических средств или ввиду объективной невозможности его качественного проведения).

3. По объему:

- основной;

- дополнительный (если требуется расширить границу ранее осмотренного участка либо осмотреть ранее не осмотренные участки в пределах границ) [1].

Следственный осмотр является важным процессуальным действием в рамках расследования преступлений в сфере ИКТ. В отличие от других дел, где в центре внимания вещественные доказательства и видимые следы, в расследовании киберпреступлений основной упор делается на анализ цифровой информации. Это влечет за собой изменения в методике самого осмотра.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть нестандартную природу осмотра места происшествия в расследовании киберпреступлений.

С одной стороны, осмотр может охватывать физические объекты: рабочее пространство подозреваемого, офисные помещения, серверные комнаты, где физически размещена техника, предположительно хранящая информацию, релевантную для расследования.

С другой стороны, в сферу следственного интереса попадают логические структуры: жесткие диски, файловые системы, логи сетевых подключений, содержимое электронной почты, облачных хранилищ и даже данные, переданные по каналам связи в момент совершения противоправных действий.

Тактика проведения осмотра в подобных ситуациях должна быть выстроена с учетом специфики работы с цифровыми доказательствами.

Основной задачей следователя является гарантирование их целостности и подлинности. Для этого активно используется метод создания копий носителей информации с использованием специализированных технических средств и программных решений [2]. Процесс же фиксации действий протоколируется не только в официальном протоколе, но и посредством видеофиксации.

Визуальный осмотр помещения должен включать анализ следующих характеристик:

- тип помещения (административное, жилое, общественное или служебное);
- наличие систем безопасности (охрана, сигнализация, видеонаблюдение);
- состояние и надежность входных групп и оконных проемов [3].

Такой структурированный подход обеспечивает полноту и достоверность собранных доказательств.

Изучение судебно-следственной практики расследования преступлений в сфере ИКТ, наглядно демонстрирует важность качественного проведения следственных осмотров и фиксации цифровых данных. В частности, из материалов

дела приговора Заводского районного суда г. Саратова (Саратовская область) № 1-538/2024 от 21 ноября 2024 г. по делу № 1-538/2024 [4], следует, что ФИО1 четырежды совершила неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло копирование компьютерной информации, лицом с использованием своего служебного положения.

В данном приговоре описаны следующие следственные действия:

- осмотр оптических дисков с трудовыми документами подозреваемой, сканированными договорами и личными данными абонентов;
- осмотр мобильного телефона подозреваемой с записями переписок и голосовыми сообщениями, имеющими отношение к противоправным действиям;
- осмотр видеозаписей с камер наблюдения, зафиксировавших ее действия в рабочем помещении;
- изъятие мобильного телефона в рамках процессуального действия по расследованию.

Каждое из вышеуказанных действий было тщательно запротоколировано. Это позволило гарантировать допустимость полученных доказательств и полностью подтвердить факт незаконного доступа к компьютерной информации с использованием служебного положения, совершенного ФИО1, квалифицированного по ч. 3 ст. 272 УК РФ. Судебная инстанция признала полученные цифровые доказательства допустимыми и назначила наказание в виде условного лишения свободы.

Другой пример – приговор Асбестовского городского суда (Свердловская область) № 1-271/2023 1-8/2024 от 06 июня 2024 г. по делу № 1-271/2023 [5]. Из материалов дела следует, что ФИО6 и ФИО7 совершили неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло блокирование, модификацию компьютерной информации, из корыстной заинтересованности, группой лиц по предварительному сговору.

Основное внимание было сосредоточено на офисе продаж оператора сотовой связи. Именно там была осуществлена замена SIM-карты, ставшая ключевым звеном в преступном плане.

Не менее важным стало изучение видеоматериалов. Записи с камер видеонаблюдения помогли установить маршруты передвижения подозреваемых, воссоздать хронологию событий и подтвердить их пребывание в салоне связи в конкретное время. Исследование электронных носителей информации – CD-дисков с детализацией звонков, данных переписки, мобильных телефонов и компьютеров – позволило выстроить «цифровой след». Анализ активности подозре-

ваемых в мессенджерах, системах онлайн-платежей и социальных сетях помог получить детальное представление об их действиях. Собранные данные внесли существенный вклад в воссоздание полной картины преступления.

Дополнительным источником информации послужили результаты оперативно-разыскных мероприятий. Они также подверглись тщательному документальному осмотру. Оценка этих сведений, в комплексе с другими доказательствами, привела суд к заключению о виновности обвиняемых.

Особое внимание необходимо уделять привлечению специалиста, в качестве которого может выступать программист, инженер по средствам связи или системный аналитик. В ходе осмотра специалист оказывает содействие в обнаружении, фиксации и изъятии следов (в том числе цифровых). Роль специалиста также может заключаться в обеспечении доступа к компьютерным данным, имеющим значение для дела, которые при осмотре электронных носителей информации могут быть в зашифрованном виде. Необходимо отметить, что ввиду сложной структуры цифровых следов, данные, содержащиеся в них, могут быть получены и интерпретированы в полном объеме и без изменения содержания с использованием специальных знаний [6].

Привлечение специалистов в сфере информационных технологий представляет собой важный компонент осмотра. С учетом высокого уровня технической сложности, возникающего перед правоохранительными органами при обнаружении, извлечении и фиксации цифровых следов, участие таких экспертов помогает снизить вероятность утраты данных и увеличить точность их анализа. Это приобретает особую значимость при изучении программного обеспечения, журналов сетевой активности, криптографических методов защиты информации, инструментов удаленного доступа и иных аспектов информационной инфраструктуры преступления.

Тактика проведения следственного осмотра обязана принимать во внимание недолговечность существования цифровых следов. Данные, не являющиеся доказательную ценность, подвержены легкому удалению, сокрытию или шифрованию, в том числе автоматическому – после заранее установленного периода времени или при отключении устройства [7]. В связи с этим, осмотр должен проводиться незамедлительно, нередко даже до официального возбуждения уголовного дела, в формате осмотра места происшествия по обнаруженным признакам преступления. Пренебрежение этим требованием увеличивает риск потери доказательств, а сами следы преступления могут быть уничтожены без возможности восстановления.

Особого рассмотрения требует процедура фиксации выполненных мероприятий. В протоколе следует с максимальной точностью указывать место обнаружения каждого изъятых предмета,

его технические параметры, визуальные особенности, применяемое программное обеспечение на момент изъятия, а также прочие данные, которые могут оказаться важными для последующей экспертизы. Привлечение понятых, фото- и видеофиксация, составление описи, опечатывание носителей информации – все эти элементы обеспечивают подтверждение подлинности следственных действий.

Результаты.

В преступлениях с информационными технологиями особую роль играют именно материальные следы, ведь они имеют неординарные индивидуальные особенности. Последние могут быть присущи традиционным видам преступлений. Поэтому, проводя осмотр места происшествия, прежде чем погружаться во внутреннее содержание компьютерных устройств, следует тщательно осмотреть внешний вид предмета исследования.

В процессе работы операционной системы на ее поверхности оседает естественная и бытовая пыль (от распечатывающих устройств), которая не подлежит ежедневной уборке, накапливается в малодоступных местах (под монитором, системным блоком, клавиатурой, факсом, принтером, в местах соединения кабелей и т.п.), следовательно, не исключено, что во время вероятных несанкционированных действий с компьютерными системами, преступник оставил следы [8].

Дополнительно, при осмотре электронных устройств следует учитывать аспекты, касающиеся соблюдения неприкосновенности частной жизни, тайны переписки и персональных данных. Получение доступа к зашифрованным файлам, электронной почте, облачным сервисам и мессенджерам допустимо лишь при наличии соответствующего судебного решения, либо в рамках исключений, предусмотренных уголовно-

процессуальным законодательством. Так, Конституционный Суд РФ в Определении от 24 июня 2021 г. № 1364-О [9] отметил, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения.

Вместе с тем, лица, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суде в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ.

Заключение.

Таким образом, можно констатировать, что следственный осмотр по делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, является многогранным действием, которое совмещает классические тактические приемы с новыми цифровыми способами фиксации доказательств.

Данное мероприятие предполагает не просто наличие специального оборудования, но и существенную подготовку следователя, включая понимание принципов работы цифровой среды, навыки сотрудничества с профильными экспертами, а также соблюдение процессуальных норм.

Все это способствует повышению эффективности расследования и корректной юридической оценке преступных действий, имевших место в киберпространстве.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Эксархопуло А.А. Криминалистика в схемах : учебник для вузов. 3-е изд., перераб., и доп. М., 2025. 366 с.
2. Кахрамонов А. Инструменты цифровой криминалистики // Наука, инновации и образование: ключевые векторы общественного прогресса. 2024. Т. 1. №. 1. 84 с.
3. Миронова А.В. Основания и процессуальные условия проведения осмотра места происшествия / А.В. Миронова, Ю.С. Мандрыка // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1(92). С. 106–110. EDN: VJLZOR
4. Приговор Заводского районного суда г. Саратова (Саратовская область) № 1-538/2024 от 21 ноября 2024 г. по делу № 1-538/2024. URL : <https://sudact.ru/regular/doc>
5. Приговор Асбестовского городского суда (Свердловская область) № 1-271/2023 1-8/2024 от 06 июня 2024 г. по делу № 1-271/2023. URL : <https://sudact.ru/regular/doc>

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

6. Лебедев В.С. Тактические особенности осмотра места происшествия при расследовании компьютерных преступлений / В.С. Лебедев, К.С. Чугунова // International & Domestic Law: Материалы XVII Ежегодной международной научной конференции по национальному и международному праву. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. С. 1065–1071.
7. Петрова А.О. О возможности внедрения вспомогательной методики сбора доказательств для повышения эффективности расследования киберпреступлений / А.О. Петрова, М.Н. Жукова // Фундаментальные проблемы информационной безопасности в условиях цифровой трансформации. 2020. С. 347. EDN: IBVNQQ
8. Поваляев Э.А. Особенности осмотра места происшествия по преступлениям в сфере компьютерной информации // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2024. С. 294–305. EDN: GCIOAL
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1364-О // ИПС «Гарант». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401428484>

References:

1. Exarchopulo A.A. Criminalistics in schemes: textbook for universities. 3rd ed., revised and supplemented by M., 2025. 366 p.
2. Kakhramonov A. Tools of digital criminalistics // Science, innovation and education: key vectors of social progress. 2024. Vol. 1. № 1. 84 p.
3. Mironova A.V. The grounds and procedural conditions for conducting an inspection of the scene / A.V. Mironova, Yu.S. Mandryka // Jurist-Pravoved. 2020. № 1 (92). P. 106–110. EDN: VJLZOR
4. Verdict of the Zavodskoy District Court of Saratov (Saratov region) № 1-538/2024 dated November 21, 2024 in case № 1-538/2024. URL : <https://sudact.ru/regular/doc>
5. Verdict of the Asbestovskiy City Court (Sverdlovsk region) № 1-271/2023 1-8/2024 dated June 06, 2024 in case № 1-271/2023. URL : <https://sudact.ru/regular/doc>
6. Lebedev V.S. Tactical features of incident site inspection in the investigation of computer crimes / V.S. Lebedev, K.S. Chugunova // International & Domestic Law: Proceedings of the XVII Annual International Scientific Conference on National and International Law. Yekaterinburg : Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2023. P. 1065–1071.
7. Petrova A.O. On the possibility of introducing an auxiliary evidence collection methodology to improve the effectiveness of cybercrime investigations / A.O. Petrova, M.N. Zhukova // Fundamental problems of information security in the context of digital transformation. 2020. P. 347. EDN: IBVNQQ
8. Povalyaev E.A. Features of the inspection of the scene of crimes in the field of computer information // Anticriminal policy: actual problems of the regions: a collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference. Samara, 2024. P. 294–305. EDN: GCIOAL
9. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Fomin Evgeny Petrovich for violation of his constitutional rights by Articles 93, 176, 177 and part two of Article 184 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 24, 2021 № 1364-O // IPS «Garant». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401428484>

Информация об авторах

Лозовский Денис Николаевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры общетеоретических дисциплин,
Кубанский институт социэкономики и права
(филиал Академии труда и социальных отношений)
dlozovsky@mail.ru

Ульянова Ирина Рачиковна

кандидат юридических наук,
доцент,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
amfora-74@mail.ru

Denis N. Lozovsky

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of General Theoretical Disciplines,
Kuban Institute of Socio-Economics and Law
(branch of the Academy of Labor and Social Relations)
dlozovsky@mail.ru

Irina R. Ulyanova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Deputy Head of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
amfora-74@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.11.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.12.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-7>

УДК 341.3

Attribution

cc by

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Мельничук В.А.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Статья посвящена анализу основных положений международного гуманитарного права (МГП) в контексте его применения в борьбе с терроризмом. В данной работе рассматриваются теоретические и правовые основы МГП, его ключевые принципы и возможность их реализации при противодействии террористической деятельности. Исследование направлено на выявление потенциала МГП в обеспечении соблюдения прав человека и гуманитарных норм в условиях борьбы с одним из наиболее актуальных глобальных вызовов – терроризмом. В данной статье уделяется особое внимание проблеме отсутствия единого международно-правового определения терроризма и сложности привлечения к ответственности негосударственных вооружённых формирований, которые систематически нарушают нормы гуманитарного права, анализируется роль международных институтов, в частности Организации Объединённых Наций и Международного уголовного суда, в разработке правовых механизмов противодействия террористическим угрозам. Также рассматривается значение региональных правовых систем в этом контексте. В ходе проведенного исследования были выявлены существенные противоречия между задачами обеспечения безопасности и гарантией прав человека. Данная дилемма требует поиска оптимального баланса между антитеррористическими мерами и международными гуманитарными стандартами. Автор приходит к выводу о необходимости усиления международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, гармонизации национальных законодательных актов с нормами международного права, а также разработки эффективных механизмов привлечения террористов и их сообщников к уголовной ответственности. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для совершенствования международно-правовой практики и разработки новых подходов к противодействию терроризму.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, терроризм, международная безопасность, вооружённые конфликты, права человека, ООН, международное уголовное правосудие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ANALYSIS OF THE MAIN PROVISIONS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE CONTEXT OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM

Viktor A. Melnichuk

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article analyzes the main provisions of international humanitarian law (IHL) in the context of its application in the fight against terrorism. This paper examines the theoretical and legal foundations of IHL, its key principles and the possibility of their implementation in countering terrorist activities. The study aims to identify the potential of IHL in ensuring respect for human rights and humanitarian norms in the context of combating one of the most pressing global challenges – terrorism. This article focuses on the problem of the lack of a unified international legal definition of terrorism and the difficulty of bringing to justice non-State armed groups that systematically violate humanitarian law. It analyzes the role of international institutions, in particular the United Nations and the International Criminal Court, in developing legal mechanisms to counter terrorist threats. The importance of regional legal systems in this context is also considered. The study revealed significant contradictions between the objectives of ensuring security and guaranteeing human rights. This dilemma requires finding the

© Мельничук В.А.

optimal balance between anti-terrorism measures and international humanitarian standards. The author concludes that it is necessary to strengthen international cooperation in the field of combating terrorism, harmonize national legislation with international law, and develop effective mechanisms for bringing terrorists and their accomplices to criminal responsibility. The results obtained in the course of the research can be used to improve international legal practice and develop new approaches to countering terrorism.

Keywords: international humanitarian law, terrorism, international security, armed conflicts, human rights, the United Nations, international criminal justice.

Funding: Independent work.

Введение.

Современный мир сталкивается с высокой степенью динамизма в международных отношениях, а также с ростом глобальных угроз, среди которых терроризм занимает особое место. Данная проблема носит трансграничный характер и затрагивает безопасность как отдельных государств, так и всего международного сообщества. Более того, терроризм оказывает прямое влияние на права и свободы человека.

Эффективная борьба с терроризмом требует комплексного подхода, включающего в себя сочетание национальных мер, международных правовых механизмов и соблюдение принципов международного гуманитарного права.

Международное гуманитарное право (МГП) представляет собой важнейшую отрасль международного права, призванную регламентировать поведение субъектов в ходе вооруженных конфликтов и гарантировать защиту лиц, пострадавших от военных действий. Фундамент МГП составляют Женевские конвенции 1949 года, Дополнительные протоколы к ним 1977 года и нормы обычного права войны. Принципы гуманности, различия, пропорциональности и военной необходимости служат универсальными ориентирами в любых формах вооруженного противостояния.

Несмотря на то, что терроризм не всегда связан с традиционными военными конфликтами, многие террористические акты совершаются в условиях вооруженных столкновений, что делает применение норм МГП в данной сфере весьма актуальным.

Актуальность настоящего исследования обусловлена острой потребностью в разработке правовых инструментов, обеспечивающих эффективное противодействие терроризму в строгом соответствии с международными стандартами защиты прав человека. Особое значение приобретает анализ взаимосвязи норм международного гуманитарного права с национальными и международными механизмами борьбы с террористическими угрозами, а также выявление проблемных моментов, связанных с квалификацией терроризма и определением ответственности негосударственных субъектов.

Цель настоящей работы – исследование основных положений международного гуманитарного

права (МГП) в контексте противодействия терроризму. В ходе исследования будут определены проблемные моменты применения норм МГП и предложены пути совершенствования правового регулирования в данной области.

Анализ будет проводиться на основе современных научных трудов, международных конвенций и резолюций ООН, что позволит обеспечить комплексный подход к рассмотрению актуальной проблемы обеспечения безопасности и правовой защиты в условиях глобальных угроз.

Обсуждение.

В современной международной обстановке наблюдается увеличение количества глобальных вызовов и угроз [1], к числу которых относится терроризм. Данный феномен носит транснациональный характер, подрывая безопасность отдельных государств и всего международного сообщества, а также грубо нарушая фундаментальные права человека.

В условиях нарастающей глобализации террористическая деятельность приобретает все более организованный и системный характер, выходя за рамки локальных проблем и превращаясь в фактор международной нестабильности.

Одним из наиболее действенных правовых механизмов регулирования поведения участников вооруженных конфликтов [2] является международное гуманитарное право. Нормы данного права применимы и в контексте борьбы с терроризмом, что делает его важным инструментом в противодействии этой угрозе.

Международное гуманитарное право (МГП) развивалось как система норм, призванная ограничить способы и методы ведения военных действий и гарантировать защиту лиц, пострадавших в результате вооруженных конфликтов. Фундаментом МГП служат Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы 1977 года, дополненные нормами обычного права войны [3].

Ключевые принципы МГП – гуманность, различие между участниками боевых действий и гражданским населением; соразмерность и военная необходимость – обладают универсальным характером и поэтому применимы к любым ситуациям вооруженного противостояния, в том числе к конфликтам с участием террористических организаций.

Терроризм является наиболее явным нарушением этих норм, поскольку террористические акты направлены, в первую очередь, против гражданского населения, объектов инфраструктуры, представителей гуманитарных организаций и государственных органов, что прямо противоречит духу и букве международного гуманитарного права.

Несмотря на наличие международных конвенций, таких как Конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, которые регулируют отдельные аспекты террористической деятельности, отсутствие единого универсального определения терроризма [4] в международном праве создаёт существенные трудности для правоприменения.

В результате отсутствия единой стратегии, наблюдается разрозненность международных правовых инструментов и несогласованность национальных законодательных систем.

Отдельная проблема связана с деятельностью негосударственных вооружённых формирований. Международное гуманитарное право (МГП) распространяется не только на действия государств, но и на организованные вооружённые группы [5; 6], обладающие структурой и способностью вести систематические боевые действия. Однако террористические организации, как правило, пренебрегают нормами МГП, сознательно прибегая к запрещённым методам. Это усложняет привлечение их к ответственности и требует совершенствования международных судебных механизмов.

Организация Объединённых Наций (ООН) занимает ключевое положение в разработке и реализации глобальной стратегии противодействия терроризму.

Совет Безопасности ООН систематически принимает резолюции, направленные на пресечение финансирования террористической деятельности, усиление контроля за оборотом оружия и содействие международному сотрудничеству государств в этой сфере.

Международный уголовный суд, хотя его Устав не содержит прямого упоминания терроризма, изучает возможность квалификации террористических актов как военных преступлений или преступлений против человечности в соответствующем контексте.

Значительное значение также имеет развитие региональных правовых систем, в рамках которых государства-члены выстраивают согласованные подходы к борьбе с терроризмом.

Несмотря на наличие международно-правовых норм, направленных на борьбу с терроризмом, практика сталкивается с рядом существенных проблем.

Во-первых, отсутствие единого общепризнанного определения терроризма затрудняет единообразное применение международных правовых норм.

Во-вторых, проведение антитеррористических операций может привести к нарушению гуманитарного права государствами, в частности, вследствие применения чрезмерной силы и причинения ущерба гражданскому населению.

В-третьих, часто возникает дилемма между требованиями обеспечения безопасности и соблюдением прав человека, что порождает острые дискуссии в научных и политических кругах.

Дополнительно возникают трудности с привлечением к международной юридической ответственности негосударственных субъектов, таких как частные военные компании и террористические организации, а также с совершенствованием механизмов взаимодействия между международными и национальными правовыми системами.

Результаты.

Для повышения эффективности международно-правового регулирования борьбы с терроризмом необходимо предпринять ряд мер.

Во-первых, в рамках Организации Объединённых Наций должно быть выработано единое, всеобъемлющее определение терроризма.

Во-вторых, требуется усовершенствовать механизмы привлечения террористов и, их пособников, к уголовной ответственности на международном уровне.

В-третьих, национальные законодательства стран должны быть гармонизированы с нормами международного гуманитарного права.

Перспективным направлением сотрудничества государств в этой сфере является обмен разведывательной информацией, экстрадиция преступников и проведение совместных расследований. При этом важно соблюдать баланс между обеспечением безопасности и защитой прав человека. Игнорирование гуманитарных стандартов ведет к разрушению доверия к международному правопорядку и созданию условий для радикализации.

Международное гуманитарное право играет решающую роль в создании правовой базы для противодействия терроризму. Оно не только устанавливает ограничения на ведение военных действий, но и определяет этические принципы, направленные на защиту человеческой жизни и достоинства даже в условиях глобальных угроз.

Для совершенствования правовых механизмов борьбы с терроризмом необходима консолидация усилий международного сообщества [7; 8].

Это предполагает укрепление роли международных организаций, развитие судебной практики по делам о терроризме и гармонизацию национальных законодательств в этой сфере.

Ключевым принципом в борьбе с терроризмом должен стать баланс между эффективностью мер противодействия и неукоснительным соблюдением норм гуманитарного права. Такой подход позволит обеспечить международную безопасность и гарантировать защиту фундаментальных прав человека.

Заключение.

Анализ основных положений международного гуманитарного права (МГП) в контексте противодействия терроризму свидетельствует о его значительном потенциале применения в данной сфере.

Несмотря на традиционную направленность МГП на регулирование вооруженных конфликтов между государствами и негосударственными субъектами, его основные принципы – гуманность, различие, пропорциональность и военная необходимость – сохраняют свою актуальность и в борьбе с терроризмом. Систематическое нарушение этих норм именно террористическими методами подчеркивает универсальный характер указанных принципов МГП [9; 10].

Современная практика борьбы с терроризмом столкнулась с рядом существенных проблем.

Во-первых, отсутствует единое международное определение терроризма, что затрудняет унификацию подходов к квалификации террористических деяний и привлечению виновных лиц к ответственности.

Во-вторых, террористические организации, действуя вне рамок правовых норм, систематически нарушают принципы гуманитарного права. В свою очередь, государства, осуществляющие антитеррористические операции, порой допускают нарушения международного гуманитарного права, что приводит к жертвам среди мирного населения и ставит под сомнение легитимность их действий.

В настоящее время особую важность приобретают вопросы определения ответственности негосударственных вооруженных формирований (НВФ) и выработки эффективной модели взаимодействия между международными и национальными системами права.

Проблематика применения норм международного гуманитарного права (МГП) к актам террористического характера в условиях современных вооруженных конфликтов остаётся одной из наиболее острых в правовой и политико-правовой повестке XXI века. Терроризм, как форма насильственного воздействия на государственные институты и гражданское население, все чаще проявляется в условиях как меж-

дународных, так и немеждународных вооружённых конфликтов, создавая правовую неопределенность в вопросах квалификации действий террористических группировок и возможности их подведения под рамки МГП.

Перспективы совершенствования международно-правовой базы в борьбе с терроризмом связаны с разработкой единого определения террористической деятельности, унификацией национального законодательства с нормами международного гуманитарного права, а также усилением судебных механизмов привлечения террористов и их пособников к ответственности.

Исследование показало следующее:

Международное гуманитарное право (МГП) распространяется на все стороны вооружённого конфликта, включая негосударственные вооруженные формирования, такие как террористические группы. Это подтверждается Женевскими конвенциями 1949 года и Дополнительным протоколом II 1977 года.

Акты терроризма, совершенные в ходе вооружённого конфликта, квалифицируются как военные преступления или грубые нарушения МГП в зависимости от характера и тяжести деяния.

Отсутствие единых критериев для различения терроризма от других форм насилия затрудняет правовую квалификацию таких действий и их преследование в рамках международного гуманитарного и уголовного права.

Фрагментация норм МГП и международного антитеррористического права приводит к правовым коллизиям и снижает эффективность международного реагирования на терроризм в условиях конфликтов.

На основании этих выводов, предлагаются следующие рекомендации:

1. Гармонизация норм МГП и международного антитеррористического права. Это может быть достигнуто путем принятия дополнительного протокола к Женевским конвенциям, посвященного борьбе с терроризмом в условиях вооружённых конфликтов.
2. Уточнение правового статуса террористических организаций в МГП, особенно в контексте немеждународных конфликтов с возможностью установления индивидуальной уголовной ответственности их участников на международном уровне.
3. Разработка критериев разграничения между «террористическими действиями» и «законными действиями участников вооружённого конфликта», что позволит устранить правовую неопределенность и избежать произвольного расширения понятия терроризма.

4. Активизация международного сотрудничества в области обмена информацией, расследования и судебного преследования террористических актов, совершённых в ходе вооружённых конфликтов, с особым акцентом на защиту прав жертв и соблюдение процессуальных гарантий.

5. Укрепление механизмов международной уголовной ответственности за преступления террористического характера, совершаемые в рамках конфликтов, включая расширение юрисдикции Международного уголовного суда и создание специальных трибуналов при необходимости.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Савенко И.А. Проблемы определения понятия и меры борьбы с международным терроризмом. 2019. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-ponyatiya-i-mery-borby-s-mezhdunarodnym-terrorizmom> (дата обращения 18.09.2025). DOI: 10.23672/SAE.2019.10.39032 EDN: FXEICT
2. Родачин В.М. Международный терроризм: проблемы определения, актуализации правовых основ противодействия. 2024. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-problemy-opredeleniya-aktualizatsii-pravovyh-osnov-protivodeystviya> (дата обращения 18.09.2025). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-76-84 EDN: LUPLFJ
3. Усманова Р. М. Международный терроризм как угроза национальной безопасности. 2022. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения 18.09.2025). DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_205 EDN: CSIVEX
4. Захаров Т.В. Международное гуманитарное право (Jus in bello) и контртеррористические операции: аналитический обзор. 2017. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-jus-in-bello-i-kontrterroristicheskie-operatsii-analiticheskiy-obzor> (дата обращения 18.09.2025). EDN: YOILMA
5. Мисроков Т.З. Теоретические аспекты взаимодействия международного гуманитарного права и анти-террористического права. 2019. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-vzaimodeystviya-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-i-antiterroristicheskogo-prava> (дата обращения 18.09.2025). EDN: TJPSPV
6. International Committee of the Red Cross. International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts. 33rd International Conference of the Red Cross and Red Crescent, Geneva, 2019. URL : <https://www.icrc.org/en/document/icrc-report-ihl-and-challenges-contemporary-armed-conflicts> (дата обращения 06.10.2025).
7. Модестов С.А. Правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции. 2022. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-aspekty-borby-s-terrorizmom-v-ramkah-spetsialnoy-voennoy-operatsii> (дата обращения 18.09.2025).
8. Prosecutor v. Kunarac, Kovač and Vuković. Judgment. Case No. IT-96-23 & IT-96-23/1. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 22 Feb. 2001. URL : <https://www.icty.org/en/case/kunarac> (дата обращения 06.10.2025).
9. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2178 (2014) от 24 сентября 2014 г. URL : [https://undocs.org/S/RES/2178\(2014\)](https://undocs.org/S/RES/2178(2014)) - Дата обращения: 06.10.2025.
10. Special Tribunal for Lebanon. Prosecutor v. Ayyash et al. STL-11-01. Judgment. 18 Aug. 2020. URL : <https://www.stl-tsl.org> (дата обращения 06.10.2025).

References:

1. Savenko I.A. Problems of definition of the concept and measures of combating international terrorism. 2019. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-ponyatiya-i-mery-borby-s-mezhdunarodnym-terrorizmom> (date of application 09/18/2025). DOI: 10.23672/SAE.2019.10.39032 EDN: FXEICT
2. Rodachin V.M. International terrorism: problems of defining and updating the legal foundations of counteraction. 2024. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-problemy-opredeleniya-aktualizatsii-pravovyh-osnov-protivodeystviya> (date of application 09/18/2025). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-76-84 EDN: LUPLFJ
3. Usmanova R.M. International terrorism as a threat to national security. 2022. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti> (date of application 09/18/2025). DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_205 EDN: CSIVEX
4. Zakharov T.V. International humanitarian law (Jus in bello) and counter-terrorism operations: an analytical review. 2017. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-jus-in-bello-i-kontrterroristicheskie-operatsii-analiticheskiy-obzor> (date of application 09/18/2025). EDN: YOILMA

5. Misrokov T.Z. Theoretical aspects of the interaction of international humanitarian law and anti-terrorist law. 2019. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-vzaimodeystviya-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-i-antiterroristicheskogo-prava> (date of application 09/18/2025). EDN: TJPSPV
6. International Committee of the Red Cross. International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts. 33rd International Conference of the Red Cross and Red Crescent, Geneva, 2019. URL : <https://www.icrc.org/en/document/icrc-report-ihl-and-challenges-contemporary-armed-conflicts> (date of application 06.10.2025).
7. Modestov S.A. Legal aspects of the fight against terrorism in the framework of a special military operation. 2022. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-aspekty-borby-s-terrorizmom-v-ramkah-spetsialnoy-voennoy-operatsii> (date of application 09/18/2025).
8. Prosecutor v. Kunarac, Kovač and Vuković. Judgment. Case № IT-96-23 & IT-96-23/1. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 22 Feb. 2001. URL : <https://www.icty.org/en/case/kunarac> (date of application 06.10.2025).
9. The UN Security Council. Resolution 2178 (2014) of September 24, 2014. URL : [https://undocs.org/S/RES/2178\(2014\)](https://undocs.org/S/RES/2178(2014)) (date of application 06.10.2025).
10. Special Tribunal for Lebanon. Prosecutor v. Ayyash et al. STL-11-01. Judgment. 18 Aug. 2020. URL : <https://www.stl-tsl.org> (date of application 06.10.2025).

Информация об авторе

Мельничук Виктор Алексеевич

кандидат военных наук,
доцент кафедры деятельности органов
внутренних дел в особых условиях,
Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID: 0009-0000-4650-4173
melvic70@mail.ru

Viktor A. Melnichuk

Candidate of Military Sciences,
Associate Professor of the Department
of Internal Affairs in Special Conditions,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0009-0000-4650-4173
melvic70@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.10.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-8>

УДК 342.743

Attribution

cc by

ГЕНЕЗИС ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ

Непомнящий П.А.

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье представлен комплексный историко-теоретический анализ эволюции категории «добросовестность» в налоговом праве. Целью исследования выступает обоснование концепции, согласно которой рецепция данной категории в налоговое право представляет собой не механическое заимствование из цивилистики, а закономерный этап эволюции доктрины и правового регулирования, необходимый для преодоления формализма императивных норм. На основе ретроспективного анализа античных римских процессуальных конструкций (*bona fides*, *exceptio doli*), правовых учений средневековых канонистов и германских пандектистов, а также результатов нормотворческой деятельности Конституционного Суда Российской Федерации доказывается, что добросовестность выполняет функцию механизма гармонизации, обеспечивающего равновесие между методом властных предписаний и экономической сущностью регулируемых отношений. В работе обосновывается вывод о происхождении современных налоговых норм, направленных против злоупотреблений, от цивилистических средств правовой защиты.

Ключевые слова: принцип добросовестности, налоговое право, финансовое право, *bona fides*, *exceptio doli*, злоупотребление правом.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE GENESIS OF GOOD FAITH IN TAX LAW

Pavel A. Nepomnyashchy

Saratov State Law Academy

Abstract. The article presents a comprehensive historical and theoretical analysis of the evolution of the category of good faith in tax law. The purpose of the study is to substantiate the concept according to which the reception of this category into tax law is not a mechanical borrowing from civil law, but a natural stage in the evolution of doctrine and legal regulation, necessary to overcome the formalism of imperative norms. Based on a retrospective analysis of ancient Roman procedural constructions (*bona fides*, *exceptio doli*), the legal teachings of medieval canonists and German pandectists, as well as the results of the rule-making activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, it is proved that good faith performs the function of a mechanism of harmonization, ensuring a balance between the method of power regulations and the economic essence of regulated relations. The paper substantiates the conclusion about the origin of modern tax regulations against abuse from civil remedies.

Keywords: the principle of good faith, tax law, financial law, *bona fides*, *exceptio doli*, abuse of law.

Funding: Independent work.

Введение.

Современная доктрина финансового права сталкивается с фундаментальной теоретической проблемой, обусловленной диалектическим противоречием между формой и содержанием правового регулирования.

Налоговое регулирование характеризуется институциональной дихотомией: императивный метод властных предписаний, характерный для

публичного права, вступает в системное взаимодействие с частноправовой природой объекта налогообложения, формируемого в условиях диспозитивности гражданского оборота.

Налоговое право, как подотрасль финансового права регулирует отношения по формированию публичных фондов денежных средств [1, с. 58], однако, объекты налогообложения имеют частноправовую природу.

По мере усложнения экономических отношений, формальное следование букве налогового закона нередко вступает в конфликт с экономическим основанием налога и принципом справедливости. Введение в российское законодательство статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [2] установило модель налогового администрирования, основанную на приоритете экономического содержания над юридической формой. Однако правоприменитель сталкивается с недостаточной доктринальной разработанностью категории добросовестности в налоговом праве. Помимо этого, добросовестность часто ошибочно рассматривается как прямая проекция гражданско-правовых норм на налоговые отношения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования научно обоснованной концепции добросовестности, которая получает специфическое содержание в налоговом праве.

Обсуждение.

Исследование природы добросовестности в налоговом праве требует обращения к истокам формирования данной категории, поскольку современные механизмы противодействия налоговым злоупотреблениям генетически связаны с классическими цивилистическими конструкциями, но не тождественны им. Вопрос о применимости категории добросовестности в налоговых правоотношениях актуализирует проблему соотношения частного и публичного права.

Представитель классической цивилистики И.А. Покровский определял гражданское право как систему юридической децентрализации, где регуляторный механизм опирается на автономию воли и диспозитивность. В цивилистической доктрине добросовестность возникла как внутренний предел осуществления права, препятствующий реализации субъективной свободы во вред контрагенту. Публичное право, напротив, основано на методе властных предписаний [3, с. 38–39].

Однако, как справедливо указывал Г.Ф. Шершеневич, границы между частным и общественным интересом носят относительный характер: реализация частных интересов допустима лишь при их согласовании с задачами общества [4, с. 9].

В финансовом праве эта взаимосвязь проявляется наиболее отчетливо. Как отмечают Н.И. Химичева и Е.В. Покачалова, финансовое право тесно связано с гражданским правом, поскольку в его предмет входят денежные отношения [1, с. 56].

Следовательно, потребность в критериях, позволяющих разграничить правомерную хозяйственную деятельность и искусственные конструкции, созданные исключительно ради налоговой экономии, актуализирует в публичном пра-

ве ту же проблему, которая была решена цивилистикой через принцип добросовестности.

Анализ источников римского права свидетельствует о том, что трансформация добросовестности из нравственной категории в юридический принцип произошла уже в античный период. Категория «*bona fides*» («добрая совесть») сформировалась в рамках преторского права как антитеза «*ius strictum*» («строгому праву»).

По наблюдению Д.В. Дождева, добросовестность в римской доктрине относилась к сфере «*aequitas*» («справедливости») и выступала не внешним этическим императивом, а внутренним правовым принципом, призванным корректировать несправедливость, возникающую при буквальном применении норм гражданского права [5, с. 102].

Наиболее совершенной процессуальной формой реализации этого принципа стала конструкция «*exceptio doli*» («возражение о злом умысле»). Претор предоставлял ответчику возможность блокировать формально законное требование истца, если его удовлетворение в конкретных обстоятельствах противоречило бы принципам справедливости.

Как отмечает И. Вендт, римская «*exceptio doli*» имела двойную структуру и была направлена как на прошлое, так и на настоящее поведение. Формула возражения охватывала, с одной стороны, уже имевший место обман («*dolus praeteritus*»), а с другой – настоящее злоупотребление («*dolus praesens*»), когда само предъявление иска в данный момент могло быть квалифицировано как недобросовестное поведение [6, с. 8, 149].

Данная правовая конструкция выступает историческим прототипом современных налоговых доктрин «приоритета существа над формой» и правил противодействия злоупотреблению правом. Тот тип коллизии, который разрешал претор – между формальной легитимностью права и недобросовестностью его использования – аналогичен противоречию, возникающему при применении статьи 54.1 НК РФ.

Доктрина канонического права трансформировала концепцию добросовестности, переосмыслив ее через призму совести.

В средневековой доктрине «*ius commune*» («общее право») сформировалось дуалистическое понимание добросовестности, сохраняющее значение в современной доктрине.

Как указывает А. Фёльди, средневековые правоведы разграничивали добросовестность (внутреннее убеждение лица в правомерности своего поведения) и объективную добросовестность (стандарт честного и корректного ведения дел по стандартам поведения разумного и добросовестного участника гражданского оборота) [7, с. 314].

Канонисты внесли вклад в формирование институтов публичного права, связав добросовестность с идеей ограничений власти [8, с. 157, 169], что позволило применить принцип добросовестности к действиям органов государственной власти. В налоговом праве это трансформируется в концепцию добросовестности налогового администрирования.

В германской пандектистике XIX века дискуссия вокруг добросовестности переросла в проблему соотношения судебного усмотрения и строгого закона. Применение принципа добросовестности («*Treu und Glauben*») позволяло смягчать коллизию между «правильным на первый взгляд результатом», основанным на буквальном толковании нормы права, и «тотальной природой конкретного случая», то есть совокупностью реальных обстоятельств дела [9, с. 5, 6]. Этот исторический опыт значим для налогового права. Поиск баланса между формальной законностью и индивидуальной справедливостью представляет собой устойчивую линию развития правопорядка. Опасения пандектистов относительно угрозы правовой определенности из-за расширения судебного усмотрения [6, с. 21] зеркально отражаются в современных дискуссиях о пределах применения антиуклонительных норм в налоговом праве.

В российской дореволюционной науке принцип добросовестности развивался на основе концепции юридического персонализма.

И.А. Покровский рассматривал право, как средство защиты «самоценности человеческой личности» [3, с. 83].

Вместе с тем, Г.Ф. Шершеневич, исходя из приоритета правовой определенности, скептически относился к широкому внедрению этических критериев, опасаясь судебного произвола [4, с. 47].

Советский период характеризовался маргинализацией принципа добросовестности. В условиях плановой экономики и приоритета публичного интереса гибкий оценочный критерий был вытеснен категорией целесообразности. Идея «правильного» поведения сохранялась лишь в скрытом виде — через концепцию недопустимости злоупотребления правом [10, с. 432]. Этот исторический разрыв объясняет трудности, с которыми сталкивается современная российская правовая система при возвращении добросовестности в механизм правового регулирования.

Возрождение принципа в современной России произошло не через прямое законодательное заимствование, а в ходе деятельности конституционного правосудия. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 12.10.1998 № 24-П фактически ввел презумпцию добросовестности налогоплательщика задолго до ее закрепления в налоговом и гражданском законодательстве [11]. В дальнейшем, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил свою позицию о наличии добросовестности в

налоговом праве, буквально закрепив в судебном акте категории добросовестного и недобросовестного налогоплательщиков [12].

Таким образом, процесс рецепции принципа налоговым правом осуществлялся через официальное конституционное толкование. Отраслевые нормы формировались под воздействием правовых позиций, обеспечивающих реализацию ценностей доверия и справедливости [13, с. 60–62].

В 2013 году в частном праве произошло нормативное закрепление принципа добросовестности в качестве основополагающего начала гражданского законодательства (пункт 3 статьи 1 ГК РФ) [14].

Для налогового права ключевым этапом становления концепта стало Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 53 от 21.12.2017 г., закрепившее правовую позицию о необоснованной налоговой выгоде.

Завершением эволюции явилась кодификация в 2017 году законодательного запрета злоупотребления правом в статье 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации [15]. Данная норма закрепляет переход от судебно-доктринального подхода к законодательному регулированию пределов налоговой оптимизации.

Результаты.

Проведенный историко-теоретический анализ позволяет сформулировать ряд выводов, характеризующих природу и место категории добросовестности в налоговом праве, непосредственно вытекающих из рассмотренного генезиса и доктринальных дискуссий.

Во-первых, установлена историческая преемственность между классическими институтами частного права и современными механизмами противодействия налоговым злоупотреблениям. Римская конструкция «*exceptio doli*» («возражение о злом умысле») и современные антиуклонительные нормы налогового права, включая статью 54.1 НК РФ, выполняют функционально идентичную задачу: ограничение осуществления формально правомерного права при его противоречии принципам справедливости и добросовестности. Данное функциональное сходство свидетельствует о том, что современное налоговое законодательство не создает принципиально новый институт, а воспроизводит правовой механизм, исторически сложившийся в цивилистике для разрешения коллизии между формальной законностью и недобросовестным поведением.

Во-вторых, на основе анализа канонических источников и практики Конституционного Суда Российской Федерации определен двусторонний характер принципа добросовестности в налоговых правоотношениях. В отличие от частного права, где добросовестность регулирует поведе-

ние формально равных субъектов, в налоговом праве данный принцип ограничивает как злоупотребление правами со стороны налогоплательщика, так и дискреционные полномочия налоговых и иных органов публичной власти.

Такая взаимная направленность принципа обусловлена публично-правовой природой налоговых отношений, где неравенство субъектов требует дополнительных гарантий защиты прав частных лиц от произвольного усмотрения органов публичной власти.

В-третьих, исследование показало, что имплементация принципа добросовестности в российское налоговое право осуществлялась не через прямое законодательное заимствование из гражданского права, а посредством деятельности конституционного правосудия.

Данный механизм развития правовой системы через конституционное толкование свидетельствует о фундаментальном характере категории добросовестности, которая выводится из конституционных принципов правового государства и справедливости независимо от его прямого нормативного закрепления.

В-четвертых, сравнительно-правовой анализ выявил устойчивость дуалистического понимания добросовестности, сформированного средневековой доктриной «*ius commune*».

Разграничение субъективной добросовестности (внутреннее убеждение лица в правомерности своего поведения) и объективной добросовестности (соответствие поведения стандартам разумного и добросовестного участника оборота) сохраняет значение в современном налоговом праве.

Субъективная добросовестность презюмируется и опровергается доказыванием осведомленности налогоплательщика о нарушениях контрагентов.

Объективная добросовестность оценивается через критерий разумности и осмотрительности при выборе контрагентов.

В-пятых, выявлена историческая обусловленность недостаточной доктринальной разработанности принципа добросовестности в российском налоговом праве.

Советский период характеризовался маргинализацией данной категории вследствие приоритета публичного интереса и плановой экономики. Гибкий оценочный критерий был вытеснен категорией целесообразности, что привело к разрыву в развитии доктрины.

Возрождение принципа в постсоветский период потребовало формирования концептуальных основ его применения в публичном праве с учетом специфики императивного метода регулирования и неравенства субъектов налоговых правоотношений. Этим объясняются трудности правоприменения и необходимость дальнейшей научной разработки пределов применения принципа добросовестности в налоговых правоотношениях.

Заключение.

Проведенное исследование подтверждает, что проникновение частноправовой категории добросовестности в налоговое право является не случайным заимствованием, а объективной закономерностью развития правовой системы, направленной на преодоление разрыва между юридической формой и экономическим содержанием деятельности субъектов налоговых правоотношений.

В современном налоговом праве категория добросовестности утратила исключительно нравственный смысл, трансформировавшись в юридический стандарт. Его институционализация в законодательстве и судебной практике позволяет налоговой системе адаптироваться к многообразию экономических отношений, обеспечивая при этом соблюдение принципов законности и справедливости.

Вместе с тем, концепция налоговой добросовестности публичной власти предполагает разработку и нормативное закрепление пределов усмотрения налоговых органов при оценке добросовестности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Финансовое право : учебник / Отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2020. 800 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. № 31.03.08.1998. Ст. 3824.

© Непомнящий П.А.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский; Вступ. ст. А.Л. Маковского. С. 3–32. М. : Статут, 1998. 352 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич Вступ. слово, сост. П.В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. 832 с. (Юристы, изменившие право, государство и общество).
5. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: Исследования по римскому и сравнительному праву: Авторский сборник : в 2 т. М. : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2021. Т. 1. 466 с.
6. Wendt D. Die exceptio doli generalis im heutigen Recht oder Treu und Glauben im Recht der Schuldverhältnisse // Archiv für die civilistische Praxis. 1906. Vol. 100. № H. 1. P. 1–417.
7. Foldi A. Traces of the dualist interpretation of good faith in the ius commune until the end of the sixteenth century // Fundamina: A Journal of Legal History. 2014. Vol. 20. № 1. P. 312–321.
8. Giaro T. Medieval Canon Lawyers and European Legal Tradition. A Brief Overview // Rev. Eur. & Comp. L., 2021. Vol. 47. P. 157–189. DOI: 10.31743/recl.12727 EDN: YLHARE
9. Haferkamp H.P. Die exceptio doli generalis in der Rechtsprechung des Reichsgerichts vor 1914 // Falk, Ulrich, Heinz Mohnhaupt (a cura di), Das Bürgerliche Gesetzbuch und seine Richter, Frankfurt am Main. 2000. P. 1–37.
10. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отд. экономики и права. 1946. № 6. С. 424–436.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 42. Ст. 5211.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 2.
13. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юрист, 2002.
14. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
15. Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.07.2017. № 30. ст. 4443.

References:

1. Financial law : textbook / Ed. by N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th ed., revised and add. M. : Norma: INFRA-M, 2020. 800 p.
2. The Tax Code of the Russian Federation (part one) dated 07/31/1998 № 146-FZ (as amended on 11/28/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 31. 08/03/1998. Art. 3824.
3. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law / I.A. Pokrovsky; introduction by art. A.L. Makovsky. P. 3–32. – M. : Statute, 1998. 352 p.
4. Shershenevich G.F. Selected works. Vol. 5: Textbook of Russian civil law / G.F. Shershenevich; Intro. slovo, comp. P.V. Krashennnikov. M. : Statute, 2017. 832 p. (Lawyers who changed the law, the state and society.).
5. Dozhdev D.V. The European tradition of private law: Studies on Roman and comparative law : Author's collection: in 2 vol. M. : STATUT Publishing House, LLC, 2021. Vol. 1. 466 p.
6. Wendt D. Die exceptio doli generalis im heutigen Recht oder Treu und Glauben im Recht der Schuldverhältnisse // Archiv für die civilistische Praxis. 1906. Vol. 100. № H. 1. P. 1–417.
7. Foldi A. Traces of the dualist interpretation of good faith in the ius commune until the end of the sixteenth century // Fundamina: A Journal of Legal History. 2014. Vol. 20. № 1. P. 312–321.
8. Giaro T. Medieval Canon Lawyers and European Legal Tradition. A Brief Overview // Rev. Eur. & Comp. L., 2021. Vol. 47. P. 157–189. DOI: 10.31743/recl.12727 EDN: YLHARE
9. Haferkamp H.P. Die exceptio doli generalis in der Rechtsprechung des Reichsgerichts vor 1914 // Falk, Ulrich, Heinz Mohnhaupt (a cura di), Das Bürgerliche Gesetzbuch und seine Richter, Frankfurt am Main. 2000. P. 1–37.
10. Agarkov M.M. The problem of abuse of law in Soviet civil law // Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Economics and Law. 1946. № 6. P. 424–436.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12.10.1998 № 24-P «On the case of checking the constitutionality of paragraph 3 of Article 11 of the Law of the Russian Federation dated December 27, 1991 «On the Fundamentals of the Tax system in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 42. Art. 5211.
12. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/25/2001 № 138-O «At the request of the Ministry of Taxes and Duties of the Russian Federation for clarification of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 12, 1998 in the case of checking the constitutionality of paragraph 3 of Article 11 of the Law of the Russian Federation «On the Fundamentals of the Tax System in the Russian Federation» // Bulletin of the Constitutional Court RF. 2002. № 2.

13. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of a Market economy (Development of the foundations of civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). М. : Jurist, 2002.
14. Federal Law № 302-FZ of 12/30/2012 (as amended on 03/04/2013) «On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of the First Part of the Civil Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 12/31/2012. № 53 (Part 1). Art. 7627.
15. Federal Law № 163-FZ «On Amendments to Part One of the Tax Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 24.07.2017. № 30. Art. 4443.

Информация об авторе

Непомнящий Павел Андреевич

аспирант кафедры финансового,
банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой,
Саратовская государственная
юридическая академия
neppavel@mail.ru

Pavel A. Nepomnyashchy

Postgraduate Student of the Department
of Financial, Banking and Customs Law
named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva,
Saratov State Law Academy
neppavel@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.12.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Авторомокончателный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-10>

УДК 347.965

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Харитонов И.К., Неженец В.С.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Проблемы определения правового положения объектов незавершенного строительства обусловлены рядом причин объективного характера, поскольку вопросы признания статуса объектов незавершенного строительства являются межотраслевыми и проистекают из несовершенства гражданско-правового регулирования данных объектов. Актуальность темы данного исследования связана с решением вопроса о критериях и законодательных признаках, позволяющих произвести регистрацию объекта незавершенного строительства и признать его полноценным объектом гражданских прав. Основная цель данной публикации - выявление проблем и формулировка предложений, связанных с государственной регистрацией права собственности на объекты незавершенного строительства и распоряжением ими. Методология, методы и методики. При анализе институт права собственности на объекты незавершенного строительства применялись сравнительно-правовые, качественные и количественные методы исследования: изучение научных источников по теме исследования, основных нормативных правовых актов по рассматриваемой тематике, наблюдение и оценка правоприменительной практики по рассматриваемой проблематике. Результаты исследования. Выявлены проблемы, связанные с определением правового положения объектов незавершенного строительства, а также определением правового режима их оборотоспособности. Проанализирована судебная практика, связанная с признанием права собственности на объекты незавершенного строительства, определены критерии и условия, закрепленные законодательно и в судебных решениях. Сформулированы выводы, направленные на детализацию и конкретизацию правовых оснований возникновения права собственности на объекты незавершенного строительства и их легализацию в гражданско-правовых отношениях.

Ключевые слова: гражданское законодательство, объекты незавершенного строительства, признание права собственности на объекты незавершенного строительства, судебная практика, регистрация права собственности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS OF RECOGNITION OF OWNERSHIP OF UNFINISHED CONSTRUCTION PROJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ilya K. Kharitonov, Victoria S. Nezhenets

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The problems of determining the legal status of unfinished construction objects are caused by a number of objective reasons, since the issues of recognizing the status of unfinished construction objects are interdisciplinary and stem from the imperfection of civil law regulation of these objects. The relevance of this research topic is related to the issue of criteria and legislative features that allow for the registration of an unfinished construction object and its recognition as a full-fledged object of civil rights. The main purpose of this publication is to identify problems and formulate proposals related to the state registration of ownership rights to unfinished construction objects and their management. Methodology, methods and techniques. When analyzing the institution of ownership of unfinished construction facilities, comparative legal, qualitative and quantitative research methods were used: study of scientific sources on the research topic, the main regulatory legal acts on the subject under consideration, observation and evaluation of law enforcement practice on the subject under consideration. Research results. Problems related to the definition of the legal status of unfinished construction facilities, as well as the definition of the legal regime of their turnover, have been identi-

fied. The article analyzes the judicial practice related to the recognition of ownership rights to unfinished construction projects, and identifies the criteria and conditions established by law and court decisions. The conclusions are formulated, aimed at detailing and specifying the legal grounds for the emergence of ownership of objects of unfinished construction and their legalization in civil law relations.

Keywords: civil legislation, objects of unfinished construction, recognition of ownership of objects of unfinished construction, judicial practice, registration of ownership.

Funding: Independent work.

Введение.

Согласно сложившейся судебной практике, объектами незавершенного строительства признаются объекты, строительство которых приостановлено, законсервировано или окончательно прекращено. По общему правилу, им является недостроенное здание, на которое получено разрешение на строительство и не получено соответственно разрешение на ввод в эксплуатацию [1].

Объекты незавершенного строительства появляются по ряду причин: как результаты долевого участия в строительстве, неудачные инвестиционные проекты и др. Однако в данные объекты уже вложены силы, финансовые средства и на практике возникают вопросы, связанные с необходимостью гражданско-правовой защиты прав собственников данных объектов, включающих в себя публичное признание данных объектов, их регистрацию и возможность совершать с ними гражданско-правовые сделки.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к этому вопросу. Так, в частности, в пункте 38 постановления № 25 от 23 июня 2015 года он указал, что для узаконения объекта незавершенного строительства необходимо законодательное подтверждение факта завершения строительства фундамента здания или завершения аналогичных работ на объекте строительства [2].

Важность данных вопросов обусловлена тем, что без легитимации и получения данного статуса объект незавершенного строительства будет признаваться лишь совокупностью строительных материалов и конструкций. Соответственно, такой объект не подлежит государственной регистрации и не станет объектом гражданских правоотношений. На это неоднократно указывал ученый – цивилист К.И. Скловский в своих трудах.

Мы полагаем, что проблемы правового режима объектов незавершенного строительства носят комплексный и межотраслевой характер, требующий четкого и детального правового регулирования.

Методология, материалы и методы.

Выбор методологической базы исследования обусловлен необходимостью комплексного и многоаспектного анализа правовой природы ин-

ститута незавершенного строительства в гражданском праве.

Применение формально-юридического метода позволило осуществить детальную интерпретацию положений действующего законодательства, а также выявить внутреннюю логику нормативных положений, связанных с признанием и оформлением прав на объекты незавершенного строительства. Особое внимание уделялось анализу судебной практики.

В работе использовался также критический анализ доктринальных источников. Были обобщены современные научные публикации, а также монографические исследования ведущих отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблемам правового положения объектов незавершенного строительства.

Логика исследования построена по принципу от общего к частному: от рассмотрения общих положений об объектах незавершенного строительства к анализу нормативного регулирования и выявлению проблем правоприменения, а затем – к формулированию собственных выводов.

Результаты.

Действующее гражданское законодательство признает наличие таких объектов гражданских правоотношений как объекты незавершенного строительства, закрепив их в статье 130 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Причем объекты незавершенного строительства стоят в одном ряду с другими разновидностями недвижимого имущества.

Напрашивается вывод о том, что объекты незавершенного строительства в российском праве признаются недвижимостью.

Безусловно, правовой статус объектов незавершенного строительства связан с правовым статусом самого земельного участка, на котором он находится, поскольку от этого будет зависеть решение вопроса о законности возведения объекта незавершенного строительства и его правовой судьбе. Так, в частности, в ст. 239.1 Гражданского кодекса предусмотрен случай, когда объект незавершенного строительства может быть изъят у собственника-застройщика, если договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, прекратил свое действие и у собственника отпали правовые основания на его

владение. В данном случае, объект незавершенного строительства будет реализован с торгов. Такой дифференцированный подход свидетельствует об особом статусе объектов незавершенного строительства среди объектов гражданских прав.

Одновременно, если участок предоставлялся именно для возведения какого-либо строения, а оно, по тем или иным причинам, не было завершено, право собственности на объект незавершенного строительства возникает у лица, которому участок, находящийся в муниципальной или государственной собственности, был предоставлен именно для этих целей.

Согласно ст. 287.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации, по общему правилу право собственности на объект незавершенного строительства признается за лицом, за которым зарегистрировано право собственности на земельный участок.

По мнению Э.Ц. Батуевой и Т.Ф. Даржаевой, право собственности может быть зарегистрировано на объекты незавершенного строительства, а не на временные объекты, целевой характер создания которых не совпадает с объектами незавершенного строительства [3].

Об этом свидетельствуют положения, содержащиеся в п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ.

Данные особенности обусловлены тем, что объекты незавершенного строительства плотно закреплены с землей и целевым назначением самого объекта, что свидетельствует об отнесении объектов незавершенного строительства к категории недвижимого имущества. Однако фундамент тоже может быть разным. Это может быть полноценный, монолитный фундамент или это могут быть сваи и другие строения для возведения фундамента будущего строения.

Согласно Градостроительного кодекса Российской Федерации признание объекта незавершенного строительства таковым связано с отсутствием разрешения на ввод в эксплуатацию.

Тем самым, с точки зрения градостроительного законодательства, объект капитального строительства является объектом незавершенного строительства до момента выдачи разрешения на ввод объекта в эксплуатацию».

Градостроительный кодекс предусматривает создание объектов капитального строительства. Соответственно, объект незавершенного строительства должен свидетельствовать о намерении и действиях, направленных на создание подобного объекта. Все остальные действия по облагораживанию земельного участка и др. не могут свидетельствовать о создании объекта незавершенного строительства.

На практике возникает большое количество вопросов, связанных с оформлением прав на объекты незавершенного строительства, особенно в части общедолевой собственности на земельные участки, а также при строительстве многоквартирных домов, где суды не всегда занимают положение об удовлетворении и защите прав застройщиков. Подобное положение вещей приносит определенные сложности при совершении гражданско-правовых сделок с данным видом имущества и оформлении прав в органах государственной власти на данные объекты [4].

Обсуждение.

Следует отметить, что в судебной практике уже неоднократно возникали подобные вопросы, связанные с правовой квалификацией правоотношений, связанных с объектами незавершенного строительства. При этом, на наш взгляд, фактическое положение вещей и соответствующие нормы законодательства требуют своей синхронизации и приведения под единые стандарты.

В судебной практике уже выработаны соответствующие правила квалификации объектов как «незавершенные».

Во-первых, объект незавершенного строительства не должен являться предметом действующего договора строительного подряда. Иное не соответствовало бы правовой природе объектов незавершенного строительства, так как у подрядчика сохраняются права на объект незавершенного строительства и распоряжаться им по своему свободному волеизъявлению не получится. Об этом говорит статья 740 Гражданского Кодекса РФ, в соответствии с которой у подрядчика присутствует весь комплекс прав в отношении результата договора подряда.

Так, согласно 16 постановления Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», указано, что сделки с объектом незавершенного строительства незаконны, если он выступает предметом договора строительного подряда.

При рассмотрении спора о признании права собственности на объект незавершенного строительства ФАС ВСО в постановлении от 22.02.2005 № А33-9837/04-С2-Ф02-410/05-С2 обоснованно сделал вывод о том, что до момента исполнения договора подряда либо его расторжения стороны связаны взаимными обязательствами. Это исключает возможность признания права собственности на объект. Аналогичный вывод содержится в постановлении в постановлении ФАС от 17.03.2005 № А33-16577/04-С2-Ф02-958/05-С2.

Во-вторых, согласно ст. 130 и 219 Гражданского Кодекса Российской Федерации и ст. 25 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», право собственно-

сти на объекты недвижимого имущества возникает с момента регистрации права собственности. Однако для этого необходим комплекс документов, включая разрешение на строительство, проект, описание и документы на земельный участок [5].

Данный момент имеет важное значение, поскольку для того, чтобы объект незавершенного строительства стал объектом гражданско-правового оборота, необходимо его зарегистрировать в установленном законом порядке.

Без соблюдения данного порядка есть риск признания объекта незавершенного строительства самовольной постройкой.

Согласно статье 222 Гражданского кодекса Российской Федерации, если у собственника объекта незавершенного строительства отсутствуют правовые основания для владения земельным участком под ним, данная постройка может быть признана самовольной со всеми вытекающими последствиями. Таким объектом, по меньшей мере, распоряжаться нельзя [6]. В большинстве подобных случаев, такие объекты подлежат сносу.

Следует отметить, что судебная практика по данному вопросу достаточно противоречива, особенно по вопросу регистрации объекта незавершенного строительства, поскольку возникает вопрос: с какого момента можно регистрировать подобные объекты? Не редки случаи, когда в регистрации объекта отказывают, мотивируя незавершенностью работ.

В п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 указывается, что для придания статусу объекту незавершенного строительства необходимо выполнить работы по полному сооружению фундамента объекта или аналогичных работ.

В основном, все судебные решения связаны с характеристиками недвижимого имущества и их распространением на объекты незавершенного строительства, прежде всего, в разрешении вопроса о невозможности их перемещения без значительного ущерба, а также прочной связью с землей.

Обычно, при разрешении подобной категории дел проводятся строительные экспертизы, которые призваны ответить на вопрос о капитальном характере сооружения [7]. Так, по одному из дел, первая инстанция назначила судебную экспертизу и выяснила, что фундаментные работы на спорных объектах были завершены. Кроме того, суд обратил внимание на то, что общество уже получило разрешение на ввод торгового-сервисного комплекса в эксплуатацию. Спорные объекты невозможно перенести без «несоразмерного ущерба», решил суд, в связи с чем, как фундаменты, так и объекты, уже завершенные строительством, обладают всеми необходимыми признаками объектов недвижимости.

Также в ряде случаев, объекты незавершенного строительства рассматриваются в качестве неотделимых улучшений земельного участка. Например, в п. 1 ст. 201.15-1 Закона о банкротстве используется следующая формулировка: «Неотделимые улучшения на таких земельных участках (включая объекты незавершенного строительства)». Из этой фразы можно сделать вывод о том, что законодатель рассматривает объект незавершенного строительства как неотделимое улучшение земельного участка.

Закключение.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы о совершенствовании правового режима оборота объектов незавершенного строительства.

Главный вопрос, который возникает на практике: Что делать застройщику при долгосрочной «заморозке» производимых работ? – регистрировать право собственности на объект незавершенного строительства или не предпринимать никаких действий.

Как мы установили, судебные споры, которые возникают из-за возникновения подобных ситуаций, разрешаются судами по-разному, что не позволяет выработать какой-либо единой стратегии действий, а заставляет исходить из условий каждой конкретной ситуации.

В одних случаях, нежелание регистрировать право собственности может создать правовые проблемы вплоть до наступления юридической ответственности. В других – может породить споры в отношении прав на данный объект гражданских прав.

Суды при обращении с требованиями о регистрации права собственности на объекты незавершенного строительства, довольно тщательно исследуют техническую сторону вопроса, соответствие возведенного фундамента проектной документации и др. Уже есть ряд судебных решений, которыми отказано в подобной регистрации по причине незавершенности строительства самого фундамента. Подобная ситуация возникает в том случае, если фундамент строился не для возведения какого-либо строения, а носил другой, вспомогательный характер.

Например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.09.2016 № Ф08-6045/2016 по делу № А32-11191/2015 суд признал, что фундамент в котловане не может быть самостоятельным объектом недвижимости, а представляет собой укрепление земельного участка для возведения на его поверхности объекта недвижимости.

В дополнение к этому, Верховный Суд Российской Федерации ввел еще один признак - «оборотоспособность» объектов незавершенного строительства, при наличии которого суд встанет на защиту застройщика или заинтересован-

ных лиц. Однако при этом конкретных критериев данной оборотоспособности приведено не было.

Исходя из вышеизложенного, следует признать, что институт оформления прав на объекты незавершенного строительства требует правовой детализации и конкретизации, причем не только в отношении строительства частных домов, но и многоэтажного строительства квартир, где права приобретателей квартир защищены еще в меньшей степени.

Определение критериев и признаков, позволяющих рассматривать объекты незавершенного строительства как полноценные объекты гражданско-правового оборота является краеугольным камнем для субъектов гражданских правоотношений и судов.

Следовательно, необходима дальнейшая законодательная конкретизация определения правового статуса объектов незавершенного строительства в Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 05 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.
2. Михайленко Е.М. Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 307 с.
3. Батуева Э.Ц. Исторический процесс становления объектов незавершенного строительства в качестве объектов недвижимого имущества / Э.Ц. Батуева, Т.Ф. Даржаева // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 11. С. 57–61. DOI: 10.18572/1813-1247-2018-11-57-61 EDN: YOEEEDJ
4. Алексеев В.А. Определение объекта незавершенного строительства как недвижимой вещи // Гражданское право. 2018. № 3. С. 25–28. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-3-25-28 EDN: UQKSWI
5. Кондратенко З.К. Проблемы судебной практики, связанные с рассмотрением споров, возникающих по договорам аренды объектов незавершенного строительства // Юрист. 2018. № 3. С. 30–34. DOI: 10.18572/1812-3929-2018-3-30-34 EDN: YSWECQ
6. Ситдикова Л.Б. Проблемы исполнения обязательств на этапе незавершенного строительства // Правовые вопросы строительства. 2015. № 1. С. 26–31. EDN: TXTKXF
7. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519205

References:

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation № 51-FZ of November 30, 1994 // Collection of legislation of the Russian Federation dated December 05, 1994. № 32. Art. 3301.
2. Mikhailenko E.M. Civil law. General part: textbook and practicum for universities. 4th ed., revised. and add. M. : Yurait Publishing House, 2025. 307 p.
3. Batueva E.Ts. The historical process of formation of objects of unfinished construction as objects of immovable property / E.Ts. Batueva, T.F. Darzhaeva // State power and local self-government. 2018. № 11. P. 57–61. DOI: 10.18572/1813-1247-2018-11-57-61 EDN: YOEEEDJ
4. Alekseev V.A. Definition of an object of unfinished construction as an immovable thing // Civil law. 2018. № 3. P. 25–28. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-3-25-28 EDN: UQKSWI
5. Kondratenko Z.K. Problems of judicial practice related to the consideration of disputes arising under lease agreements for construction in progress // Lawyer. 2018. № 3. P. 30–34. DOI: 10.18572/1812-3929-2018-3-30-34 EDN: YSWECQ
6. Sitdikova L.B. Problems of fulfillment of obligations at the stage of unfinished construction // Legal issues of construction. 2015. № 1. P. 26–31. EDN: TXTKXF
7. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519205

Информация об авторах

Харитонов Илья Константинович

кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры конституционного,
административного и гражданского права,

Ilya K. Kharitonov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Constitutional,
Administrative and Civil Law,

Краснодарский университет МВД России
urpom.haritonoff@yandex.ru.ru

Неженец Виктория Сергеевна

старший преподаватель
кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
vika.nezhenets.85@mail.ru

Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
urpom.haritonoff@yandex.ru.ru

Victoria S. Nezhenets

Senior lecturer of the Department Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
vika.nezhenets.85@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.11.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.12.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-12>

УДК 347.91

Attribution

cc by

ОПТИМИЗАЦИЯ СУДЕБНО-ИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Цвилий-Букланова А.А.¹, Самолысов П.В.², Белова С.Н.³

¹Краснодарский университет МВД России,

^{2, 3}Академия управления МВД России

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся состояния и роли судебно-исковой работы в правовой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, состоящей в разрешении спорных ситуаций, возникающих в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения одной из сторон обязательств и конфликтов между ними. В работе авторы обосновывают, что совершенствование правового регулирования судебно-исковой деятельности в органах внутренних дел объективно необходимо в связи с ростом числа ряда судебных разбирательств, связанных с оспариванием действий сотрудников полиции и существенными суммами возмещения ущерба. Актуальность данного процесса обусловлена потребностью в повышении эффективности судебно-исковой работы, адаптации к развитию цифровых технологий в правосудии и унификации нормативной базы с целью устранения законодательных неточностей. По завершении исследования подтверждена (обусловлена) актуальность совершенствования правового регулирования судебно-исковой работы в ОВД предлагаемыми мероприятиями: организационно-правового характера, информационного, кадрового и ресурсного обеспечения.

Ключевые слова: органы внутренних дел, правовая работа, судебно-исковая работа, иск, взыскание, нарушения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

OPTIMIZATION OF LITIGATION ACTIVITIES IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL ASPECTS

Anna A. Tsviliy-Buklanova¹, Pavel V. Samolysov², Svetlana N. Belova³

¹Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

^{2, 3}Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. This article examines the status and role of litigation in the legal activities of internal affairs agencies of the Russian Federation, which involves resolving disputes arising from the failure or improper fulfillment of obligations by one party and conflicts between them. The authors argue that improving the legal regulation of litigation in internal affairs agencies is objectively necessary due to the growing number of legal proceedings challenging the actions of police officers and the significant amounts of damages required. The relevance of this process stems from the need to improve the effectiveness of litigation, adapt to the development of digital technologies in the justice system, and unify the regulatory framework to eliminate legislative inaccuracies. Upon completion of the study, the relevance of improving the legal regulation of litigation work in the internal affairs bodies was confirmed (determined) by the proposed measures: organizational and legal, information, personnel and resource support.

Keywords: internal affairs agencies, legal work, litigation work, claim, collection, violations.

Funding: Independent work.

Введение.

Судебное и исковое направления работы являются важными составляющими правовой работы

органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД). Оба эти направления имеют свои особенности, цели и могут взаимодополнять друг друга.

© Цвилий-Букланова А.А., Самолысов П.В., Белова С.Н.

Необходимость рассмотрения совершенствования правового регулирования претензионной и судебно-исковой работы связана с обеспечением органами внутренних дел соблюдения законности, защиты прав и законных интересов граждан и организаций, предотвращения внешних и внутренних конфликтов и разрешения споров.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности судебно-исковой работы в ОВД, которая представляет собой сложный и многоаспектный вид деятельности, направленный на защиту законных прав и интересов государства, а также прав и свобод граждан, пострадавших от преступлений и иных правонарушений. Эффективное осуществление этой работы является важным условием обеспечения законности и правопорядка в государстве, поддержания авторитета ОВД и укрепления доверия граждан к правоохранительной системе.

Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем количественные и качественные методы анализа (в том числе статистические данные, отчеты, обзоры основных результатов правовой работы за 6 лет в динамике, судебные решения и иные материалы).

Основным замыслом исследования является использование практико-ориентированного подхода, в том числе с конкретными примерами из судебной практики), который подтверждает актуальность разработанных мероприятий по совершенствованию правового регулирования судебно-исковой работы в ОВД.

Обсуждение.

Правовое регулирование судебно-исковой работы в ОВД осуществляется на основе Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, а также ведомственных нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). Однако, несмотря на наличие многолетней обширной нормативной базы, в данной сфере существует ряд проблем, требующих своего решения в целях повышения результативности и обеспечения законности в данной области.

Судебно-исковая деятельность в рамках юридической деятельности ОВД (включая участие в судебных процессах) играет ключевую роль в урегулировании разногласий и конфликтов между участниками правоотношений. Такие споры зачастую возникают вследствие невыполнения одной из сторон своих обязательств и могут быть напрямую связаны с недостатками в правовом контроле и договорной работе, осуществляемой ОВД.

Отметим, что привлечение представителей науки к основательному изучению оснований для отклоненных исков, а также к созданию предупредительных мероприятий, направленных на

минимизацию правонарушений, с учетом возможных финансовых и репутационных рисков для МВД России, является необходимым фактором повышения действенности защиты интересов ведомства.

Системный подход взаимодействия науки и практики, научного анализа и прогнозирования дает возможность предполагать сокращение вероятности возникновения аналогичных ситуаций и улучшить процесс принятия решений на всех уровнях управления [1].

Результаты.

Важным инструментом анализа состояния правовой работы является статистическая отчетность. Приказ МВД России от 16 мая 2016 г. № 250 [10] регламентирует сбор и обработку данных о правовой деятельности, включая информацию о жалобах на действие (бездействие) органов и должностных лиц, оспаривании нормативных актов, трудовых спорах, вопросах возмещения вреда здоровью, жилищных спорах, взыскании обязательных платежей, исполнении договорных обязательств, защите чести и достоинства, нарушении порядка рассмотрения жалоб граждан и миграционных вопросах.

Из анализа статистических данных наибольшее число исков приходится на обжалование действий (бездействий) ОВД и должностных лиц, возмещение вреда, исполнение договорных обязательств и вопросы миграции. Так, за период с 2020 по 2023 годы статистические показатели свидетельствуют о стабильности предъявляемых к ОВД исков, в среднем, около 30 тысяч в год, с тенденцией к незначительному росту числа удовлетворенных исков: (33,9 % – 2014 году, 38,3 % – в 2023 году) (рис. 1) [9].

Что касается исков, предъявляемых непосредственно органами МВД России, то в последнее время наблюдается тенденция к их снижению, при этом процент удовлетворенных исков растет до 86–89 % (рис. 2).

Основными категориями исков выступают исковые заявления об исполнении договорных обязательств, регрессные требования к сотрудникам о возмещении ущерба, жилищные споры и иски о защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников.

Процесс предъявления иска начинается с выявления факта нарушения прав и законных интересов ОВД. Руководитель соответствующего органа принимает решение о судебной защите и поручает представление интересов ведомства правовому подразделению или иному лицу. Представитель ОВД анализирует материалы дела, изучает законодательство и судебную практику, собирает необходимые доказательства и формирует предложение о подаче искового заявления. Далее, он подготавливает и направляет иск в суд, участвует в судебных заседаниях и осуществляет все необходимые действия для защиты интересов МВД России.

Рисунок 1 – Сведения о результатах защиты имущественных интересов системы МВД России в качестве ответчика.
(Составлено авторами на основе анализа отчетных результатов правовой работы в системе МВД России за 2014–2023 гг. [3–6; 7–9]).

Рисунок 2 – Сведения о результатах защиты имущественных интересов системы МВД России в качестве истца за 2014–2023 гг.
(Составлено авторами на основе анализа отчетных результатов правовой работы в системе МВД России за 2014–2023 гг. [3–6; 7–9]).

Рассмотрим состояние и проблемы судебно-исковой работы в ОВД с двух, диаметрально противоположных, позиций: в ситуациях, когда иски и жалобы предъявляются к органу (подразделению) МВД России, и когда заявления и жалобы предъявляются к физическим и юридическим лицам (должникам) со стороны ведомства МВД России.

МВД России выступает в суде ответчиком.

В правовой области в части информации о жалобах на орган, организацию или подразделение отчетные данные составляются и анализируются ОВД за полугодие и год с нарастающим итогом по следующим фактам:

1. Об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, ведомств и долж-

ностных лиц и (или) о том, как компенсировать (недействительный) ущерб, причиненный этими действиями, в том числе должностным лицам:

— в соответствии со статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в части ответственности за ущерб, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами, в том числе отдельно: за ущерб, причиненный в связи с изъятием имущества и ненадлежащим содержанием граждан, ответственность за ущерб, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления и другими;

— в соответствии со статьей 1070 ГК РФ, согласно ответственности за ущерб, причиненный

незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда;

– о своевременном требовании компенсации за нарушение прав на судебное разбирательство и о праве на исполнение судебного акта в разумный срок.

2. О жалобе на нормативный правовой акт МВД России.

3. После обжалования приказа (решения), а также других документов, относящихся к службе (работе), в том числе: о восстановлении на (службе) работе; об отмене дисциплинарного взыскания.

4. О возмещение вреда здоровью, в том числе выплата пособий в связи со смертью сотрудника и индексация этих сумм.

5. Об оспаривании и принятии решений по жилищным вопросам.

6. О взыскании обязательных платежей, в том числе: об индексации потраченных сумм (за исключением ущерба здоровью) и выплате пенсии.

7. О выполнении договорных обязательств.

8. О защите чести, достоинства и репутации организации.

9. О нарушении порядка рассмотрения жалоб граждан, организаций и общественных объединений.

10. О проблемах миграции.

11. Для других категорий дел.

Итак, в 2023 году к системе МВД России было предъявлено 28 309 исков (на 2946 исков меньше показателя 2022 года) на сумму 46,8 млрд руб. [9]. Количество удовлетворенных исков с учетом исков прошлых лет уменьшилось на 3,5 % и составило 10847 исков, однако, взысканная по ним сумма увеличилась на 9,3 %, или на 121 млн руб. и составила 1 млрд 419,9 млн руб. Отказы в удовлетворении исков составили показатель 17848 на сумму более 10 трлн 66 млрд руб.

Вместе с тем, наблюдалось увеличение размера взысканных денежных средств, что обусловлено исками об исполнении договорных обязательств. При снижении числа удовлетворенных исков на 30 % (с 1656 предыдущего года до 1161 исков) размер взысканных по ним денежных средств увеличился на 16,3 % и составил 732,9 млн руб., что составляет 51,8% взысканных сумм по всем категориям исков.

Положительная динамика была отмечена по делам о взыскании компенсации на судопроизводство в разумный срок (–13,5 % по количеству и –42,3 % по сумме), о возмещении вреда, причиненного в связи с изъятием имущества (–3,1 %

по количеству и –63,4 % по сумме), о восстановлении на службе (–9,8 % по количеству и –16,1 % по сумме), снятии дисциплинарного взыскания (–26,9 % по количеству и –19,6 % по сумме), нарушении порядка рассмотрения обращений граждан (–4,1 % по количеству), в сфере миграции (–1,8 % по количеству), оспаривании решений по жилищным вопросам (–1,2 % по количеству), что объяснимо повышением внимания и профессионализма сотрудников ОВД.

Сохранилась тенденция роста числа удовлетворенных исков отдельных категорий, однако, темпы такого роста снизились, в том числе по делам о взыскании ущерба в порядке статьи 1069 ГК РФ (+7 %), о ненадлежащем содержании в ИВС (+5,4 %), в порядке статьи 1070 ГК РФ (+1,9 %).

Также увеличилось число удовлетворенных требований по искам о взыскании обязательных платежей (+63,3 %, с 237 до 387), в том числе пенсионных выплат (+11,9 %, с 160 до 179).

Наряду с исками об исполнении договорных обязательств, наибольшие суммы взысканы по искам, рассмотренным в порядке статьи 1070 ГК РФ (192,4 млн руб., +33,6 %, отмечено увеличение на 48,4 млн руб.), статьи 1069 ГК РФ (163,6 млн руб.), по иным категориям дел (106 млн руб.), по искам об оспаривании решений по жилищным вопросам (70,6 млн руб.).

Основными причинами удовлетворения исков о возмещении вреда, причиненного в связи с изъятием имущества, можно выделить следующие:

1. Преступные действия должностных лиц ОВД по обращению имущества в свою пользу. Так, например, решением Бабушкинского районного суда г. Москвы от 07 мая 2024 г. в пользу Н. взыскано 26 млн рублей в счет возмещения вреда, причиненного преступлением. Установлено, что заместитель начальника ОМВД России по Ярославскому району г. Москвы – начальник СО тайно похитил изъятые у истца и не признанные вещественными доказательствами денежные средства в размере 26 млн рублей, хранившиеся в сейфе его служебного кабинета. Приговором Бутырского районного суда г. Москвы он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ (тайное хищение чужого имущества в особо крупном размере) (дело № 02-6651/2023, ГУ МВД России по г. Москве) [11].

2. Совершение сотрудниками территориальных органов МВД России неправомерных действий в отношении изъятых имущества, повлекших их повреждение или утрату. Пример: апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 15 января 2024 г. в пользу С. взыскано 138 тыс. рублей в связи с повреждением изъятых автомобиля. Автомобиль истца после изъятия был помещен на стоянку во внутреннем дворе ОП № 9 МУ МВД России «Красноярское». В дальнейшем, оперуполномоченный, проводивший

процессуальную проверку, лично перегнал автомобиль на исследование в ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю, а при возвращении автомобиля на стоянку ОП № 9 МУ МВД России «Красноярское», управляя данным автомобилем, допустил наезд на столб ворот, повредив заднюю часть автомобиля. Судом установлено, что принадлежащий истцу автомобиль был поврежден после его изъятия сотрудниками полиции в период проведения процессуальной проверки и нахождения изъятых автомобилей в ведении органа полиции, что свидетельствует о ненадлежащем исполнении обязанности по обеспечению сохранности изъятых имущества [12].

3. Отсутствие в территориальных органах МВД России надлежащих условий хранения имущества. Так, решением Ленинского районного суда г. Ставрополь (от 09.08.2023) иск Ш. о компенсации убытков, связанных с повреждением конфискованного автомобиля (включая вмятины, царапины, загрязнение моторного отсека, следы грызунов, повреждения шин и коррозию тормозных дисков, а также загрязнение технических жидкостей), был удовлетворен. В пользу истца присуждено 243000 рублей в качестве возмещения ущерба и 31000 рублей на покрытие судебных издержек. Суд установил, что автомобиль содержался в ненадлежащих условиях на открытой территории ГУ МВД России по Ставропольскому краю [13].

4. Помещение имущества на хранение без проверки фактической возможности хранителя обеспечить надлежащие условия хранения. Согласно судебному решению Красноярского районного суда Астраханской области от 02 октября 2023 года, иск Т. о компенсации ущерба, связанного с утратой конфискованной икры осетровых, был удовлетворен. Суд постановил взыскать в пользу истца 540 тысяч рублей. В ходе проверки, проведенной сотрудниками МО № 2 УЭБиПК УМВД России по Астраханской области, было установлено, что 47 банок с икрой осетровых, помещенных в два пенопластовых контейнера, были изъяты и переданы ООО «Астрахань-Рыба» по товарной накладной. Икра была уничтожена в результате пожара в неиспользуемом здании бывшего холодильника АО «Астрахань-Рыба», вызванного повреждением неработающей аммиачно-холодильной установки. Суд пришел к заключению, что сотрудники полиции не обеспечили надлежащую сохранность изъятых имущества [14].

5. Ненадлежащая фиксация в процессуальных документах качественных характеристик имущества, его состояния при изъятии.

6. Использование упаковки, не обеспечивающей целостности имущества при хранении. В качестве примера приведем дело № 2-515/2023, ответчик – МВД по Республике Крым. Телевизор был конфискован в рамках уголовного дела в качестве обеспечительной меры и размещен на

хранение в камере хранения вещественных доказательств. В период хранения, несмотря на упаковку в пленку и опечатывание, были зафиксированы механические повреждения телевизора (повреждение экрана). Суд установил, что ремонт экрана не обеспечит полного восстановления прав истца. В связи с этим, взыскана сумма (51000 руб.), соответствующая стоимости аналогичного телевизора на момент рассмотрения дела [15].

7. Невыполнение обязанностей по помещению изъятых имущества в камеру хранения либо иное выделенное место для хранения. Арбитражный суд Иркутской области 08 августа 2024 года удовлетворил иск ООО «ТК «Актив» о компенсации ущерба в размере 1,4 млн руб. Ущерб был вызван некачественным хранением изъятых дизельного топлива, что привело к его потере. Согласно материалам дела, по заявлению ООО «ТК «Актив» на производственной базе ИП С.А.А. было осмотрено и изъято 30095 литров дизельного топлива. После осмотра топливо было передано ИП С.А.А. на ответственное хранение. Следовательно не рассматривал вопрос о признании дизельного топлива вещественным доказательством. Договор о передаче на хранение с ИП С.А.А. не был заключен, что и повлекло утрату имущества истца [16].

8. Отсутствие контроля фактического хранения имущества (непроведение сверок наличия имущества). Решением Смольнинского районного суда Санкт-Петербурга удовлетворены иски требования М. о возмещении убытков в размере 1,8 млн руб. Основанием послужила утрата его автомобиля, изъятых после ДТП и признанного вещдоком по уголовному делу. Согласно акту от 06 июня 2018 г., автомобиль был передан на ответственное хранение ООО «Центр правовой помощи по ОСАГО и КАСКО». Однако при запросе выяснилось, что транспортное средство отсутствует на складе временного хранения. Суд установил, что ООО «Центр правовой помощи по ОСАГО и КАСКО» сменило адрес, а следовательно в течение двух лет не предпринимал действий по контролю за сохранностью изъятых имущества. Суд постановил, что ущерб М. возник вследствие ненадлежащего обеспечения сохранности, изъятых имущества сотрудниками полиции, и иск подлежит удовлетворению [17].

9. Утрата потребительских свойств в период хранения изъятых имущества, в том числе в связи с использованием опечатывающих изделий, влекущих повреждение поверхностей изъятых предметов. Решением Ленинского районного суда города Ставрополя от 18 апреля 2024 года удовлетворен иск Ю. к краевому ГУ МВД о компенсации ущерба в размере 442 тыс. руб., причиненного ненадлежащим хранением его автомобиля «Фольксваген Пассат» 2001 года выпуска. Суд установил, что автомобиль был изъят в феврале 2009 года для проверки изменений в номерных агрегатах, и, несмотря на отказ в возбуждении уголовного дела в декабре

2018 года из-за отсутствия состава преступления, автомобиль более 13 лет удерживался ОМВД России по г. Лермонтову и был возвращен владельцу лишь 22 августа 2023 года в неисправном состоянии [18].

10. Отсутствие оснований для изъятия имущества. Решением Туапсинского суда (дело № 2-44/2024) С. получила 125000 руб. в качестве возмещения ущерба. Данная сумма компенсирует затраты на аренду КАМАЗа, временно находившегося на спецстоянке после изъятия. Суд установил, что административное дело в отношении С. было прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения. Истец, арендуя КАМАЗ для осуществления поставок древесины, лишилась возможности использовать его на протяжении 79 суток, не прекращая при этом арендные платежи. Неправомерное привлечение к ответственности явилось причиной для взыскания убытков с ГУ МВД России по Краснодарскому краю, выраженных в сумме арендной платы [19].

Приведенные выше причины и примеры судебной практики об удовлетворении исковых требований, предъявленных к Российской Федерации в лице МВД России за счет средств казны Российской Федерации по делам, связанным со взысканием ущерба, причиненного незаконным изъятием имущества, свидетельствуют об ошибках, допущенных как на стадии проверки сообщения о преступлении, так и при производстве по делу об административном правонарушении, уголовному делу.

Высокие показатели числа удовлетворенных исков обусловлены зачастую и объективными причинами. Например, по спорам об исполнении договорных обязательств основной причиной удовлетворения исков явилась невозможность надлежащего исполнения МВД России обязательств по оплате потребленных коммунальных ресурсов, услуг связи и осуществлению иных обязательных платежей, связанных с эксплуатацией помещений, находящихся в оперативном управлении либо безвозмездном пользовании учреждений МВД России.

В тоже время, анализ судебных актов по искам о взыскании задолженности за коммунальные услуги показывает, что помимо основной суммы долга, взыскиваются значительные денежные средства в качестве пени [2].

Действительные результаты судебно-исковой работы за 2023 год по системе МВД России свидетельствуют о положительной динамике судебной защиты по делам о восстановлении на службе (работе) в органах внутренних дел снятия дисциплинарного взыскания, которые являются своеобразными индикаторами качества правового контроля.

Так, в 2024 году о восстановлении на службе предъявлено 745 исков (–16,9 %) на сумму 293,4 млн руб. (+35,7 %), с учетом исков прошлых лет

удовлетворен 91 иск (–24,2 %) на сумму 44 млн руб. (–2,2 %), отказано в удовлетворении 720 исков (–8,4 %) на сумму 323 млн руб. (+34,1 %) [20].

Вместе с тем, в отдельных территориальных органах МВД России состояние дел по указанной категории исковых требований подтверждает наличие системных проблем, требующих принятия действенных мер по повышению качества правового контроля. Так, наибольшее количество исков о восстановлении на службе (работе) в органах внутренних дел удовлетворено по требованиям к МВД по Республике Ингушетия, ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по Ставропольскому краю, МВД по Республике Крым, а о снятии дисциплинарного взыскания – МВД по Республике Ингушетия, ГУ МВД России по Алтайскому краю, ГУ МВД России по Ставропольскому краю, УМВД России по Приморскому краю.

Основаниями признания приказов о наложении дисциплинарных взысканий и (или) увольнении со службы в органах внутренних дел незаконными явились, в том числе недоказанность материалами служебной проверки дисциплинарного проступка, привлечение к дисциплинарной ответственности за действия (бездействие), находящиеся вне компетенции сотрудника, нарушение процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности, неверное отнесение проступка к грубому или длящемуся нарушению, нарушение процедуры увольнения.

Установленные судами нарушения, допускаемые при привлечении сотрудников (работников) к дисциплинарной ответственности или при увольнении со службы (работы), могли и должны быть выявлены при осуществлении правового контроля на стадии согласования проектов заключений по материалам служебных проверок, приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности или увольнении со службы (работы).

МВД России выступает в суде истцом.

Что касается исков, предъявляемых непосредственно органами МВД России, то в последнее время наблюдается тенденция к их снижению, при этом процент удовлетворенных исков растет. Основными категориями исков выступают исковые заявления об исполнении договорных обязательств, регрессные требования к сотрудникам о возмещении ущерба, жилищные споры и иски о защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников.

За последние пять лет число фактов обращения органов внутренних дел в суды за защитой своих прав последовательно снижалось: в 2020 году органами, организациями, подразделениями системы МВД России в суды было предъявлено 7920 исков, в 2023 г. – 6071 иск, 2024 году – 5697 исков (–9,1 % предыдущего года). При изучении сведений об исках, содержащихся в территори-

альных сегментах модуля «Иск» СОДПП ИСОД МВД России, установлено, что уменьшение статистических показателей объема судебной работы обусловлено исключением необоснованно учтенных исков (например, об установлении административного надзора, помещении лица в ЦВСИГ и другие). Результативность судебной защиты на протяжении указанного времени остается стабильно высокой: в 2024 году удельный вес числа удовлетворенных исков среди рассмотренных составил 88,5 % [20, с. 77–78].

В статистической форме «Право» категория исков «Предъявлено органом, организацией, подразделением исков» учитывается по следующим показателям:

1. Об исполнении договорных обязательств (в том числе взыскание штрафов и пени).
2. В порядке регресса, в том числе: в возмещение ущерба с виновных сотрудников (федеральных государственных гражданских служащих, работников); о взыскании с виновных лиц сумм, выплаченных в возмещение вреда здоровью;
3. По жилищным спорам.
4. О защите деловой репутации.
5. По иным категориям дел.

Основанием для предъявления иска является выявленный факт нарушения прав и законных интересов ОВД.

Процесс предъявления иска начинается с выявления факта нарушения прав и законных интересов ОВД. Руководитель соответствующего органа принимает решение о судебной защите и поручает представление интересов ведомства правовому подразделению или иному лицу. Представитель ОВД анализирует материалы дела, изучает законодательство и судебную практику, собирает необходимые доказательства и формулирует предложение о подаче искового заявления. Далее, он подготавливает и направляет иск в суд, участвует в судебных заседаниях и осуществляет все необходимые действия для защиты интересов МВД России.

Подача органом, организацией, подразделением системы МВД России искового заявления в суд должна быть обоснованной. В этом случае эффективность судебной защиты также не будет вызывать сомнений.

Важное значение для эффективности судебной работы имеет качество подготовки процессуальных документов, в частности, апелляционных жалоб на решения судов, вынесенных не в пользу МВД России, и с существенным нарушением норм законодательства Российской Федерации. В случае ненадлежащей работы по апелляционному обжалованию таких судебных

решений снизится результативность их дальнейшего обжалования в кассационном порядке.

Заключение.

В целях повышения эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел, досудебного урегулирования споров, повышения профессионального мастерства сотрудников, представляющих интересы МВД России в судах, на основе результатов мониторинга судебной практики, необходимо регулярное изучение сотрудниками ОВД основных результатов судебной работы в системе МВД России, учет и использование разработанных центральным аппаратом МВД России методических рекомендаций по вопросам правового сопровождения в судах различных категорий дел.

В условиях современного функционирования ОВД крайне важным представляется внедрение комплексного метода урегулирования появляющихся проблем в процессе судебного-исковой деятельности. Этот метод должен основываться на задействовании организационных, кадровых, информационных и материальных ресурсов.

Обобщение судебных решений помогает оперативно находить и изучать упущения, а также выработать и реализовывать требуемые меры для уменьшения и устранения этих недочетов, учитывая текущие условия и правовые нормы. В конечном итоге это должно привести к оптимизации организации и выполнения судебной-исковой деятельности. Кроме того, важным элементом совершенствования качества судебной-исковой работы является вовлечение научных сотрудников в детальный, тщательный анализ причин проигранных исков и разработку превентивных мер по предотвращению нарушений.

Проведенный анализ состояния и изменений судебной-исковой деятельности органов внутренних дел позволил резюмировать следующее. Актуальность совершенствования правового регулирования судебной-исковой работы в ОВД обусловлена:

- 1) увеличением количества судебных споров с участием ОВД, связанных с возмещением ущерба, причиненного незаконными действиями (бездействием) сотрудников полиции, а также с оспариванием решений и действий (бездействия) ОВД;
- 2) востребованностью повышения эффективности и результативности судебной-исковой работы, направленной на взыскание ущерба, причиненного преступлениями и иными правонарушениями;
- 3) развитием информационных технологий и внедрением цифровых сервисов в сфере правосудия, требующих адаптации правового регулирования судебной-исковой работы в ОВД к новым условиям;

4) необходимостью унификации и систематизации нормативных правовых актов, регулирующих судебно-исковую работу в ОВД, в целях устранения пробелов и противоречий в законодательстве.

В структуре исков, предъявленных к МВД России, особое место занимают иски о возмещении вреда, причиненного в связи с изъятием имущества (в порядке статьи 1069 ГК РФ).

Нарушение прав граждан и юридических лиц при выполнении должностными лицами территориальных органов МВД России властных полномочий по изъятию имущества влекут, в том числе и значительные репутационные потери МВД России, подрывают доверие граждан к органам внутренних дел.

Гражданско-правовая ответственность за не обеспечение сохранности изъятых в рамках уголовного дела имущества, предусмотренная статьями 16, 1064, 1069 ГК РФ, возлагается на Российскую Федерацию в лице соответствующих органов исполнительной власти, к полномочиям которых отнесено осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Судами принимается во внимание, что при изъятии имущества в рамках проверки сообщения о преступлении и при расследовании уголовного дела хранение данного имущества осуществляется в силу закона.

Помимо основного ущерба по искам рассматриваемой категории, удовлетворяются требования о компенсации морального вреда. Разрешая требования истцов о компенсации морального вреда, причиненного утратой изъятых имущества, суды исходят из особой роли правоохранительных органов в жизни граждан Российской Федерации, которая направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов любых субъектов правоотношений, на обеспечение безопасности, законности и правопорядка, а также на борьбу с преступностью.

Совершение сотрудником органов внутренних дел преступления – вопиющий факт, влекущий, как правило, наибольшие суммы, подлежащие взысканию за счет средств казны Российской Федерации, складывающиеся из компенсации вреда, причиненного жизни, здоровью, а также морального вреда. Однократно совершенное

сотрудником правонарушение влечет за собой многолетние судебные тяжбы и потери значительных денежных сумм казной Российской Федерации. Последствия совершения сотрудником органов внутренних дел преступлений ложатся бременем на федеральный бюджет и наносят непоправимый репутационный вред органам внутренних дел в целом.

С целью разрешения возникающих проблемных ситуаций в судебно-исковой работе на основе ранее изученных научных взглядов и статистических материалов, авторами предложено использовать системный подход с опорой на меры организационно-правового, информационного, кадрового и ресурсного характера [21].

Изучение решений судов позволяет оперативно обнаруживать и оценивать упущения, а также разрабатывать и внедрять требуемые меры для их сокращения и устранения, отвечающие современным тенденциям и требованиям правовых норм. Это, в перспективе, создаст условия для более результативной организации и ведения судебно-претензионной деятельности подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Одним из важнейших векторов развития правового регулирования и юридической поддержки деятельности МВД России является создание и оптимизация правовых подходов к судебной защите интересов государства, представляемого МВД России, включая дела о возмещении ущерба и/или компенсации морального вреда, нанесенного неправомерными решениями и действиями (или их отсутствием) должностных лиц правоохранительных органов. Реализация указанных мер позволит значительно повысить эффективность судебно-исковой работы в ОВД, обеспечить защиту законных прав и интересов государства и граждан, укрепить авторитет ОВД и повысить доверие к правоохранительной системе.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на выработку конкретных предложений по реализации указанных направлений совершенствования правового регулирования судебно-исковой работы в ОВД, учитывающих специфику деятельности различных подразделений и регионов Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Авдейко А.Г. Обеспечение защиты интересов территориального органа МВД России в судах и правовая защита его сотрудников // Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». URL : <http://www.ormvd.ru/pubs/102/the-protection-of-the-interests> (дата обращения 01.05.2025).
2. Белова С.Н. Предупреждение типичных нарушений при закупках товаров, работ, услуг для нужд органов внутренних дел: методология, теория, судебная практика / С.Н. Белова, А.А. Цвилий-Букланова, П.В. Самолысов // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3(59). С. 48–58. DOI: 10.24412/2072-9391-2021-359-48-58 EDN: FEZAET
3. Обзор основных результатов правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2019 году // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
4. Обзор основных результатов правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2020 году // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
5. Обзор основных результатов правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2021 год // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
6. Обзор основных результатов правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2022 год // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
7. Результаты работы по основным направлениям правовой работы в системе МВД России (2014 год – первое полугодие 2018 года) // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
8. Сводный отчет о состоянии правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года // Модуль «Сервис ведомственной правовой статистики» СОДПП ИСОД МВД России. URL : <http://svps.mvd.ru/c/portal>
9. Сводный отчет о состоянии правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года // Модуль «Сервис ведомственной правовой статистики» СОДПП ИСОД МВД России. URL : <http://svps.mvd.ru/c/portal>
10. О совершенствовании статистической отчетности о состоянии правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России 16 мая 2016 г. № 250 // Доступ из СТРАС «Юрист».
11. Дело № 02-6651/2023, ГУ МВД России по г. Москве. URL : <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases> (дата обращения 20.10.2025).
12. Дело № 2-103/2023, ГУ МВД России по Красноярскому краю. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 20.10.2025).
13. Дело № 2-1916/2023, ГУ МВД России по Ставропольскому краю. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 22.10.2025).
14. Дело № 2-446/2023, УМВД России по Астраханской области. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ALBZSMJVtR> (дата обращения 22.10.2025).
15. Дело № 2-515/2023, МВД по Республике Крым. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 23.10.2025).
16. Дело № А19-1002/2024, ГУ МВД России по Иркутской области. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/9SbcV92wVvbA> (дата обращения 22.10.2025).
17. Дело № 2-50/2023, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/L56nr7orCxVC> (дата обращения: 21.10.2025).
18. Дело № 2-161/2024, ГУ МВД России по Ставропольскому краю. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 20.10.2025).
19. Дело № 2-44/2024, ГУ МВД России по Краснодарскому краю. URL : https://tuapse-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&case_id=368834330&case_uid=c8980823-de95-40cf-89e1-2ad65b6a9f34&delo_id=41&case_type=0&new=0&srv_num=1
20. Обзор о результатах судебно-исковой работы в системе министерства внутренних дел российской федерации в 2024 году // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal (дата обращения 10.10.2025).
21. Самолысов П.В. Совершенствование правового регулирования претензионной работы в органах внутренних дел Российской Федерации / П.В. Самолысов, А.А. Цвилий-Букланова, С.Н. Белова // Административное право и процесс. 2025. № 9. С. 45–47. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-9-45-47 EDN: MHKDNB

References:

1. Avdeiko A.G. Ensuring the protection of the interests of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the courts and the legal protection of its employees // Popular Law Almanac of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Professional». URL : <http://www.ormvd.ru/pubs/102/the-protection-of-the-interests> (date of application 05/01/2025).
2. Belova S.N. Prevention of typical violations in the procurement of goods, works, and services for the needs of law enforcement agencies: methodology, theory, and judicial practice / S.N. Belova, A.A. Tsviliy-Buklanova, P.V. Samolysov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3(59). P. 48–58. DOI: 10.24412/2072-9391-2021-359-48-58 EDN: FEZAET

3. Review of the main results of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2019 // Module «Portal of Legal information» of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
4. Review of the main results of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2020 // Module «Portal of Legal information» of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
5. Review of the main results of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2021 // Module «Portal of Legal information» of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
6. Review of the main results of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2022 // Module «Portal of Legal information» of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
7. The results of work on the main areas of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia (2014 – the first half of 2018) // Module «Portal of Legal information» of the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal
8. Summary report on the state of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for January-December 2022 // Module «Service of departmental legal Statistics» of the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <http://svps.mvd.ru/c/portal>
9. Summary report on the state of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for January-December 2023 // Module «Service of departmental legal Statistics» of the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <http://svps.mvd.ru/c/portal>
10. On improving statistical reporting on the state of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 250 dated May 16, 2016 // Access from STRAS «Lawyer».
11. Case № 02-6651/2023, Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow. URL : <https://mosgorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases> (date of application 10/20/2025).
12. Case № 2-103/2023, Ministry of Internal Affairs of Russia in the Krasnoyarsk Territory. URL : <https://sudact.ru> (date of application 10/20/2025).
13. Case № 2-1916/2023, Ministry of Internal Affairs of Russia in the Stavropol Territory. URL : <https://sudact.ru> (date of application 10/22/2025).
14. Case № 2-446/2023, Ministry of Internal Affairs of Russia in the Astrakhan region. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ALBZSMJvR> (date of application 10/22/2025).
15. Case № 2-515/2023, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Crimea. URL : <https://sudact.ru> (date of application 10/23/2025).
16. Case № A19-1002/2024, Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/9SbcV92wVvbA> (date of application 10/22/2025).
17. Case № 2-50/2023, the Ministry of Internal Affairs of Russia in St. Petersburg and the Leningrad region. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/L56nr7orCxVC> (date of application 10/21/2025).
18. Case № 2-161/2024, Ministry of Internal Affairs of Russia in the Stavropol Territory. URL : <https://sudact.ru> (date of application 10/20/2025).
19. Case № 2-44/2024, the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Краснодар Territory. URL : https://tuapse-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&case_id=368834330&case_uid=c8980823-de95-40cf-89e1-2ad65b6a9f34&delo_id=41&case_type=0&new=0&srv_num=1
20. Review of the results of litigation in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2024 // Module «Portal of Legal Information» of the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal (date of application 10.10.2025).
21. Samolysov P.V. Improvement of the legal regulation of claims work in the internal affairs bodies of the Russian Federation / P.V. Samolysov, A.A. Tsviliy-Buklanova, S.N. Belova // Administrative law and process. 2025. № 9. P. 45–47. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-9-45-47 EDN: MHKDNB

Информация об авторах

Цвилий-Букланова Анна Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры тылового обеспечения
и финансового контроля органов внутренних дел,
Краснодарский университет МВД России
ORCID: 0000-0002-0602-3313
AnnTsviliy@mail.ru

Anna A. Tsviliy-Buklanova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Logistics
and Financial Control of Internal Affairs Bodies,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0000-0002-0602-3313
AnnTsviliy@mail.ru

Самолысов Павел Валерьевич

кандидат педагогических наук,
доцент,

Pavel V. Samolysov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,

доцент кафедры организации
финансово-экономического,
материально-технического
и медицинского обеспечения,
Академия управления МВД России;
член Ассоциации юристов России
ORCID: 0000-0002-3645-3234
academyc@mail.ru

Белова Светлана Николаевна

кандидат экономических наук,
доцент,
заместитель начальника кафедры
организации финансово-экономического,
материально-технического
и медицинского обеспечения,
Академия управления МВД России,
ORCID: 0000-0002-3306-9405
cweta@inbox.ru

Associate Professor of the Department
of Financial, Economic, Logistical and Medical Support,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
Member of the Russian Bar Association
ORCID: 0000-0002-3645-3234
academyc@mail.ru

Svetlana N. Belova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Financial,
Economic, Logistical and Medical Support,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0000-0002-3306-9405
cweta@inbox.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.11.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.11.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 23.12.2025

Подписано в печать 25.12.2025

Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18

Печать riso. Уч.-изд. л. 7,75

Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.

Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 134

e-mail: id-yug@id-yug.com